

П 68
17699

2210013

6 МАЯ 2002

1. 3. 1. 2024

STANDARD INT. CHARTER

20 068 12 МАЯ 2004

Handwritten notes and stamps on the left page, including a large '3' and some illegible markings.

18150

2P
A-187

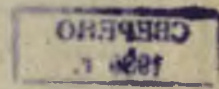
Handwritten signature or mark in the top right corner.

ЗАПИСКИ

СТАРОМЪ И НОВОМЪ

РУССКОМЪ ВЪТЪ.

К. А. Абдоговой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА Военно-Учебныхъ заведеній.

1842.

П

ЗАПИСКИ

СТАРОЕ И НОВОЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петер-
бургъ, 10 Марта 1842 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

18540

СВЕРЕНО
1846 г.

ГПНТБ СО АН СССР
Г. П. Б. Научно-
исследовательский институт

714 $\frac{2}{68}$

Сверено
1846 г.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

C'est un livre de bonne foi.
lecteur...

Монтань.

Принявши па себя редакцію *Записокъ о старомъ и новомъ Русскомъ бытѣ*, собранныхъ К. А. Авдѣевою, почитаю необходимымъ сказать предварительно нѣ-
сколько словъ, ибо безъ того читатель не можетъ
вполнѣ оцѣнить достоинствъ сей книги и извинить
ея недостатковъ. Хочу вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить
долгъ сердечной признательности и высказать ду-
шевные чувства мои къ сочинительницѣ.

Она родная сестра моя и старше меня семью го-
дами. Рожденная въ Курскѣ, въ первомъ дѣтствѣ
переехала она съ родителями нашими въ Иркутскъ,
гдѣ родились потомъ я и братья мои. Въ Иркутскѣ
вышла она замужъ за тамошняго купца. Онъ умеръ
въ 1815 году, оставя ее матерью нѣсколькихъ сыно-
вей и дочерей, воспитанію коихъ посвятила она всю
оставшую жизнь, переехавъ въ 1820 году изъ Си-
бири въ Курскъ, потомъ въ Москву, и съ зятемъ
своимъ (нынѣ профессоръ Дерптскаго университета,
М. П. Розбергъ), сперва въ Одессу, потомъ въ
Дерптъ. Теперь, на старости лѣтъ, судьба свела мое
кочующее житіе съ ея житіемъ на берегахъ Невы.

Въ отраднѣхъ бесѣдахъ нашихъ воспоминаемъ мы мелькнувшее мимо насъ полустолѣтіе, терновый путь жизни, которымъ Провидѣнію угодно было провести насъ въ свѣтъ, и свѣтлый умъ, опытъ свѣта, неистощимое на все доброе и прекрасное сердце сестры друга улаживаютъ сумерки моей жизни.

Могу ли исчислить, добрая сестра моя, все, чѣмъ я обязанъ тебѣ, начиная съ первыхъ наставленій моему отроческому понятію до всегдашней отрады сердцу въ старости? Могу ли также не удивляться твоему высокому самоотверженію добродѣтели въ жизни, и взгляду твоему на міръ, согрѣтому сердечною вѣрою, даже на западъ бытія, котораго, вѣроятно, уже немного остается на твою и мою долю? — «Для чего сказывать о томъ другимъ?» возразить мнѣ твоя скромность. Нѣтъ! я готовъ сказать о томъ цѣлому свѣту, и горжусь тѣмъ, что зналъ тебя въ жизни моей и что ты была сестра моя!

Воспитанная въ простотѣ патриархальнаго быта, предназначенная для тихой семейной жизни, всего менѣе могла предположить сестра моя, что будетъ когда нибудь *сочинительницею*. |Примѣръ отца, чело-
вѣка ума и образованія необыкновеннаго, и охота къ чтенію матери, память которой священна для насъ, дѣтей ея, съ дѣтскихъ лѣтъ возбудили во всѣхъ насъ страсть къ чтенію. Сестра учила меня азбукъ и была первою моею наставницею. Потомъ,

въ часы скорбей, среди заботъ жизни, посвящая въ уединеніи все время семейству и воспитанію дѣтей, она питала душу свою чтеніемъ безпрестаннымъ и разнообразнымъ, и необыкновенная память ея сдѣлалась наконецъ живою энциклопедіею, обширною библіотекою. Въ томъ заключилось все ея образованіе, но какъ ничтожны кажутся мнѣ иногда хвастливая образованность ученыхъ жепщинъ и односторонняя схоластика педагоговъ передъ образованіемъ и ученіемъ этой необыкновенной женщины, когда притомъ никто и не подумалъ бы, видя ее, подъ ея простыми, не свѣтскими формами, искать и найти обширное просвѣщеніе при умѣ самобѣдномъ!

Много разъ, слыша ея разговоры, ея рассказы живые и одушевленные, просили мы ее писать, по всегда съ усмѣшкою отказывала она въ просьбѣ нашей. Только одиночество жизни въ лѣтахъ преклонныхъ заставило ее однажды рѣшиться изложить свои воспоминанія о Сибири, и плодомъ сего занятія въ часы досуга была небольшая книжка: *Записки и замѣчанія о Сибири*, изданная въ Москвѣ, въ 1837 году, братомъ моимъ К. А. Добродушная сочинительница не позволила выставить въ заглавіи своего имени. Содержаніе книжки не могло обратить на нее особеннаго, общаго вниманія публики, но ее вполне оцѣнили знатоки. Отзывы объ ней людей, мнѣніемъ коихъ сестра моя уважала, и переводы и извлеченія изъ нея въ иностранныхъ журналахъ (о

Русскихъ журналахъ не говорю ни слова) показали неподдѣльное достоинство сочиненія. Мы просили послѣ того добрую сестру нашу продолжать свои литературныя занятія, и слѣдствіемъ просьбы нашей были статьи, помѣщенные съ 1837 года въ разныхъ журналахъ, въ редакціи коихъ я участвовалъ. Предметами статей были отдѣльныя воспоминанія и замѣтки о Курскѣ, Иркутскѣ, и Русскомъ бытъ вообще. Нѣкоторыя изъ нихъ также были переведены, вполнѣ и въ извлеченіяхъ, въ иностранные журналы, и заслужили лестное вниманіе людей просвѣщенныхъ и образованныхъ. Сестра позволила мнѣ послѣ того собрать сіи статьи въ одну книжку, и я поспѣшаю воспользоваться ея позволеніемъ. Здѣсь присовокуплена еще нигдѣ не напечатанная статья о Дерптѣ.

Осмѣлюсь сказать, предупреждая судъ публики, что *Записки о старомъ и новомъ Русскомъ бытъ*, подобно *Запискамъ о Сибири*, любопытное явленіе въ Русской литературѣ, по отношеніямъ сочинительницы и по содержанію.

Говорю по совѣсти, что редакцію мою ограничилъ я здѣсь только типографскою корректурою и весьма немногими грамматическими исправленіями: мысли, выраженіе ихъ, простота разсказа, милое добродушіе подробностей — все осталось такъ, какъ выливалось оно въ непринужденномъ изложеніи сочинительницы.

Признаюсь, что небольшую книжку сестры моей готовъ я поставить выше многихъ опытовъ стихотворной и прозаической болтовни нѣкоторыхъ Русскихъ писательницъ, разхваленныхъ въ журналахъ. Замѣтки и наблюденія, здѣсь помѣщенные, взятые изъ жизни народной, ставлю я также выше многихъ, мнимо-историческихъ, мнимо-археографическихъ изслѣдованій, авторы коихъ списываютъ по слуху и по слышкѣ.

Смѣю думать, что и незнающіе лично сочинительницы, и не оцѣняющіе въ ней, подобно мнѣ, достоинства челоѣка выше ея безспорнаго дарованія, согласятся со мною.

Но если я ошибаюсь, если меня увлекаетъ привязанность къ той, которую уважаю, какъ мать, люблю, какъ сестру, передъ которою благоговѣю, какъ передъ идеаломъ добродѣтели, пусть сіи строки будутъ свидѣтельствомъ хотя сихъ чувствъ, хранимыхъ въ душѣ моей, залогомъ всего добраго и прекраснаго!

Н. ПОЛЕВОЙ.

С. П. Б., Іюня 7-го 1842 года.

ДЕРПТЬ

ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Дорога отъ Петербурга до Стрѣльбы почти сплошь застроена дачами, которыя окружены садами и рощами. Въ лѣтнее время эти семнадцать верстъ можно считать продолженіемъ Петербурга. Шумъ, пыль, многолюдство, какъ въ городѣ, особливо подъ праздники и въ праздничные дни. Толпы гуляющихъ, экипажи, скачущіе взадъ и впередъ, въ Петергофъ, Ораніенбаумъ и на окрестныя дачи, пѣшеходы, идущіе помолиться въ Сергіевскую обитель, находящуюся на 18-й верстѣ отъ Петербурга, и погулять въ Петергофъ, гдѣ Царская Фамилія и ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ проводятъ лѣтнее время, дѣлаютъ изъ этой дороги безконечную улицу.

За Стрѣльною до Ямбурга мѣстоположеніе однообразное — степь, болота, кой-гдѣ усадебныя небольшіе пригорки; лѣсу мало; селеній большихъ нѣтъ. Ямбургъ, или Ямъ, старинный Русскій городъ, присоединенный къ Россіи въ 1703-мъ году, послѣ

долголѣтняго пребыванія во власти иноплеменной, завоеванъ славнымъ нашимъ полководцемъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. Ямбургъ чистенькій, хорошенькій городокъ. Городская площадь застроена казенными зданіями и очень красива. Далѣе за Ямбургомъ мѣстоположеніе становится возвышеннѣе и начинаются лѣса.

Подъѣзжая къ Нарвѣ и смотря на ея грозныя стѣны, невольно вздохнула я, вспоминая: сколько здѣсь, подъ ея стѣнами, пролилось Русской крови, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ! Петръ Великій, завоевая берега Невы, захотѣлъ возвратить и древнія Русскія области. Въ 1700 году двинулъ онъ подъ Нарву 45,000 войска, но оно состояло большею частью изъ новобранцовъ. Распорядившись осадой Нарвы, Петръ отправился въ Новгородъ для усиленія войскъ, поручивъ главное начальство герцогу Кроу, который, какъ будто предчувствуя неудачу, долго не хотѣлъ приять начальства надъ войскомъ. Карлъ XII-й съ одинадцатыми тысячами лучшаго своего войска шелъ на помощь осажденнымъ. На другой день послѣ отъѣзда Петра, Шведскій Король, подъ прикрытіемъ тумана, подведенъ былъ къ Русскому лагерю Чухономъ, тайною дорогою, стремительно напалъ, разсѣялъ нестройныя толпы Русскихъ, взялъ въ плѣнъ нѣсколько генераловъ и главнокомандующаго. Только князь Долгорукій, съ двумя гвардейскими полками, и генералъ Вейде, съ своею дивизіею, остановили натискъ Шведовъ, отразили и опрокинули ихъ. Вейде, раненый, взятъ въ плѣнъ. Карлъ XII-й согласился отпустить Русскихъ съ знаменами, оружіемъ и шестью пушками, но едва Рускіе начали

отступать, напалъ на нихъ въ располхъ. Рускіе принуждены были сдаться. Послѣ несчастной Нарвской битвы Рускіе всегда одерживали верхъ надъ Шведами и рядъ блистательныхъ побѣдъ повергъ къ стопамъ великаго Монарха Лифляндію и Эстляндію. Шведскій герой уничтоженъ былъ наконецъ подъ Полтавою гениальнымъ Русскимъ Царемъ и навсегда утратилъ войско и славу.

Въ Нарвѣ особенно замѣчательны: городскія стѣны; мостъ, выстроенный черезъ рѣку Нарову; на другомъ берегу рѣки развалины Иванъ-Города, почернѣвшія отъ времени и обросшія мохомъ. Лучшая часть города Нарвы находится на горѣ. Версты полторы за Нарвою, въ сторонѣ отъ большой дороги, Нарвскій водопадъ, шумъ котораго слышенъ за двѣ версты. Я не упустила случая взглянуть на него. Рѣка Нарова, протекая по гранитнымъ плитамъ, падаетъ на нѣсколько сажень въ низъ, волны, клубясь и раздробляясь въ безднѣ, превращаются въ мѣлчайшую пыль и посятся надъ водопадомъ въ видѣ облаковъ, или тумана; въ ясный солнечный день, когда лучи солнца, ударяя въ неисчислимыя водныя пылинки, отражаются въ нихъ радужными цвѣтами, зрѣлище бываетъ удивительное. Протекая далѣе, на разстояніи четверти версты Нарова кажется какъ будто кипящею и покрыта пѣной. Около водопада построено нѣсколько мельныхъ мельницъ. За Нарвой дорога болѣе разнообразна; есть довольно красивые виды — то горы, поросшія лѣсомъ, то поля, засѣянные хлѣбомъ. Верстахъ въ двадцати за Нарвой видно въ сторонѣ море. Въ окружающихъ лѣсахъ много дичи и она бываетъ не дорога. Во многихъ мѣстахъ ви-

4

дины насыпи, или курганы, означающія мѣста битвъ. Недалеко отъ мызы Вайвары есть курганъ и на немъ каменный крестъ. Не доѣзжая версты сто до Дерпта надобно вѣхать берегомъ Нейпуса; тутъ вездѣ видны лодки и сѣти. Береговые жители Нейпуса всѣ рыбаки и ловля рыбы главный промыселъ ихъ (*).

Чѣмъ ближе подъѣзжаете къ Дерпту, тѣмъ жи-
вѣ представляются событія временъ протекшихъ. Здѣсь Ярославъ, на границахъ Руси, для охраненія отъ набѣговъ сосѣдей заложилъ городъ и назвалъ его *Юрьевъ*. Здѣсь билъ Рускіе съ *Божьими Дворянами* (**). Здѣсь Іоаннъ Грозный каралъ непокорныхъ. Наконецъ Великій Петръ, бывши недо-
воленъ въ 1704 году распоряженіями Шереметева, самъ управлялъ осадой и овладѣлъ Дерптомъ 13-го Іюля. Послѣ столькихъ лѣтъ чуждаго владычества, Дерптъ страхнулъ съ себя иго иноземное и прочно присоединился къ общей матери Россіи, не какъ пасынокъ, но какъ родной, кровный сынъ ея и одинъ изъ числа старшихъ. Не знаю почему *Юрьевъ* называютъ до сихъ поръ *Дерптомъ*. Опъ основанъ Рускими; всѣ Рускіе живущіе, въ Остзейскихъ областяхъ, называютъ его всегда *Юрьевъ*, даже самые Нѣмцы называютъ его иногда *Юрьевъ*. Въ Ревелѣ улица, ведущая къ Дерптской заставѣ, называется *Юрьевская*. Мнѣ кажется лучше бы называть городъ его первобытнымъ именемъ.

Хотя Дерптъ часто мѣнялъ своихъ влестителей,

(*) Смотр. *Прогулка по Чудскому озеру*.

(**) Такъ называли Рускіе Меченосцовъ.

5

и то Нѣмцы, то Шведы, то Рускіе владѣли имъ попеременно, однакожь часть жителей его всегда составляли коренные Рускіе. Прежде были въ немъ двѣ Русскія церкви, и когда проѣзжала черезъ Юрьевъ царица Софія Ѳомииншна, то она встрѣчена была православнымъ духовенствомъ съ крестами и образами. Царица Софія была послѣдняя отрасль знаменитаго дома Греческихъ Императоровъ, племянница послѣдняго Греческаго Императора Константина Палеолога, геройски, съ мечемъ въ рукахъ умершаго при взятіи Царьграда Мугаммедомъ II. Бракъ Софіи съ Іоанномъ III-мъ много содѣйствовалъ къ просвѣщенію Россіи. Съ тѣхъ поръ принятъ въ Россійскій гербъ двуглавый орелъ.

Въ 1558 году гибъ Іоанна Грознаго разразился надъ Ливонією. Рускіе били рыцарей, жгли, опустошали Лифляндію, взяли Нарву, множество другихъ городовъ, осадили Дерптъ, и въ томъ же году, послѣ упорнаго сопротивленія, взяли его 18-го Іюля. Въ Дерптѣ былъ потомъ воеводою Алексій Ѳедоровичъ Адашевъ, мужъ знаменитый, вѣрный сынъ отечества, неизмѣнный слуга и сподвижникъ Іоанна, покоритель Казани. По наговору бояръ Іоаннъ велѣлъ заключить Адашева въ тюрьму, тамъ гдѣ застанетъ его повелѣніе. Адашевъ заключенъ былъ въ тюрьму въ Дерптѣ, запертъ горячкою и умеръ. Мѣсто, гдѣ похороненъ въ Дерптѣ прахъ знаменитаго Адашева, неизвѣстно. Войны, пожары и всеокрушающее время измѣнили мѣсто-положеніе города; надгробные камни взяты на постройку домовъ и часто служатъ ступенями для лѣстницъ.

Дерптъ находится въ долинѣ и съ Нарвской

дороги видны версты за двѣ или за три. Сначала показываются живописныя развалины древней, соборной, Нѣмецкой церкви и Обсерваторія, построенная на горѣ, называемой *Домбергъ*. Кромѣ Обсерваторіи на Домбергѣ выстроены: Клиника, съ принадлежащими къ ней строеніями, и домъ для профессора астрономіи. Подъѣзжая ближе видите церкви Русскую и Лютеранскую, и Ратушу. Версты за полторы отъ города мыза Ратсгофъ, принадлежащая господину Лингарту, любимое гулянье Дерптскихъ жителей.

Вотъ наконецъ и *Дерптъ*, древній Юрьевъ, основанный Ярославомъ Георгіемъ, бывший театромъ войны въ разное время, испытавшій попеременно власть ордена Меченосцовъ, Поляковъ, Шведовъ, возвращенный Россіи Петромъ Великимъ, взысканный Императоромъ Александромъ, обповѣвшимъ, или лучше сказать, основавшимъ въ немъ Университетъ. День основанія новаго Университета празднуется каждый годъ съ церемоніею.

Старинный Дерптъ былъ гораздо обширнѣе нынѣшняго, если вѣрить современникамъ. Вотъ что говоритъ объ немъ инокъ Симеонъ Суздальскій, бывшій съ митрополитомъ Исидоромъ на Флорентинскомъ соборѣ, въ своихъ путевыхъ запискахъ: «Градъ же сей Юрьевъ великъ и каменъ, нѣсть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы вельми чудны; намъ же невѣдающимъ таковыхъ, дивляшеся. Церкви и монастыри многи. Горы же у нихъ велики, поля и садовы красны. Церкви христіанскія двѣ, святой Никола и святой Юрій». Нынѣшній Дерптъ красивый, чистый городокъ, послѣ послѣдняго пожара, бывшаго сличкомъ шестьдесятъ лѣтъ

тому, выстроены вновь. Мѣстоположеніе его довольно красиво. Рѣка Эмбахъ (по Чухопски *Амовжа*) протекаетъ черезъ городъ, и раздѣляетъ его на двѣ половины. На правой сторонѣ рѣки почти весь значительный строенія, церковь Русская, Лютеранская и Чухонская кирхи, Ратуша, Гостиный Дворъ и Университетъ. Часть города на лѣвой сторонѣ рѣки низменная и во время вскрытія ея понимается водою. Жители домовъ, находящихся близъ берега, много терпятъ тогда отъ наводненія. Почти каждый годъ вода заливается въ дома. По улицамъ сдѣланы тамъ подмостки для пѣшиходовъ; иногда даже бывають принуждены въ половодье плавать въ лодкахъ. По правую сторону рѣки мѣстоположеніе гораздо возвышеннѣе; тутъ часть города выстроена на горѣ, которая простирается отъ Рижской заставы до мызы Техельферъ. Народонаселеніе Дерпта по статистической таблицѣ 12,409 человекъ, мужскаго и женскаго пола, но жители считаютъ около 14,000. На правой сторонѣ рѣки дома, по большей части, каменные, въ одинъ и два этажа, покрытыя черепицею, исключая казенныя строенія и немного частныхъ домовъ. Гостиный Дворъ каменный, довольно красивой архитектуры и выстроенъ на четыре стороны; въ немъ около 50-ти лавокъ, гдѣ можно найти все пужное. Кромѣ Гостиного Двора есть магазины и лавки въ домахъ. Церковь Русская, во имя Успенія Божіей Матери, нельзя сказать, чтобъ была богата, ни по украшенію, ни по утвари. Теперь ее поновляютъ и хотятъ сдѣлать теплою, что необходимо въ сѣверномъ климатѣ. Сумма, выданная изъ духовнаго вѣдомства на поправку церкви, простирается до 25,000 рублей

Изъ городскихъ строеній первое мѣсто занимаетъ *Университетъ*, по величинѣ и архитектурѣ. Въ немъ кромѣ залъ, гдѣ читаютъ лекціи, зала Совѣта, и обширная, въ два яруса, съ хорами кругомъ, зала для собраній въ торжественные дни, украшенная прекраснымъ портретомъ во весь ростъ основателя Университета Императора Александра. Здѣсь защищаютъ диссертациі на степени магистровъ и докторовъ. Кромѣ того помѣщаются кабинеты физическій, химическій, зоологическій и минералогическій, музей изящныхъ искусствъ и древностей. Зала Совѣта украшена портретомъ Императора Николая Павловича, работы извѣстнаго Берлинскаго художника Крюгера.

Въ прежнемъ Университетскомъ домѣ живетъ попечитель Дерптскаго учебнаго округа, а въ нижнемъ этажѣ его находятся лавки. Кромѣ снхъ двухъ казенныхъ зданій принадлежатъ еще казны: обширная Гимназія, Уѣздное и Народныя Училища, Семинарія для образованія учителей, Почтовая Контора и домъ Академическаго Клуба (*akademische Musse*), гдѣ бывають балы и маскарады. Богоугодныхъ казенныхъ заведеній нѣтъ. Нѣсколько благотворительныхъ заведеній содержится изъ особыхъ суммъ дворянства и городскихъ обывателей; въ числѣ ихъ богадѣльня и домъ, гдѣ воспитываются сироты женскаго пола. Мясной рядъ одинъ и въ немъ около десяти лавокъ; рыбнаго ряда вовсе нѣтъ. Лѣтомъ привозимую на продажу рыбу, по большей части изъ Чудскаго озера, продаютъ на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ построены для того балаганы; тутъ же и садки съ рыбою, а зимою продають ее на правомъ берегу въ саняхъ. Рынокъ

одинъ противъ Гостищаго Двора, на берегу рѣки, и на немъ пайдете все привозимое съ мызъ, съѣстные припасы, овощи, сѣно, соломѣ. Тутъ выстроено нѣсколько лавокъ, гдѣ продають печеный хлѣбъ, булки, сбитень, разное готовое кушанье для простолюдиновъ, а дрова продаются немного далѣе. Черезъ рѣку Эмбахъ два моста, одинъ каменный, другой деревянный, и еще есть нѣсколько перевозовъ. Главный перевозъ противъ мѣста, гдѣ была прежде церковь св. Николая. Надобно полагать, что здѣсь поконится прахъ Адашева, ибо въ старину всегда хоронили покойниковъ при церквахъ. Впрочемъ кладбище Русское было на *Рижской горѣ*; она застроена нынѣ домами. Для прїѣзжихъ есть двѣ гостиницы, Лондонъ и Санктпетербургъ, содержимыя очень опрятно. Въ нихъ можно имѣть столъ и все нужное. Есть также постоянные дворы, гдѣ останавливаются купцы и извозчики съ товарами. Городъ почти весь вымощенъ; улицы содержатся въ чистотѣ и ночью освѣщаются фонарями.

Дерптъ не имѣетъ большой торговли; купцы проѣзжаютъ черезъ него въ Ригу и другіе города. Вся мѣстная торговля заключается въ снабженіи нужнымъ жителей города. Но въ Дерптѣ бываетъ ярмарка, въ Январѣ мѣсяцѣ. Тогда набѣзжаетъ сюда много купцовъ изъ Россіи и съѣзжаются окружные дворяне. Но главный доходъ жителей отъ Университета. Въ Дерптскомъ Университетѣ находится слишкомъ 500 студентовъ, а сверхъ того живутъ въ Дерптѣ молодые люди, желающіе поступить въ Университетъ. Въ Гимназіи и Уѣздномъ Училищѣ, кромѣ дѣтей городскихъ жителей, обучаются и прї-

взаимодействующих из других городов. Есть также несколько Папсиров, мужских и женских. Надо было признаться, что мало таких мест в России, как Дерпт, где за столь дешевую цену, что трудно поверить, можно иметь порядочных учителей. В Дерпт можно найти все пособия для учения: была бы только охота учиться, а этого-то и недостает у многих и весьма многих молодых людей.

Жалю, что не могу сообщить подробного учебного описания Университетских кабинетов и библиотек, можно сказать, одной из лучших в России. Скажу только то, что видела и могла запомнить. Зоологический кабинет обогащен собранием птиц, животных, насекомых, раковин и морских растений. Собрание животных мало численнее других, но между ними достойны замечания орнитологи, птица-зверь, обитающий в Новой Голландии. Из птиц замечательны огромный и красивый строфокамил, с белыми и несколькими черными перьями; мне не случалось видеть подобного ни в одном из Русских кабинетов; тут же райская птичка и разные роды колибри. Из рыб замечательны летучие рыбы и пила-рыба, из водоземных крокодил, между остатками допотопных животных некоторые из костей мамонта и лобная кость допотопного быка, огромной величины. Но более всего любовалась я собранием раковин, как говорят, одним из лучших в России. Начиная от самых огромных до малейших все они прекрасны, но одна из них замечательна кроме красоты и тем еще, что служила Океанскому дикару, предводи-

телю подобных ему дикарей, рогу, в который при начале битвы они трубят; на этом роге висят трофеи побед — клочки человеческих волос, срезанные победителем с голов неприятелей, им убитых. Также любопытно собрание прелестнейших бабочек, Азиатских, Американских и других стран. Наконец любопытно взглянуть на кораллы и другие морские растения. Жалю, что не видела минералогического кабинета, где, как я слышала, богатое собрание руд, особенно драгоценных камней. Физический и Химический кабинеты снабжены всеми необходимыми инструментами и машинами. Профессором физики был при мне г-н Шаррот, известный своею ученостью, неутомимыми трудами, обширностью знаний, и кроме того человек отличной нравственности; он скончался в 1840-м году и Дерптский Университет потерял в нем много. В Музее художеств, искусств и древностей богатое собрание редких эстампов. Здесь в первый раз видела я эстамп Миллера, гравированный с Мадонны Рафаэля; его считают теперь весьма редким; кроме того есть множество других эстампов известных художников. Собрание монет и медалей также замечательно. Между ними много древних и почти все новейшие. Здесь можно видеть старинные Русские рубли и Киевскую золотую гривну. Есть несколько прекраснейших мозаик и замечательных антиков. Особенного замечания достойны две Египетские мумии, полные и хорошо сохранившиеся. Одна из них, должно полагать, судя по росту, была человек лет 14-ти, а другая годовою или несколько более ребенком. В гробницах

вмѣстѣ съ ними найдены бальзамированныя животныя и птицы. Любитель наукъ и древностей въ кабинетахъ Дерптскаго Университета найдетъ много любопытнаго.

Обсерваторія Дерптская, послѣ Пулковской въ Петербургѣ, лучшая въ Россіи и одна изъ числа первыхъ въ Европѣ. Она снабжена инструментами отличныхъ Европейскихъ мастеровъ. Профессоромъ астрономіи въ Дерптѣ былъ прежде г-нъ Струве, переведенный потомъ въ Петербургъ. На Домбергѣ, послѣ Обсерваторіи, замѣчательны громадныя, величественныя развалины соборной церкви, во имя Богоматери, готической архитектуры — памятникъ временъ протекшихъ, напоминающій славу рыцарей. Смотри на нихъ невольно задумываешься и спрашиваешь: гдѣ твои повелители Эстонія, сначала суровые, грозные воины, въ послѣдствіи изнѣженные сибариты? Ихъ прахъ давно развѣялъ вѣтеръ, и надгробные камни ихъ, испещренные гербами и надписями, служатъ ступенями и помостами. А развалины, видѣвшія славу и великолѣпіе своихъ повелителей, ихъ паденіе и уничтоженіе, до сихъ поръ еще сопротивляются все сокрушающему времени, обремененныя вѣками! — Часть развалинъ поновлена въ старинномъ вкусѣ и въ ней помѣщается университетская библіотека. Теперь на Домбергѣ разведенъ прекрасный садъ и составляетъ любимое гулянье Дерптскихъ жителей. Часто любовалась я съ Домберга на живописныя окрестности Дерпта, усаженные мызами и Чухонскими хижинами, разбросанными среди полей, засѣянныхъ разнымъ хлѣбомъ. Простолюдины называютъ Домбергъ:

валы, ибо по преданію, на немъ были укрѣпленія, слѣды коихъ еще замѣтны.

Въ Ботаническомъ Саду, и въ принадлежащихъ къ нему оранжереяхъ и теплицахъ, есть много рѣдкихъ растеній.

Не зная исторіи Дерпта, никто не скажетъ, что онъ старинный городъ: такъ мало осталось въ немъ памятниковъ; они истреблены войнами и пожарами. Развалины соборной церкви на Домбергѣ и остатокъ крѣпостной стѣны близъ Ботаническаго Сада — вотъ всѣ бѣдныя остатки древняго Юрьева. Не разъ бывали въ Дерптѣ Карлъ XII-й и грозный соперникъ его Петръ Великій; показываютъ еще домъ, гдѣ останавливался Петръ.

Въ Дерптѣ двѣ типографіи и двѣ суконныя фабрики; одна, заведенная купцомъ Шрамомъ, находится въ самой срединѣ города, занимаетъ обширный четырехъ-этажный домъ, нарочно для нея построенный, снабжена паровою машиною и вырабатываетъ наиболѣе тонкія сукна; другая фабрика небольшая и на ней ткуть не дорогія сукна. Есть еще нѣсколько красиленъ, три сигарочныя фабрики, мыльный и свѣчной заводы, три завода пивныхъ. Многіе изъ Дерптскихъ жителей занимаются закупкою хлѣба и пеньки, отправляя ихъ потомъ въ Ригу и другія мѣста. Въ Дерптѣ довольно ремесленниковъ, какъ то: серебряниковъ, мѣдниковъ, слесарей, кузнецовъ, горшечниковъ, столяровъ, сапожниковъ, портныхъ, и многихъ изъ нихъ можно назвать «художниками». Стальные инструменты, дѣлаемые слесаремъ Чечелемъ, не уступаютъ Англійскимъ. Нельзя умолчать о литографѣ Шлатерѣ, который извѣстенъ гравированьемъ на деревѣ, имъ самимъ

усовершенствованнымъ. Но какъ въ Дертъ все ограничено и прїѣзжимъ изъ Россіи мастеровымъ не позволяютъ заводить мастерскихъ и держать работниковъ и учениковъ, то всѣ работы довольно дороги. Слесарямъ, столярамъ и другимъ мастерамъ, живущимъ на мызахъ, не позволяютъ брать заказовъ и сбывать въ городъ свои издѣлія.

Въ Дертъ бываютъ три ярмарки Чухонскія, 28-го Іюня, 8-го Сентября и 1-го Октября. Главный торгъ производится на нихъ скотомъ, который пригоняютъ съ мызъ. Привозятъ также деревянную посуду, холстъ, шерсть, домашнее сукно, фланель, дворовую птицу, масло, яицы, а на двѣ осеннія изъ сихъ ярмарокъ кромѣ того капусту, клюкву, рыбу соленую, яблоки, и приплавливаютъ изъ Пскова глиняную посуду и горшки. Каждая ярмарка продолжается не болѣе двухъ дней. Тогда все оживаетъ въ городѣ. Еще до свѣта ѣдутъ Чухпы на своихъ скрипучихъ тѣлегахъ; у воротъ домовъ стоятъ хозяйки и кухарки, останавливаютъ Чухонъ, выбираютъ, торгуются, шумятъ, кричатъ, не понимая другъ друга. Особливо на послѣдней осенней ярмаркѣ каждый сколько нибудь зажиточный человекъ покупаетъ корову или двѣ. Въ Остзейскихъ губерціяхъ всегда запасаютъ на зиму солонину, масло, яицы, и проч., потому что послѣ ярмарокъ все бываетъ дороже. Нѣмцы, покупая скотину на ярмаркѣ, бьютъ ее дома, и у нихъ ничто при томъ не пропадаетъ — мясо посолятъ, кожу продадутъ, а кровь любимое кушанье: изъ нея дѣлаютъ колбасы, *кеки*, или *палькенъ*, и надобно посмотреть съ какимъ удовольствіемъ въ Дертъ ѣдятъ ихъ. Главная городская ярмарка, о которой

я выше упоминала, называется *Нѣмецкою*, начинается 7-го Января и продолжается три недѣли; на нее съѣзжаются купцы изъ Петербурга, Новгорода, Риги, Ревеля и другихъ мѣстъ Россіи. Съ началомъ ярмарки начинается дѣятельность. Дертъ дѣлается шумнымъ городомъ; всѣ бѣгаютъ, хлопочутъ, собираются въ кучки. Тогда прїѣзжаютъ въ Дертъ изъ окружающихъ городовъ купцы и дворяне закупать годовую пропорцію чаю, сахару и другихъ припасовъ, а также фарфоръ, посуду, наряды и другія нужныя вещи. Прїѣзжіе купцы помѣщаются въ домахъ. Хозяева домовъ стараются тогда отдать какъ можно болѣе комнатъ подъ магазины и берутъ довольно дорого. Торговцы съ хрустальною, фарфоровою и фаянсовою посудой нанимаютъ лавки, выстраиваемыя на время ярмарки, и въ нихъ же помѣщаются торгующіе разными мелочами.

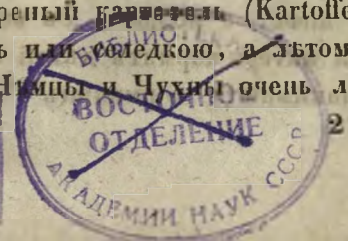
Во все продолженіе ярмарки въ Дертъ продолжается праздникъ; даютъ концерты, балы въ Академической и другихъ муссахъ (клубахъ). Народонаселеніе Дерпта составляютъ Нѣмцы и немного Рускихъ и Чухонъ. Нѣмцы дворяне, духовные, купцы и ремесленники. Эсты, или *Чухпы*, какъ мы привыкли называть ихъ, живущіе въ городахъ, не любятъ названія Чухпами и величаютъ себя *Лифляндцами*. Каждый бюргеръ, или ремесленникъ, называется Нѣмцомъ, желая придать себѣ болѣе вѣса и важности. Нѣмецъ и у насъ въ Россіи еще по сю пору вещь весьма важная. Вообще всѣ жители Дерпта, не выключая дворянъ, свободно говорятъ по Чухонски, ибо крестьяне здѣшніе Чухонцы и Нѣмецкаго языка не знаютъ. Я уже упоминала выше, что въ Дертъ двѣ Люте-

ранскія церкви; въ одной изъ нихъ служба отправляется на Нѣмецкомъ, а въ другой на Чухонскомъ языкѣ. Рускіе, живущіе въ Дерптѣ, суть чиновники, духовные, купцы и мѣщане. Нѣкоторые изъ нихъ поселились въ Дерптѣ издавна и потому обнѣмечились, многое переняли у Нѣмцовъ въ образъ жизни и правахъ, и даже между собою говорятъ Нѣмецкимъ языкомъ. Здѣшніе простолюдины Рускіе многое заняли отъ Чухонъ. Первое, что я замѣтила между Рускими, даже въ простомъ народѣ, что посты наблюдаются не такъ строго, какъ вообще въ Россіи. Въ Русскомъ языкѣ здѣшнемъ встрѣчается много старинныхъ словъ, а также нѣсколько Нѣмецкихъ и Чухонскихъ. Мѣра употребляемая въ Остзейскихъ губерніяхъ, какъ и всюду, четверть, четверикъ, но есть также и мѣстная въ Дерптѣ и во всѣхъ здѣшнихъ губерніяхъ, какъ то: *пура*, *калематъ*, *лезикъ*, *матикъ*. Пура четырехугольный ящикъ, и въ него вмѣщается около трехъ четвериковъ или мѣръ; въ пурѣ считается три калемата, а мѣлочная продажа, особенно овощей, производится матиками, но они не равны, и есть болѣе и менѣе. Крупу, клюкву, горохъ, бобы, большое количество продаютъ пурами, а по мѣлочамъ кружками, которыхъ въ пурѣ 51 и 52. Вино, молоко, пиво также продаютъ кружками, или какъ называютъ ихъ еще въ Дерптѣ, *квартами*; кружка дѣлится на *полкварты* и *фатерку*, или четверть кварты. Масло Чухонское продаютъ *лезиками*, въ каждомъ 20 Русскихъ фунтовъ.

Образъ жизни жители Дерпта ведутъ совсѣмъ другой, нежели въ Россіи. Встаютъ въ шесть или семь часовъ, исключая ремесленниковъ, которые

какъ и вездѣ подымаются ранѣе другихъ. Вставши пьютъ кофе, въ 10-ть часовъ завтракаютъ, въ часъ по полудни обѣдаютъ, въ 4 часа опять пьютъ кофе, а въ 6-ть часовъ чай; впрочемъ чай не во всѣхъ домахъ пьютъ каждый день. Ужинаютъ въ 10-ть часовъ. Кажется, кушать столько довольно было бы и для Рускаго, хотя надобно сознаться, что Рускіе любятъ поѣсть. Но должно вспомнить, что у Нѣмцовъ экономія доходитъ до излишества, и въ ѣдѣ и питьѣ она не выходитъ изъ строгихъ границъ. Кофе пьютъ здѣсь по поламъ съ цикоріемъ, а въ небогатыхъ домахъ кладутъ шикорія и болѣе. Завтракъ составляетъ *бутербродъ*, — ломтикъ хлѣба, намазанный масломъ, къ чему прибавляютъ иногда тоненькій ломтикъ сыра. Обѣдъ, исключая богатые дома, состоитъ изъ двухъ блюдъ; ужинъ тоже изъ двухъ легонькихъ блюдъ, а гдѣ пьютъ послѣ обѣда, часовъ въ 8-мь, чай, тамъ ужина во все не бываетъ. Нѣмецкій столъ совершенно отличается отъ Рускаго, какъ тотъ и другой народъ другъ отъ друга. Супы готовятъ здѣсь болѣе ягодный, молочный, овсяный, саговый, пивной и *изъ воды* (Wasser-suppe). Не подумайте, что это шутка. Вассер-супъ готовятъ слѣдующимъ образомъ: вскипятятъ воду, положить въ нее кореньевъ, зелени, немного коровьяго масла, и — супъ готовъ! Въ среду и субботу вездѣ подаютъ, вмѣсто супа, какую нибудь кашу, съ сливками или съ молокомъ. Ужинъ — хлѣбъ, намазанный масломъ, на который сверху положены тоненькіе ломтики солонины или сыра, горячій вареный *картофель* (Kartoffel in Uniform), съ масломъ или сметанкою, а лѣтомъ кислое молоко, которое Нѣмцы и Чухонцы очень любятъ, и

71468

149919

лѣтомъ подаютъ даже въ обѣдъ, вмѣсто супа. Зелень въ большомъ употребленіи — шпинатъ, горохъ, бобы, салатъ любимыя блюда Нѣмцовъ. Хотя намъ, Рускимъ, Нѣмецкій столъ кажется слишкомъ умѣренъ, но Нѣмцы къ нему привыкли, не говоря уже объ экономіи. Въ Германіи вообще всѣ припасы дороги, особливо говядина, а потому ѣдятъ ее мало. Живущіе въ Остзейскихъ губерніяхъ Нѣмцы небольшіе охотники до вассеръ-супа, но пріѣзжіе изъ Германіи не отстаютъ отъ старой привычки и въ Дерптѣ продолжаютъ имъ лакомиться. Если Нѣмецъ даетъ обѣдъ, тогда дѣло иное; все бываетъ прекрасно, столъ убираютъ цвѣтами, но и тутъ не безъ расчета. Всегдашнее питье Нѣмца вода и дешевое пиво.

Экипажи въ Дерптѣ держатъ немногіе и ими не щеголяютъ; иногда видите между ними такіе, на которыхъ каталось нѣсколько поколѣній и какихъ въ Россіи мнѣ не случалось видѣть. Разумѣется, нѣтъ правилъ безъ исключенія. Вообще Нѣмцы Дерптскіе живутъ опрятно, чисто, но одѣваются излишно и со вкусомъ только женщины, мужчины не большіе франты. Замѣчу, что кажется не совсѣмъ справедливо называютъ Нѣмокъ отличными *хозяйками*. Главное ихъ достоинство — *бережливость* и *умѣренность*. Рускіе, которые родились и жили въ Россіи, никогда не привыкнуть къ Нѣмецкому образу жизни. Даже Нѣмцы, жившіе долго въ Россіи, живутъ совсѣмъ иначе. Дѣтямъ лѣтъ до семи, и даже болѣе, не даютъ здѣсь чаю, ни кофе, а молоко, съ водой или цѣльное. Не многія матери кормятъ дѣтей сами, по большею частью нанимаютъ кормилицъ Чухопокъ, и если

и кормятъ сами, то отнимаютъ отъ груди рано, даже прежде года. Няньки дѣвки Чухопки и за ребенкомъ лѣтъ уже мало присматриваютъ. Каждый по возможности старается дать воспитаніе сыну и дочери такое, чтобы въ послѣдствіи они сами могли содержать себя. Странно было бы это охуждать, но не менѣе странно видѣть, что когда сынъ или дочь выучились какому нибудь ремеслу, или искусству, они почти отдѣляются отъ семейства; многія изъ дѣвицъ идутъ въ гувернантки, или даютъ уроки, и одѣваются на свой счетъ. Дѣти ремесленниковъ, окончивъ ученіе, идутъ въ другой городъ, живутъ тамъ по нѣскольку лѣтъ въ подмастерьяхъ, и потомъ уже пріѣхавъ въ свой городъ имѣютъ право открыть свою мастерскую. Дѣти купцовъ также живутъ болѣе въ другихъ городахъ. Женатый сынъ почти никогда не живетъ съ родителями, и нерѣдко случается, что отецъ зажиточный человекъ, а сынъ обремененъ семействомъ и терпитъ нужду. Браки составляются съ согласія жениха и невесты, что въ Россіи не всегда бываетъ, даже и въ наше время. Женихъ и невеста дѣлаютъ вмѣстѣ визиты знакомымъ, даютъ балъ или сговоръ, но часто послѣ сговора откладываютъ свадьбу на годъ и болѣе. Обрядъ вѣнчанья рѣдко совершается въ церкви, и по большей части пасторъ благословляетъ новобрачныхъ на дому. Свадьбы всегда, даже у бѣдныхъ, дѣлаются торжественно. Вѣнокъ изъ миртовъ и померанцовыхъ цвѣтовъ и вуаль непременная принадлежность невесты. У жениха и невесты бываютъ особые посаженные отцы и матери. Невѣсту провожаютъ дѣвицы, а жениха шаферы. Въ день свадьбы всегда

бываетъ музыка, а какъ въ Дерптѣ всѣ безъ исключенія танцуютъ, начиная съ кучера и кухарки, то и тапцы продолжаются иногда цѣлую ночь. Когда раздѣваютъ певцѣсту, то она спинаетъ съ себя вѣнокъ и бросаетъ его подругамъ. Замѣчаютъ, что та, которой онъ достанется, прежде другихъ выйдетъ замужъ. Въ Дерптѣ въ обыкновеніи дарить повобрачныхъ деньгами и вещами, какъ будто на обзаведеніе хозяйства. Я говорю здѣсь о свадьбахъ средняго сословія и небогатыхъ людей. У богатыхъ, кромѣ обряда вѣнчанья по Лютеранскому исповѣданію, дѣлаются свадьбы точно такъ, какъ въ Россіи. Дворяне празднуютъ свадьбы болѣе въ своихъ помѣстьяхъ.

Нѣмцы Дерптскіе отправляютъ день рожденія, а не день именинъ. Тогда обыкновенно пекутъ большой крепдель, и положивъ его на блюдо или подносъ, обвиваютъ гирляндой изъ цвѣтовъ. Новорожденнаго поздравляютъ и дарятъ, а если празднуется день рожденія кого либо изъ дѣтей, или младшаго въ семействѣ, то около крепделя ставятъ столько восковыхъ свѣчей, сколько ему лѣтъ.

Кромѣ Святковъ, Пасхи и Троицына дня, празднуемыхъ во всѣхъ христіанскихъ религіяхъ, Лютеране празднуютъ еще Мартыновъ день, въ честь Мартына Лютера, и день св. Екатерины, въ честь жены его, а также Ивановъ день и день Покаянія (Busstag). Оппиу, что замѣтила отличнаго противъ нашего въ праздникахъ Дерптскихъ.

На Страстной недѣлѣ, Великій Четвергъ торжествуютъ, какъ праздникъ. Всѣ работы прекращаются; ходятъ въ церковь и гуляютъ. День Воскресенія Христова празднуютъ какъ и вездѣ, и тогда

ничего не бываетъ особеннаго, кромѣ того, что красятъ или покупаютъ крашенныя лица, что переняли здѣсь, кажется, отъ Рускихъ. Пасху празднуютъ не всю недѣлю, а только три дня и субботу. Троицынъ день называютъ здѣсь: *зеленая недѣля*, и празднуютъ три дня. Тогда уѣзжаютъ на мызы, или послѣ обѣдни за городъ. У кого нѣтъ лошадей, а нанять кажется дорого, то уложивъ нужныя вещи въ тѣлежку, отправляютъ съ служанкою за городъ, сами идутъ пѣшкомъ и веселятся за городомъ цѣлый день. Иногда сговариваются по нѣскольку семействъ вмѣстѣ; кушанье готовятъ изъ зелени, если можно имѣть ее въ то время года, но всегда стараются, чтобъ была какая нибудь зелень. Ивановъ день, 24-е Іюня, болѣе престопа-родный праздникъ. Наканунъ вечеромъ идутъ гулять на мызу Ратсгофъ, принадлежащую г-ну Липгарту и находящуюся отъ города верстахъ въ полоторыхъ. Съ наступленіемъ ночи зажигаютъ огни на деревьяхъ, дегтяные боченки, надѣтые на шестахъ и набитые соломой, пускаютъ ракеты и пьютъ и гуляютъ почти всю ночь. Многіе ходятъ въ тотъ день въ Ратсгофъ взглянуть на народное веселье. Помѣщики на мызахъ также дѣлаютъ пирушки для крестьянъ, зажигаютъ огни и выставляютъ вино и пиво. У Чухонъ есть повѣрье, по которому собираютъ они подъ Ивановъ день травы и сохраняютъ ихъ для леченія. На Мартыновъ день у Нѣмцовъ въ обыкновеніи маскироваться. Тогда вечеромъ замаскированные ходятъ и ѣздятъ толпами по улицамъ. Многіе дѣлаютъ тогда маскированные балы, и всякій порядочно и благопристойно замаскированный можетъ войти въ домъ, хотя и не

былъ бы знакомъ хозяину. Гдѣ пѣтъ бала, ставятъ на окно свѣчу — знакъ, что замаскированныхъ принимаютъ. Въ мартыновъ день бываетъ иногда маскарадъ въ Академической муссѣ, и въ этотъ же день всѣ Нѣмцы, бѣдные и богатые, жарятъ для стола гуся. Наканунъ Екатеринина дня также наряжаются, ѣздить по домамъ и танцуютъ. Передъ Рождествомъ дѣлаютъ *елку* (Weinachtsbaum). Приготовленія начинаются за нѣсколько дней. Елку убираютъ позолоченными орѣхами, яблоками, конфектами, лентами, развѣшиваютъ на ней игрушки и прилепливаютъ къ ней восковыя свѣчки, иногда разноцвѣтныя. Подарки для дѣтей и домашнихъ раскладываютъ вокругъ на столѣ. Дѣти обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждутъ этого дня. Комнату, гдѣ бываетъ приготовлена елка, запираютъ. Наканунъ Рождества, часовъ въ восемь или въ девять, зажигаютъ на елкѣ свѣчи и приглашаютъ войти. Пріятно видѣть въ это мгновеніе дѣтей, на лицахъ которыхъ выражается непритворная радость. Иногда приглашаютъ на елку родныхъ и знакомыхъ и раздаютъ имъ подарки, не забывая и служителей. Въ Дерптѣ всякій годъ дѣлаютъ еще елку для бѣдныхъ дѣтей. Многія дамы изъ дворянскихъ фамилій участвуютъ въ этомъ праздникѣ, даютъ деньги, шьютъ для бѣдныхъ дѣтей платье, покупаютъ конфекты и игрушки. При раздачѣ подарковъ можетъ быть всякій, заплативши за билетъ. Деньги, собранныя за билеты, обращаются въ пользу бѣдныхъ. Зала, гдѣ раздаютъ подарки, бываетъ освѣщена и во время раздачи играетъ музыка. Когда все кончится, начинаются танцы. Праздникъ этотъ дѣлается вечеромъ на святкахъ.

Русскіе мальчики о святкахъ и здѣсь ходятъ *славить Христа*, какъ дѣлается въ Россіи, но только съ тою разницею, что они носятъ съ собою звѣзду, четверти три въ поперечникъ, раскрашенную и освѣщенную фонаремъ. О святкахъ собираются на небольшіе семейные вечера, родные и знакомые, танцуютъ подъ фортепіано, играютъ въ разныя игры и ворожатъ. Между разными гаданьями есть такія, которыхъ мнѣ не случилось видѣть въ Россіи. Вотъ одно изъ нихъ: всѣ выходятъ изъ одной комнаты, и въ ней кладутъ на столъ *хлѣбъ, соль, деньги, ключи, чепчикъ, розги* и землю, накрывая каждую вещь тарелкою, а потомъ приглашаютъ всѣхъ войти и каждый снимаетъ одну тарелку. Кому достанутся деньги, значить къ богатству, хлѣбъ къ изобилію, ключи къ хозяйству, чепчикъ къ замужеству, розги означаютъ дѣтей, а земля — смерть. Подъ новый годъ собираются во многихъ домахъ, танцуютъ подъ фортепіано, играя попеременно, или нанимая какого нибудь артиста. Новый годъ самый торжественный день въ Дерптѣ. Едва начинается свѣтать, по домамъ пойдутъ музыканты, играютъ и поздравляютъ съ *новымъ годомъ*; также ходятъ и барабанщики. Потомъ идутъ съ поздравленіями почтадьоны, сторожа изъ присутственныхъ мѣстъ, трубочисты, университетскіе прислужники, швейцары и прочіе; иные подносятъ печатные поздравительные стихи на новый годъ. Университетскіе и другіе чиновники ѣдутъ съ поздравленіями къ Попечителю учебнаго округа. Масляница празднуется Рускими, живущими въ Дерптѣ, какъ вездѣ — пекутъ блины и катаются. Во многихъ Нѣмецкихъ домахъ въ Дерптѣ начинаютъ печь наши Русскіе

блины, до которыхъ Нѣмцы большіе охотники. Нѣмецкая масляница бываетъ во вторникъ на первой недѣлѣ Великаго Поста. Тогда Нѣмцы пекутъ особенныя сдобныя булки и потомъ начиняютъ ихъ; бываетъ также уличный маскарадъ и въ немъ участвуютъ почти исключительно студенты. Хорошихъ костюмовъ тогда не увидите — одѣты кто во что попало. Наряженные катаются по улицамъ въ большихъ саняхъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, и въ такихъ саняхъ сидятъ и стоятъ человекъ по двадцати; ѣздятъ и въ обыкновенныхъ саняхъ, парами и верхомъ. Костюмы безъ дальнѣйшихъ претензій, какъ я сказала: иной выворотитъ шубу наизнанку, другой напачкаетъ лицо краской, третій надѣнетъ на голову калпакъ съ сахарной головы, или женскую шляпку и при ней уродливую маску; впрочемъ не все такіе костюмы, и есть они щеголеватые. Иногда собирается тогда сапей до двадцати и болѣе. — День Покаянія въ старину соблюдали во всей строгости, даже не готовили кушанья, а посвящали все время молитвѣ. Но нынѣ день этотъ сдѣлался праздникомъ. Послѣ обѣдни идутъ въ гости, хотя и не танцуютъ. Въ Великій Постъ также танцуютъ рѣдко.

На крестины приглашаютъ гостей, какъ и у насъ въ Россіи. Воспріемниками бываетъ иногда нѣсколько человекъ. По совершеніи обряда крещенія подаютъ вино, конфекты и шоколадъ. У простолюдиновъ въ обычаѣ приносить на крестины хлѣбъ, крендель, или пирожное.

Похоронные обряды у Дерптскихъ Нѣмцовъ совсемъ другіе противъ нашихъ. Умершаго одѣваютъ, положить на столъ, но псалтыри по усопшемъ у Лютеранъ не читаютъ. Пока тѣло не положено

въ гробъ, къ покойнику собираются родные и знакомые, сидятъ по ночамъ, и не смотря на печальное событіе, особливо у простолюдиновъ, проводятъ время довольно не скучно: пьютъ кофе и вино, играютъ въ карты, сказываютъ сказки. Когда положатъ покойника въ гробъ, то выносятъ гробъ въ сѣни или въ чуланъ, а иногда даже въ сарай. Въ день похоронъ собираются родственники и приходятъ пасторъ; подаютъ вино, шоколадъ или кофе. По окончаніи обряда отпѣванія провожаютъ гробъ на кладбище. Обѣда послѣ похоронъ не бываетъ. Въ домахъ достаточныхъ и у людей болѣе образованныхъ хотя и собираются сидѣть по ночамъ у покойника, но въ карты не играютъ и гробъ все время стоитъ въ комнатѣ.

Каждое сословіе живетъ въ Дерптѣ въ своемъ кругу. Старинные дворяне мало обходятся съ чиновниками. Купцы составляютъ также свое общество и у нихъ есть свое собраніе (Commerz-musse); бюргеры имѣютъ свой клубъ (Bürger-musse), и тутъ еще свои подраздѣленія и свое чванство, какъ у дворянъ: серебряникъ и часовщикъ не знакомятся съ сапожникомъ и столяромъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ въ Дерптѣ составлены три клуба. Въ Академической муссѣ директоры выбираются изъ профессоровъ; каждый студентъ можетъ быть членомъ, но надобно подвергаться балотировкѣ, и потомъ внести небольшую сумму, употребляемую на содержаніе муссы. Студентъ не членъ собранія не имѣетъ права бывать въ немъ на балахъ, кромѣ маскарадовъ, но и тогда онъ долженъ быть замаскированъ. Въ Академической муссѣ, кромѣ профессоровъ и студентовъ, есть члены изъ дворянъ и чи-

новиковъ. Каждый членъ, кромѣ своего семейства, можетъ привести двухъ дамъ, но предварительно долженъ записать ихъ и взять билеты. Въ Коммерческой муссъ рѣдко бываютъ балы и члены собираются болѣе играть въ карты. Дворянъ здѣсь почти не бываетъ, а бюргеровъ не принимаютъ. Бюргеръ—мусса самая многочисленная и веселая. Въ ней охотно бываютъ и записываются членами дворяне и чиновники, но только мужчины, а дамы высшихъ сословій туда не ѣздятъ. Кромѣ упомянутыхъ публичныхъ собраній, старинные дворяне, бароны, графы и *фонны* имѣютъ еще свое собраніе, но не каждый годъ.

Дерптскіе жители могутъ похвастать, что они слышали почти всѣхъ лучшихъ артистовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Прѣзжая черезъ Дерптъ они даютъ концерты, и кажется, за такую дешевую цѣну, кромѣ Дерпта, ихъ нигдѣ нельзя слышать. Цѣна, единожды навсегда положенная Ратушею, не выше *двухъ рублей пятидесяти копѣекъ* за стулъ. Волтижеры, фокусники, ѣдущіе съ звѣрями и птицами, также всегда останавливаются въ Дерптѣ. Иногда и самородные Дерптскіе артисты даютъ концерты. Въ 1840 году разыгрывали тамъ Гайденову ораторію, *Сотвореніе міра*, и хотя между артистами и не было отличныхъ голосовъ, однакожь ораторія выполнена была весьма хорошо. Года два тому даны были нѣсколько сценическихъ представленій и живыя картины. Театра въ Дерптѣ нѣтъ, а также, кромѣ описанныхъ мною собраній и концертовъ, нѣтъ никакихъ другихъ увеселеній и народныхъ праздниковъ. Лѣтомъ жители гуляютъ на Домбергѣ, въ Ботаническомъ Саду,

Ратегофѣ, Робковѣ, Техельферѣ, а зимой по улицамъ. Когда станетъ рѣка, устраивается клубъ катанья и начинаются катанья по льду; мужчины катаются на конькахъ и многіе изъ нихъ большіе на то мастера. Для дамъ дѣлаются особенныя кресла, на которыхъ онѣ катаются. Кто нибудь изъ мужчинъ беретъ такіе кресла на свое попеченіе, катится самъ и ихъ передъ собой катитъ. Нѣкоторые изъ жителей лѣтомъ переселяются за городъ, а кому нельзя отлучиться изъ города, напимаютъ на лѣто въ городѣ небольшіе домики съ садами.

Выше упоминали мы, что главный доходъ Дерптскихъ жителей отъ Университета. Всѣ студенты живутъ на квартирахъ, даже и тѣ кто получаетъ отъ казны вспоможеніе. Студентовъ въ Дерптскомъ Университетѣ, какъ мы уже говорили, чловѣкъ 500, кромѣ молодыхъ людей, живущихъ въ Дерптѣ и приготовляющихся къ поступленію въ число студентовъ. Каждому изъ тѣхъ и другихъ подобны квартира и прислуга. Квартиры напимаютъ на *семестръ*, или полгода, ибо въ Дерптскомъ Университетѣ курсы ученія не годовичные, а семестральные. Прислуживаютъ студентамъ женщины, которыхъ они называютъ *лѣфелинами*; иногда одна женщина служитъ пяти жильцамъ, находящимся въ разныхъ домахъ. Такія лѣфелины по большей части старыя Чухонки, довольно грязныя. Молодымъ дѣвкамъ быть въ прислугѣ у студентовъ запрещено. Въ Дерптѣ, какъ говорятъ и въ Германіи, мало держатъ лакеевъ — вездѣ замѣняютъ ихъ жепщицы, въ гостиницахъ, трактирахъ, частныхъ домахъ. Жопщица, служащая у студента, не живетъ въ одномъ съ нимъ домѣ, а приходитъ раза два въ

день. По утру вычистить платье и сапоги, приобрести въ комнатѣ, поставить самоваръ или принесть кофе; потомъ является часовъ въ шесть и исправляетъ все что нужно. Обѣдаютъ студенты въ трактирахъ, или берутъ обѣдъ на домъ, платя за столъ отъ 10-ти до 20-ти рублей въ мѣсяцъ. Обѣдъ состоитъ изъ трехъ порцій. Кушанья нельзя похвалить, и особенно бываютъ не довольны студенческимъ столомъ Рускіе и Поляки, не привыкшіе къ Нѣмецкимъ кушаньямъ. Ужина нѣтъ, и если кто хочетъ ужинать, то идетъ въ трактиръ, либо посылаетъ служанку взять порцію чего нибудь.

Я застала еще въ Дерптѣ прежнюю студенческую жизнь, *проводины* и *комерши*. Теперь ихъ уже нѣтъ. Комерши бывали наиболѣе весною и осенью. Лѣтомъ, во время вакацій, студенты разъезжаются всякій къ себѣ на родину. Весной и осенью у студентовъ бываютъ деньги, а въ другое время въ кошелькѣ ихъ чухотка, и они живутъ, какъ они сами выражаются, на *пуфъ*. Прежде студенты раздѣлялись на *ландсманшафты* или общества. Эстляндцы, Лифляндцы, Курляндцы, Поляки, Рускіе составляли разные ландсманшафты. Когда какой нибудь ландсманшафтъ дѣлалъ комершъ, то приглашалъ изъ другихъ по нѣскольку человекъ, а также филистровъ и мулюсовъ. Въ назначенный день отправлялись въ большихъ, открытыхъ тѣлегахъ, или *шарабанахъ*, называемыхъ *Stuhlswagen*, за городъ. Въ каждую такую тѣлегу, уставленную скамейками, запряженную четырьмя или шестью лошадьми, сажались человекъ отъ 20 до 30. Припасы, состоящіе изъ шнапса, вина и рому, брали съ собой, а кушанье заказывали въ корчмѣ, гдѣ назначенъ былъ

комершъ, не забывая также табаку и сигаръ. Послѣ сбора гостей начиналось веселье. *Бурсаки* гуляли по молодецки, и въ заключеніе зажигали костры, прыгали черезъ нихъ, качали другъ друга на простыняхъ. Прогулявъ такимъ образомъ сутки, немногіе возвращались домой здоровыми. Иногда комершъ становился въ нѣсколько тысячъ рублей.

Когда, окончивши курсъ, студентъ оставлялъ Университетъ, товарищи его собирались къ нему на квартиру и пили за здоровье отъѣзжающаго. Потомъ двое старыхъ студентовъ брали его подъ руки, а остальные, человекъ по десяти и болѣе въ рядъ, взявшись за руки, шли спереди и сзади, пѣли прощальную пѣсню заунывнымъ голосомъ, и такъ провожали отъѣзжающаго черезъ весь городъ до заставы, или до первой корчмы за заставой. Тутъ за городомъ опять пили на прощаньи, и пожелавъ счастья собрату, собраніе расходилось. Иногда студенты собирались на Домбергъ и пѣли тамъ пѣсни. Все это хорошо, и почему не погулять? Но часто гулянья выходили изъ границъ, и многіе молодые люди, съ хорошими способностями, проводя разгульную жизнь, только убивали время и здоровье.

Въ похвалу Дерптскимъ студентамъ надобно сказать, что между ними принято много прекрасныхъ обычаевъ. Если кто изъ товарищей боленъ, они поочередно ходятъ за нимъ. Небогатому стараются помогать, когда находятъ его того достойнымъ. Въ случаѣ смерти бѣднаго студента складываются и хоронятъ его, не только пристойно, но даже пышно. Въ Дерптѣ нѣтъ пожарной команды, и если случится пожаръ, въ одну минуту сбѣгается нѣсколько сотъ студентовъ, почитая потушеніе огня

своею обязанностию; они неустрашимо бросаются въ огонь, тушатъ его съ примѣрною скоростью, безъ всякихъ пожарныхъ снарядовъ: становятся въ два ряда отъ мѣста пожара до воды; одинъ рядъ подаетъ ведры и другую посуду, наполненныя водою, а другой принимаетъ порожнюю посуду. Прежде студенты давали серенады, что бывало очень пріятно: вдругъ бывало раздаются пріятное пѣніе или звуки инструментовъ. Къ чести Дерптскихъ студентовъ надобно сказать и то, что въ городѣ, гдѣ живетъ на свободѣ пять сотъ молодыхъ людей, можете идти поздно вечеромъ не опасаясь непріятностей — идите смѣло и ни одинъ студентъ не осмѣлится сказать вамъ дерзости. Бывали примѣры, по Русской пословицѣ, *въ семьѣ не безъ урода*.

Содержаніе въ Дерптѣ не очень дорого. Говядина продается 17 и 20 к. за фунтъ; баранина гораздо дороже; масло Чухонское, лезиками, 35 и 45 к. за фунтъ, а топленое 50 и 60 к.; сотня яицъ лѣтомъ 1 р. 80 к., зимою 3 р. 50 к.; пара цыплятъ 40 и 50 к., гусь 1 р. 50 к. и 1 р. 80 к. — Дичина довольно дорога: пара тетерекъ отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к., пара куропатокъ 1 р. 20 к., заяцъ 80 к. и рубль. Рыбу привозятъ въ Дерптъ съ Чудскаго озера и изъ другихъ озеръ. Въ Эмбахъ мало рыбы, но весной, во время разлива, много ловится шукъ и тогда онъ не дорогъ. Иногда попадаются сомы, но вѣроятно, они заходятъ изъ озера Вирца. Въ Дерптѣ можно имѣть сига, налимовъ, ряпушку, ершей, окуней, лещей, карповъ и угрей. Судаковъ привозятъ зимою и они довольно дороги. Раковъ въ окружныхъ озерахъ довольно. Осетрину, былугу и стерлядь въ Дерптѣ не возятъ, и кому

бываетъ нужно, выписываютъ ихъ изъ Петербурга или изъ Риги. Зимой привозится небольшое количество зернистой и паюсной икры и лососины. Овощи продаются пурами. Картофеля пура стоитъ 1 р. 50 к., моркови и свеклы 2 р.; брюкву, репу, петрушку, пастернакъ продаютъ сотнями. Капуста 5 р. за сотню кочановъ. Впрочемъ цѣны часто переменяются.

Ближайшія къ городу мызы Ратсгофъ, Техельферъ, Карлово, и другія. *Ратсгофъ* принадлежитъ г. Липгарту; здѣсь заведенъ скотный дворъ и для него выписаны лучшія породы рогатаго скота. Для управляющаго скотнымъ дворомъ выстроены домикъ въ Швейцарскомъ вкусѣ. Мнѣ не удалось осмотрѣть тамошняго заведенія подробно, а потому я и не распространяюсь объ немъ.

Техельферъ, отъ города въ верстѣ разстояніемъ, принадлежитъ барону Вульффу. Господскій домъ старый, одноэтажный, деревянный; при немъ большой садъ, на который не обращаютъ должнаго вниманія и потому онъ довольно запущенъ. Передъ домомъ роща, въ родѣ парка, и въ ней проложено нѣсколько дорожекъ; кромѣ большихъ деревьевъ насажены здѣсь разныя кустарники; выстроено нѣсколько бесѣдокъ и во многихъ мѣстахъ разставлены скамейки. Лѣтомъ городскіе жители пріѣзжаютъ и приходятъ въ Техельферъ пить чай, ѣсть кислое молоко и гулять. Хозяйственныя строенія въ Техельферѣ всѣ каменные. Въ полуверстѣ отъ дома есть родникъ и вода въ немъ прекрасная и вкусная. Лѣсу близко нѣтъ и кругомъ поля, засѣянные картофелемъ и хлѣбомъ. Техельферъ находится на горѣ, а отъ того лѣтомъ здѣсь воздухъ чистый, здоровый,

и жить здѣсь весьма пріятно. Саженьхъ въ двухъ стахъ, подѣ горою, течетъ Эмбахъ. Помѣщикъ живетъ въ Техельферъ рѣдко.

Мыза г-на Булгарина, *Карлово*, также на горѣ. Главный фасадъ дома обращенъ къ городу. Домъ въ Карловѣ обширный, красивой архитектуры и расположенъ удобно. Легко можетъ въ немъ помѣститься нѣсколько семействъ. Два сада съ прекрасными оранжереями. Когда г-нъ Булгаринъ купилъ Карлово, въ немъ все было запущено и разстроено. Употребивъ нѣсколько лѣтъ на устройство Карлова, нѣмѣншій помѣщикъ привелъ его въ цвѣтущее состояніе. Кромѣ роши, около Карлова нѣтъ лѣса; за то при Карловской мызѣ довольно земли, и даже часть Дерпта выстроена на землѣ, принадлежащей г-ну Булгарину. Съ Карловской мызы поучаетъ онъ до 15,000 р. дохода.

Саракузъ, другая мыза г-на Булгарина, верстахъ въ пятинадцати отъ Дерпта. Туда можно плыть по Эмбаху и ѣхать сухимъ путемъ. Прѣзжая сухимъ путемъ встрѣчается корчмы и мызы, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Лифляндіи. Версты за три отъ Саракуза мыза *Луи́я*, бывшее помѣстье фельдмаршала графа Минниха. Ѣхавъ изъ Дерпта, на лѣвой сторонѣ близъ Луи́и видите часовню, подѣ которою фамильный склепъ Минниховъ: здѣсь останки славнаго фельдмаршала. Поучительна была судьба его. Начавъ службу свою въ Россіи въ 1721 году, Миннихъ постепенно возвышался, и въ царствованіе Анны Иоанновны, осыпанный почестями, былъ въ числѣ первыхъ вельможъ при Дворѣ и полководцемъ на ратномъ полѣ. По видимому поклонникъ Бирона, но въ душѣ заклятой врагъ его, послѣ смерти

Анны Иоанновны, онъ свергъ временщика, даже самъ начерталъ планъ дома, гдѣ хотѣлъ навсегда заключить его, являясь при Аннѣ Леопольдовнѣ на верху почестей. Съ востшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны Миннихъ сосланъ въ ссылку съ Остерманомъ, Головкинымъ, Левенвольдомъ и многими другими. По странному стеченію обстоятельствъ, домъ, построенный имъ для Бирона въ Цезымѣ, сдѣлался его жилищемъ. Но Миннихъ былъ счастливѣе своихъ товарищей. Остерманъ и Головкинъ умерли въ ссылкѣ, а Миннихъ, по востествіи на престолъ Петра III-го, былъ возвращенъ и осыпанъ милостями, оставался вѣрнѣй Императору до самой кончины, потомъ служилъ Екатеринѣ II-й и скончался на 85 году. Часовня находится на возвышенномъ мѣстѣ, обсажена елями и видна издалека. Нынѣ Луи́я принадлежитъ правнуку Минниха, барону Полкену. Тутъ господскій домъ, съ садомъ и паркомъ; хозяйственныя заведенія и скотный дворъ хорошо устроены. Отѣхавъ отъ Луи́и съ полверсты надобно переправляться чрезъ Эмбахъ и отсюда виднѣтъ уже Саракузъ. Прекрасный, каменный двухъ-этажный домъ, устроенный хозяйственнымъ образомъ, замѣтенъ далеко. Всѣ службы и молочня выстроены новыя. При домѣ садъ и паркъ. Рѣка Эмбахъ, протекая черезъ Саракузъ, придаетъ ему живописный видъ. Во второмъ этажѣ дома сдѣланы балконы на двѣ стороны, и съ нихъ прелестный видъ на окрестности, усаженные мызами, между которыми извивается рѣка Эмбахъ, покрытая плывущими по ней лодками и барками. Далеко расстилаются тутъ поля съ хлѣбомъ. Лѣтомъ въ Саракузѣ можно разнообразить прогулки. Кругомъ лѣсъ

и не далеко отъ мызы Псковская дорога. Верстахъ въ двухъ отъ Саракуза мыза Мекса, принадлежащая г-ну Липгарту.

Мыза Куколинь лежитъ отъ Дерпта въ 17-ти верстахъ; 15-ть надобно ѣхать по Ревельской дорогѣ, а потомъ своротить въ правую сторону. Мало вида-ла я такихъ прелестныхъ мѣстоположеній. Домъ и весь строеніе на возвышеніи, при озерѣ, которое въ окружности семь верстъ. Съ другой стороны роща и небольшая гора. Верстахъ въ двухъ отъ Куколи-на мыза Садіевъ, также у озера. На другомъ берегу его видны мызы и вдали Лютеранская церковь при мызѣ Маріенгофъ. Жаль, что такое прекрасное мѣ-сто, какъ Куколинь, почти вовсе заброшено. Пре-жде принадлежалъ онъ богатому помѣщику. Господ-скій домъ деревянный и уже начинаетъ развали-ваться. Службы новыя, но расположены не удобно и сырыя. Два сада съ плодовитыми деревьями. Безъ надлежащаго присмотра все приходитъ въ упадокъ. Нынѣ Куколинь принадлежитъ незначительному вла-дѣльцу, который отдаетъ его на аренду. Говорятъ, что Куколинь приноситъ мало дохода, а потому не покупаетъ его какой нибудь богатый помѣщикъ. Половина близъ лежащаго озера принадлежитъ Ку-колину, а другая мызъ Садіевъ; въ озерѣ хорошая вода и довольно рыбы; есть окуни, щуки, ряпушка и раки, только не крупные. Лѣтомъ, живя на мызѣ, можно за сходную цѣну доставать весь припасы, кро-мѣ говядины, которую надобно закупать въ городѣ. Изъ окрестныхъ деревень приносятъ яйца, масло, цыплятъ, личицу, рыбу и большихъ вкусныхъ ра-ковъ. Въ Куколинь и Садіевъ есть огороды, гдѣ можно пользоваться зеленью. Еслибы Куколинь былъ

хорошо устроенъ, то нельзя было бы выбрать пріят-ное мѣста для загороднаго житія. Сколько можно имѣть здѣсь сельскихъ удовольствій — рыбная лов-ля, охота, катанье по озеру, купанье, прогулки по окрестностямъ могутъ пріятно разнообразить время. Нѣсколько времени жила я въ Куколинь и потому хорошо знаю мѣста, его окружающія. Кромѣ обшир-наго сада и другаго нѣсколько поменьше, самая ближайшая прогулка тутъ въ рощу, прилегающую къ саду. До мызы Садіевъ отсюда не болѣе двухъ верстъ, и тамъ можно гулять въ саду, паркѣ и на мызѣ. До Маріенгофа четыре версты. Здѣсь замѣ-чательна старинная кирха, на которой, вмѣсто кре-ста, или какъ на нѣкоторыхъ кирхахъ, пѣтуха, ви-дѣтъ рыцарь, съ обнаженнымъ мечемъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой. Мѣстоположеніе Ма-ріенгофа низменное и сырое. По дорогѣ къ нему надобно проходить черезъ большую Чухонскую де-ревню, выстроенную какъ наши Русскія. При вхо-дѣ въ деревню видите огромный камень, вышиною сажени полторы, а въ окружности болѣе трехъ сажень. Есть еще одно мѣсто замѣчательное по сво-имъ видамъ. Идя въ Садіевъ, на половиинѣ дороги надобно поворотить вправо, на мызу Элисферъ. До-рога, то подымается на пригорки, то спускается въ узкія долины. Пройдя версты двѣ и поворота въ правую сторону, видите высокій курганъ, порос-шій небольшими деревьями и кустарникомъ. Хотя замѣтны еще кой-гдѣ ступени, сдѣланныя для всхо-да на него, однакожь взойти довольно трудно. Видъ съ кургана прелестный: видны мызы Куко-линь, Садіевъ, Элисферъ и три озера. Около курга-на прекрасныя мѣста, которыя безъ большого труда

и искусства можно бы обратить въ Англійскій садъ. Възъезжая въ Куколинь, на лѣвой сторонѣ видѣшь также курганъ, съ высокими деревьями. На немъ прежній помѣщикъ Куколина похоронилъ трехъ любимыхъ своихъ лошадей.

Я уже упоминала, что Лифляндія изобилуетъ корчмами. Отъ Куколина до Дерпта построены четыре корчмы. На десятой верстѣ отъ Дерпта живетъ корчмаръ Французъ, солдатъ Наполеоновой арміи. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, остался въ Лифляндіи, женился на Чухонкѣ, но все еще бережетъ свой мундиръ и любитъ говорить на родномъ языкѣ о великихъ событіяхъ, въ конѣхъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Мыза *Камби*, въ восемнадцати верстахъ отъ Дерпта. Мѣстоположеніе и окрестности красивы. Камби замѣчательна еще по минеральному источнику; я пила его воду, вкусъ которой желѣзноватый; температура воды очень холодна, и кажется, должна имѣть сильное дѣйствіе. Дерптскіе медики советуютъ больнымъ жить въ Камби, пить тамошнюю воду и брать изъ нея ванны.

Коренные жители сѣверо-восточной части Лифляндіи *Чудь*, или *Чухны*. Сколько политическихъ переворотовъ пережили они и между тѣмъ остались тѣми же дикарями, какъ были за нѣсколько вѣковъ, исключая христіанскую религію, которую съ мечемъ въ рукахъ заставили ихъ принять Меченосцы. Не входя въ ученые изслѣдованія, осмѣливаюсь сказать, что о Чухнахъ нельзя судить такъ, какъ о другомъ народѣ. Живя столько вѣковъ въ рабствѣ у рыцарей и другихъ повелителей и не имѣя гражданственности, они не могли развиваться политически и

развить свои умственные способности. Говорятъ, что Чухны глупы, но мнѣ кажется этого сказать нельзя. Права они тихаго, безпечнаго, лѣпваго, упрямаго, и вѣчно какъ будто въ усыпленіи, но изъ нихъ выходятъ хорошіе ремесленники, смѣтливые торговцы, управители, лѣспики, чиновники и есть изъ нихъ даже образованные люди. На Чухнахъ остался отпечатокъ первобытныхъ временъ, когда рабство, перемѣна властителей, неувѣренность въ собственности опредѣлили характеръ народный, совсемъ особенный отъ другихъ племенъ. Чухны исповѣдуютъ Лютеранскую религію; есть между ними и Геригутеры. Вообще Геригутеры въ строгой правственности и примѣрной честности, да и все Чухны набожны, почитаютъ священнымъ долгомъ каждый годъ пріобщаться Святыхъ Таинъ, а нѣкоторые и по два раза въ годъ. Въ праздничные и воскресные дни ходятъ они къ обѣдин, кому только есть возможность.

Между Чухнами Лифляндской и Эстляндской губерній замѣтна большая разница. Также и въ языкѣ есть различіе: Ревельскіе Чухны съ трудомъ понимаютъ Дерптскихъ. Даже между Лифляндскими Чухнами нѣсколько разныхъ нарѣчій. Чухны рѣдко живутъ деревнями, а по большей части селятся двора два или три вмѣстѣ, и чаще всего видите одинъ дворъ. Къ нѣкоторымъ мызамъ приписано ихъ душъ по 500, а деревни не видно: хижинъ разбросаны по разнымъ мѣстамъ, болѣе около лѣсовъ. Избы Чухонскія темны и неопрятны; окошки въ нихъ крошечныя и тѣхъ мало. Половъ дощатыхъ нѣтъ, а все земляные; исключенія въ семъ случаѣ весьма рѣдки. Въ избѣ печь, въ сѣняхъ о-

часть; иногда бывают очагъ и печь вмѣстѣ — печь внизу, очагъ сверху или съ боку. На очагъ всегда огонь, надъ которымъ виситъ котелъ съ водою. Хорошо, если гдѣ есть столъ; и того часто не бываетъ и лавки и подмостки, вмѣсто кровати, составляютъ всю мебель. Въ домашней посудѣ у Чухонца также нѣтъ прихоти: нѣсколько чашекъ, горшковъ и ложекъ — вотъ вся хозяйственная утварь его. Лѣтомъ Чухны живутъ въ анбарахъ, а кушанье готовятъ въ шалахахъ, сложенныхъ конусообразно изъ жердеи; по срединѣ такого шалаха котелъ, гдѣ варятъ кушанье. Пища, употребляемая Чухнами состоитъ изъ овощей, кислаго и прѣснаго молока, сельдей и ряпушки. Одежду мужичи составляютъ камзолъ, короткіе по колено панталоны, чулки и башмаки, которые шьютъ они особеннымъ манеромъ: выкраиваютъ по величинѣ ноги овальный лоскутъ кожи, большею частью невыдѣланной; кругомъ надрѣзываютъ дырочки, вдѣваютъ въ нихъ ремень или веревочку, размочивъ въ водѣ натягиваютъ на козодку и засушиваютъ. Такіе башмаки прикрѣпляются къ ногамъ ремнемъ или бечевкой и Чухны называютъ ихъ *порши*. Сверхъ всего надѣвается кафтанъ изъ домашнего сукна. На головѣ шляпа съ большими полями, зимой съ ушами шапка. Женщины носятъ корсетъ и юбку; корсетъ дѣлаютъ наиболѣе шерстяной. Замужнія носятъ родъ чепчика, а дѣвки заплетаютъ волосы въ двѣ косы и обвиваютъ вокругъ головы. Нины носятъ волосы такъ же какъ мужчины, то есть распускаютъ ихъ по плечамъ, и при такомъ уборѣ женщины надеваютъ шитый шелкомъ или гарусомъ калпачекъ, крѣпко накрахмаленный, собранный на концѣ и совершен-

но похожій на хвостъ нѣтуха. Въ некоторыхъ мѣстахъ мужчины, женщины и дѣвки равно носятъ круглыя шляпы, а волосы распускаютъ по плечамъ. Замужнія Чухонки носятъ украшенія на груди, въ видѣ воронки, только безъ носка, богатые серебряныя, а бѣдныя оловячныя; это украшеніе называютъ *селегъ*, и на немъ бываютъ вытѣзаны разныя узоры; иногда селегъ стоитъ рублей семдесятъ и болѣе.

Жилыща Чухонъ огорожены частоколомъ, но они не такъ его дѣлаютъ, какъ Русскіе, а кладутъ жердочки вкось. Вкругомъ избы видите хлѣвъ для скота, сарай, огородъ. Крестьяне Чухонцы держатъ скота мало, за неимѣніемъ собственныхъ луговъ; однакожъ у иныхъ есть головъ до 15-ти рогатой скотины и овецъ и по нѣскольку лошадей. Вся земля въ Лифляндіи принадлежитъ помѣщикамъ; крестьяне имѣютъ небольшіе участки для земледѣлія и сѣнокоса. За то они обязаны работать на помѣщика, или какъ у насъ говорится, «быть на барщинѣ». Подушныя и все повинности за крестьянъ отправляетъ помѣщикъ, собравъ деньги предварительно съ крестьянъ. Иногда случается, что господинъ, когда задолжается ему крестьянинъ, подбираетъ у него скотину и все имущество, и онъ долженъ идти въ работники.

Помѣщики въ Лифляндіи довольно свѣдуши въ сельскомъ хозяйствѣ; земледѣліе доведено до большаго совершенства. Кромѣ разныхъ родовъ хлѣба, много сажаютъ картофеля, изъ котораго, кромѣ употребленія въ пищу, голятъ вино. Винокуреніе составляетъ одинъ изъ главныхъ доходовъ Лифляндскихъ помѣщиковъ, а потому при каждой мызѣ есть

виюкурня. Риги вездѣ построены удобно. Мельницы по большей части вѣтряныя и водяныхъ мало. Мнѣ кажется, устройство мельничныхъ крыльевъ въ Эстляндіи лучше, нежели у насъ въ Россіи. Крылья здѣсь дѣлаются слѣдующимъ образомъ: поперекъ крыла утверждены жердочки, на четверть или болѣе одна отъ другой разстояніемъ, что составляетъ рѣшетку. Къ верхнему поперечному брусу, приколачивается парусина, длиною во все крыло, и ее можно свертывать, посредствомъ веревки, прикрѣпленной къ нижнему концу, все равно, какъ паруса, и смотря по силѣ вѣтра берутся рифы, такъ, что можно распустить четверть, половину или всю парусину.

Почти при каждой мызѣ есть скотиные дворы, по скотъ Лифляндскій не случшихъ породъ и очень мелокъ. Нельзя сказать чтобы и присмотръ за нимъ былъ рачительный. Чистоты въ хлѣвахъ, необходимой для скота хорошей породы, не наблюдаютъ. Также нѣтъ и хорошихъ выюновъ: лѣтомъ пасутъ скотину по перелѣскамъ или на болотистыхъ мѣстахъ. Вообще въ Лифляндіи много болотъ и владѣльцы земель не берутъ ни какихъ мѣръ къ ихъ осушенію, и хотя въ иныхъ мѣстахъ прорыты канавы для стока воды, но этого недостаточно. Главною причиною въ семъ случаѣ полагаютъ недостатокъ рукъ, обращааемыхъ преимущественно на земледѣіе и обработку картофеля. На зиму помѣщики берутъ отъ торговцовъ скотомъ быковъ и откармливаютъ ихъ, что называется: «ставить на барду.» Птичьихъ дворовъ нѣтъ, хотя на каждой мызѣ разведено бываетъ по немногу дворовой птицы.

Проезжая по двѣ осени сряду Дерптскою дорогою, подѣ Нарвою видѣла я многочисленныя стада гусей. Я замѣтила еще, что сжатый хлѣбъ, пока онъ не уберутъ съ поля, складываютъ здѣсь другимъ манеромъ, нежели у насъ: дѣлаютъ козлы изъ жердей и на нихъ кладутъ снопы, такъ, что воздухъ проходитъ свободно, а если хлѣбъ въ круглыхъ копнахъ, то ставятъ жерди конусомъ и на нихъ кладутъ снопы, на четверть отъ земли. Наблюдатель могъ бы много замѣтить здѣсь полезнаго. Мое намѣреніе при описаніи Дерпта было, хотя посредствомъ слабыхъ очерковъ, познакомить, сколько нибудь жителей другихъ губерній съ Лифляндіею, столь различною отъ другихъ мѣстъ Россіи.

ПРОГУЛКА

ИЗЪ ДЕРПТА ПО ЧУДСКОМУ ОЗЕРУ.

Давно мнѣ хотѣлось посмотреть Чудское озеро и Русскія заселенія, разбросанныя по берегу; наконецъ я нашла удобный случай удовлетворить своему любопытству. Восьмого Сентября бываетъ въ Дерптѣ ярмарка, на которую съезжаются Чухонцы и приплываютъ лодки изъ Русскихъ деревень, лежащихъ по берегу Чудскаго озера. Русскіе привозятъ рыбу, лукъ, клюкву, иногда картофель и капусту, также глиняную посуду, которую закупаютъ они во Псковѣ. Чухонцы пригоняютъ скотъ, привозятъ деревянную посуду, масло, яицы, куръ, цыплятъ, свиней, рожь, крупу. Ярмарка бываетъ одинъ день; на другой, закупивъ пужное, всѣ разъезжаются; я условилась съ хозяиномъ одной лодки, и онъ за бездѣлицу согласился довезти меня до своей деревни, верстахъ въ тридцати отъ Дерпта.

Въ три часа послѣ обѣда мы поплыли. Лодка нагружена была рожью и пустыми бочками изъ-подъ рыбы.

Насъ было шесть человѣкъ: хозяинъ лодки, товарищъ его съ сестрой, мальчикъ и двое пассажировъ, я и еще одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Вѣтеръ былъ противный; паруса поставить было нельзя; мы шли

на гребль и въ некоторыхъ мѣстахъ тянулись бичевой. Берега Эмбаха низки, довольно живописны; по обѣимъ берегамъ рѣки часто встрѣчаются мызы, корчмы, мельницы; тамъ и сямъ разбросаны хижины Чухонцовъ; вдали видѣтъ гора. Отплывши около десяти верстъ причалили къ берегу. Я и мой спутникъ пили чай на мызѣ Кабель, а хозяинъ лодки съ товарищами ужиналъ. Здѣсь еще положили нѣсколько мышковыхъ ржъ и посадили жемчужину. «Пора въ путь!» говорилъ хозяинъ, и мы снова поплыли.

Начинало смеркаться; бичевою идти было нельзя: часто встрѣчались заливы, которые обходить было неудобно, а потому мы лѣзли на гребль. Въ восемь часовъ мы остановились у мызы Мексы; гребцы устали и имъ надобно было отдохнуть. Возлѣ пристани стояла корчма, но въ пей нельзя было подумать объ ночлегѣ: она была набита народомъ, возвращавшимся съ ярмарки. Нѣсколько лодокъ стояло у берега; въ нихъ были все женщины; мужики ушли въ корчму, пили, пѣли, плясали, свистѣли соловьемъ, словомъ — разгулъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Ночь была темная. Мой спутникъ, молодой человѣкъ, легъ спать въ лодкѣ. Я не могла спать: мнѣ новъ былъ такой ночлегъ — на водѣ, подъ яснымъ небомъ, усыпаннымъ звѣздами, которыя отражались въ рѣкѣ. Мало по малу сѣверная сторона неба начала вспыхивать; подобное тому бываетъ въ Юлѣ и Августѣ и называется зарницей. Но это было начало сѣвернаго сіянія, которое продолжалось часа три и было довольно велико; столбы, то появлялись, то исчезали, и наконецъ все слилось въ огромную

огненную полосу. Казалось, духи тмы спорили съ небомъ, ярились, метались на небо, но невидимая рука опрокидывала ихъ; въ безсильной злости, они падали, снова устремлялись на небо, краснѣли, багровѣли отъ ярости, и поглощаемые новымъ приливомъ свѣта, исчезали. Въ темную ночь, на водѣ, подъ открытымъ небомъ, какое-то необыкновенное чувство западаетъ въ душу человека: и грусть и наслаждение; кажется, больше чувствуешь временную жизнь на землѣ и призывъ въ вѣчность.

Мало по малу шумъ стихалъ; всѣ возвращались къ своимъ лодкамъ; нѣкоторые поплыли, другіе легли спать. Въ два часа все ожило на лодкахъ. По Русскому обычаю умылись, помолились Богу и пустились въ путь. Всѣ прибрежные жители Чудскаго озера такъ привыкли къ водѣ, что для нихъ все равно день или ночь, но для меня это было необыкновенно. Еслибы взошла луна, все было бы веселье, а то кругомъ вода, темная ночь, и только звѣзды, какъ недремлющія очи Божіи, отражались въ рѣкѣ. Тишина нарушаема была только всплесками воды отъ веселья и пѣніемъ пѣтуховъ въ деревняхъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Но вотъ занялась заря, востокъ заалѣлъ, предметы стали явственнѣе. Когда мы приплыли къ озеру, солнце выкатилось на горизонтъ и освѣтило безпредѣльное пространство воды; отражаясь въ ней, оно играло, искрилось, и озеро блестяю, какъ испанское зеркало.

Думала ли я, что черезъ тридцать пять лѣтъ опять буду переплывать большое озеро? Но тогда перѣзжала я Байкаль, а теперь Чудское. Чудское озеро въ старину называлось *Пейпусъ*; лежитъ меж-

ду Псковскою, Санктпетербургскою и Лифляндскою губерніями; принимаетъ рѣку Эмбахъ, текущую изъ озера Виртъ, а изъ сѣверной его стороны вытекаетъ рѣка Нарова; къ югу же оно соединяется съ Псковскимъ озеромъ. Люблю я эту непостоянную стихію, гдѣ легіоны съдыхъ валовъ убѣжденныхъ борьбою, гонятся одинъ за другимъ, стараются опередить другъ друга, и девятый валъ съ глухимъ ропотомъ бѣжитъ въ слѣдъ за ними. Вѣтеръ крѣпчалъ. Поставили парусъ; волненіе было довольно сильное. Лодка наша ныряла по изрытому валами озеру, то подымалась, то опускалась; гребцы легли спать, а хозяинъ лодки правилъ рулемъ.

Всѣ спали. Одинъ кормчій стоялъ у руля и пѣлъ какую-то пѣсню. Я любовалась окрестными видами. Съ лѣвой стороны видѣнь вдалекѣ отлогій берегъ, съ разбросанными селеніями; впереди, верстахъ въ двадцати, на выдавшемся мысѣ, называемомъ жителями Носъ, бѣлѣлась церковь; съ правой горизонтъ сливался съ водою. Проплывши верстъ десять, мы пристали въ селеніи Кольки, мѣстѣ жительства нашего хозяина. Озеро саженой за двадцать отъ берега немного глубже полуаршина, а потому надобно идти въ бродъ, какъ это дѣлаютъ жители, но я отказалась послѣдовать ихъ примѣру; услужливый хозяинъ пріѣхалъ въ телегѣ и перевезъ меня на берегъ. Озеро мало по малу отъсыпаетъ жителей все далѣе; старожилы запомнятъ еще, что гдѣ теперь вода, тамъ стояло селеніе. Всѣ селенія, лежація по берегу Пейпуса, населены Русскими; почти всѣ переселенія ихъ изъ Россіи, думаю, относятся къ временамъ Алексѣя Михайловича и Петра I. Я старалась узнать отъ жителей: нѣтъ ли между ними пре-

данія, когда они здѣсь поселились, но они сами ничего не знаютъ, а говорятъ: «отцы и дѣды наши здѣсь жили.» Давно не видала я такого чисто-Русскаго поколѣнія: они сохранили свой языкъ, свои обычаи, одежду; почти все они великорослы, сильные, съ русыми волосами; у дѣтей же волосы точно лентъ; отъ дѣятельной жизни видно проворство во всѣхъ ихъ движеніяхъ.

Главный промыселъ жителей береговыхъ деревень рыбная ловля. Озеро неисчислимый родникъ, откуда они получаютъ пищу и все пужное. Пейпусъ обилень рыбою; сига, щука, лещи, ряпушка, ерши, окуни, караси ловятся всегда, а сѣтки только весной, въ Май мѣсяцъ; тогда они появляются въ такомъ множествѣ, что по словамъ рыбаковъ, на одинъ пегодъ въ педѣлю перѣдко выручаютъ 1000 рублей. Часть ихъ готовятъ на мѣстѣ, а остальное продаютъ прѣзжающимъ изъ Гдова, которые отвозятъ ихъ свѣжихъ домой, потомъ сушатъ и пересыпаютъ солью. Сушеные караси и соленые окуни отвозятъ всегда въ Псковъ. Ряпушка, любимая рыба Чухонъ, привозится во множествѣ въ Дерптъ; начиная съ весны до осени, она составляетъ главную пищу жителей. Береговые жители Пейпуса все рыбаки, съ тою только разницею, что одни преимущественно занимаются ловлею, а другіе скупаютъ у нихъ, солятъ, сушатъ, или свѣжую развозятъ по разнымъ мѣстамъ. Также не маловажный торгъ ведутъ здѣшніе жители лукомъ, который они садятъ въ большомъ количествѣ, такъ, что иногда одно семейство выручаетъ до 500 рублей; его развозятъ по Чухонскимъ деревнямъ и приплавляютъ въ Дерптъ. Иногда продаютъ картофель и капусту, только очень

мало; остальные же охоты садить для домашняго употребленія.

Почва пещаная и крупнаго лѣса близко нѣтъ; годный для употребленія верстъ за пять отъ берега. Дичи довольно, но жители мало занимаются ловлею птицъ; тетерки, рябчики, утки, лебеди, журавли водятся около Пейпуса. Садовъ, по недостатку земли, не разводятъ, а дико-произрастающихъ ягодъ довольно, клюквы, брусники, голубицы, рябины. Изъ двороваго скота держатъ коровъ и свиней, которыя есть въ каждомъ домѣ; лошадей не держатъ; земледѣліемъ никто не занимается; изъ дворовыхъ птицъ держатъ только гусей и куръ, и то немного. Сѣютъ въ небольшомъ количествѣ ленъ и конопля, а болѣе привозятъ изъ Пскова; пенька идетъ на сѣти и пегода; въ каждомъ домѣ видишь самопрялку и вездѣ вяжутъ сѣти; дѣвочки лѣтъ восьми уже занимаются этою работою. Деревни хорошо выстроены и совершенно въ Русскомъ вкусѣ; окна украшены рѣзбой; ставни покрашены, по большей части красной краской; кровли покрыты тесомъ или черепицею, меньшая часть соломой.

Въ первый день нашего прѣзда мы прогуливались по берегу озера и по окружнымъ деревнямъ. На другой было воскресенье и мы пошли въ Носову деревню, названіе свое получившую отъ мыса, на которомъ она выстроена и который жители называютъ Носъ. На мысѣ, омываемомъ волнами озера, выстроена каменная церковь, во имя Цокрова Пресвятыя Богородицы, и каменный домъ для священника и церковнослужителей. Службы въ тотъ день не было: священникъ уѣхалъ по дѣламъ въ Псковъ; мы просили позволенія осмотрѣть церковь

и нашли вездѣ чистоту и порядокъ; только ризница очень бѣдна и мало церковной утвари. Не имѣя времени долго оставаться, я не захотѣла быть въ другихъ деревняхъ, которыя видны изъ Носовой, Красныя Горы и Родчина. Первая хорошо выстроена, сколько я могла судить издали; въ ней есть каменные дома, и говорятъ, всего болѣе ста дворовъ. Всѣхъ деревень двадцать восемь, а въ нихъ тысячь двадцать жителей. Возвратившись въ Кольки, послѣ обѣда мы пошли смотреть хороводы. Молодые женщины и дѣвки, разрядившись, ходили съ пѣснями по улицѣ; мужики, собравшись группами, толковали о дѣлахъ; молодые парни, въ плисовыхъ кафтанахъ, поглядывали на красавицъ съ русыми косами, украшенными разноцвѣтными лентами.

Радужный хозяинъ нашъ старался все выказать съ лучшей стороны и говорилъ: «Еслибы вы прѣхали къ намъ зимой, когда народъ весь соберется, тутъ-то у насъ гуляще, а лѣтомъ половина *жикарей* въ разбродѣ.» Почти всѣ изъ жителей Русскихъ деревень, кромѣ рыбнаго промысла, ремесленники, маляры, каменщики, штукатуры, плотники; лѣтомъ расходятся на работу, особливо изъ большихъ семействъ, а зимою собираются домой, ловятъ подводную рыбу или торгуютъ по деревнямъ. Пріятно смотреть на ихъ жизнь, чуждую всѣхъ прехотей, которыя намъ, жителямъ городовъ, сдѣлались необходимы. Нашъ хозяинъ бѣдный человѣкъ: все его имущество состоитъ въ небольшой избѣ и лодкѣ, но онъ доволенъ своею участью и благодаритъ Бога. «Да, что мнѣ еще надобно? Я ни въ чемъ не нуждаюсь. Вотъ хоть бы въ теперешнюю поѣздку, мы съ товарищемъ раздѣлили по сороку руб-

лей. Богъ дастъ, поѣду въ Псковъ, куплю пеньки, муравленой посуды; посуду отвезу въ Юрьевъ, * а пенька лишь бы была — чистый товаръ, барышекъ получишь!» Такъ говорилъ этотъ добрый человѣкъ, отецъ четверыхъ дѣтей....

Всѣ звали насъ въ гости, стараясь подчивать всемъ, что только у нихъ есть. *Да, покушай родимый! Перехвати чего нибудь, золотой!* Въ первый день нашего прѣзда вытопили баню и просили пойдти попариться, какъ водилось въ старину у Русскихъ. *Хоть бы вы недѣльку у насъ погостили!* говорили намъ многіе.

Я спрашивала у мальчиковъ: знаютъ ли они сказки? Да знаемъ,» сказалъ одинъ изъ нихъ, «а вотъ кабы моя матушка, такъ она много знаетъ всякихъ сказокъ, о царяхъ, короляхъ, о Натальѣ Золотой Косѣ.»

Мы не могли оставаться долго въ Русскихъ деревняхъ и наняли пару лошадей; извозникъ нашъ былъ Чухонецъ. Отъ Носовой деревни до Дерпта считается сорокъ верстъ, но верстъ нѣтъ и это не вѣрно, водою же болѣе пятидесяти. Въ семь часовъ поутру, простившись съ добрыми нашими хозяевами, мы отправились, и въ пять часовъ по полудни были уже въ Дерптѣ. Въ продолженіе нашего пути извозникъ нѣсколько разъ останавливался кормить лошадей. Чухонцы кормятъ часто, но стоятъ не долго, не болѣе получаса. Лошади у нихъ небольшія, но сильныя и бѣгутъ хорошо; телѣги не такъ удобны, какъ у Русскихъ; съ трудомъ можно сидѣть двоимъ въ рядѣ. Мы много проѣзжали Чухон-

* Простой народъ иначе не называетъ Дерпта.

скихъ селеній. Избы въ нихъ черныя, съ маленькими окнами, едва пропускающими дневный свѣтъ. Чухонцы довольно держатъ скота. Поля у нихъ хорошо обработаны, хотя почти невѣроятно, какъ можетъ хорошо родиться хлѣбъ на такой каменистой почвѣ.

Съ удовольствіемъ совершила я это маленькое путешествіе. Почтеннымъ изслѣдователямъ стариннаго Русскаго быта можно было бы много узнать любопытнаго между Русскими жителями береговъ Пейлуса. Я замѣтила много старинныхъ словъ. Также достойна похвалы простота въ жизни, чуждая всякихъ нововведеній и роскоши. Всѣ здѣсь здоровы, сильны, проворны, смѣлы; веселая беззаботность видна на лицахъ.

Заключу мое описаніе рассказомъ нѣкоторыхъ чертъ образа жизни. Когда мы пріѣхали въ селеніе, при выгрузкѣ изъ лодки осталось нѣсколько мѣшковъ ржи и разныхъ вещей не выгруженными, потому что хозяева еще не пріѣзжали съ ярмарки; двое сутокъ прошло и все это оставалось въ лодкѣ. Я говорила своему хозяину, что могутъ украсть. «У насъ этого нѣтъ,» отвѣчалъ онъ — «наши не тронутъ. Чтожь нейдутъ брать? Не самому же мнѣ развозить по домамъ: и за то спасибо, что привезъ.» Вотъ еще одна прекрасная черта: здѣсь есть обычай при ловлѣ рыбы послѣднюю тоню закидывать на сиротъ, и когда пріѣдутъ съ ловли, бѣдные собираются и дѣлятъ между собою свою часть. Я спрашивала у дѣтей: знаютъ-ли они молитвы? и они читали мнѣ: Отче нашъ, Богородице дѣво радуйся, и многія другія. Кто учитъ васъ? спрашивала я. «Отецъ, мать, дѣдушка,» отвѣчали они. Вотъ нѣко-

торыя слова, замѣченныя мною: лодку здѣсь называютъ *ладья*, мачту *штырь*, лешей *шаберъ*, мальчика *малецъ*, жителя *жижарь*, кушанье горячее *варка*.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

КУРСКЪ.

=

Мѣстоположеніе *Курска* очень хорошо. Половина города раскинута на горѣ, а другая при подошвѣ ея. Предмѣстія составляютъ слободы, *Ямская*, *Пушкарная*, *Казацкая*, *Стрѣлецкая* и *Кожевенная*. Когда прїѣзжаете въ *Курскъ* по Московскому тракту, почтовая дорога идетъ черезъ *Ямскую* слободу, которая хорошо выстроена; въ ней довольно каменныхъ домовъ и церковь каменная; въ полуверстѣ отъ сей слободы, подѣ самымъ городомъ, протекаетъ рѣка *Тускорь*, довольно большая; она снабжаетъ городъ водою. Поднявшись на такъ называемую *Ямскую гору*, въѣзжаете въ городъ чрезъ тріумфальныя ворота на Московскую улицу, которая лучше всѣхъ другихъ въ городъ, и ведетъ прямо къ Знаменскому монастырю, прекрасно выстроенному, гдѣ находится чудотворная икона Знаменія Божіей Матери. Монастырь на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города; кругомъ него, съ одной стороны присутственныя мѣста, съ другой Гимназія и въ томъ же зданіи Уѣздное и Народное Училища. Видъ отъ монастыря къ рѣкѣ *Тускори* прелестный: подошву горы обтекаетъ *Тускорь*; за нею видна слобода *Стрѣлецкая*, съ ея маленькими домиками и ка-

менною церковью Николая Чудотворца. Съ другой стороны монастырской горы открывается вся нижняя часть города, съ слободами *Пушкарною* и *Казацкою*. Лѣтомъ, когда деревья одѣты зеленью, видъ превосходенъ. Спустясь съ горы, переѣзжаете черезъ мостъ рѣчку *Куръ*, отъ которой получилъ названіе *Курскъ*. Вода въ *Куръ* не хороша и ея не употребляютъ въ пищу. Колодцы въ *Курскѣ* не въ каждомъ домѣ; воду берутъ изъ *Тускори*, а кто далеко живетъ отъ рѣки изъ колодцовъ, которыхъ на улицахъ довольно. Весною *Тускорь* и *Куръ* разливаются и *Тускорь* затопляетъ *Стрѣлецкую* слободу. Городъ выстроенъ порядочно; улицы вымощены, а прежде грязь составляла большое неудобство, и потому, не только мужчины, но и женщины, въ дурную погоду, ходили въ сапогахъ, съ палкою въ рукѣ; теперь можно обойтись и безъ такихъ принадлежностей, но къ чему привыкають годами, то не скоро выйдетъ изъ обыкновеній, и нѣтъ же увидите и нынѣ *Курчанку* въ сапогахъ и съ палкою.

Въ городѣ и слободахъ, съ двумя монастырями, мужескимъ и женскимъ, считается 15 церквей. Общественныя зданія суть: присутственныя мѣста, домъ Градскаго Общества (въ немъ помѣщаются Градская Дума, Магистратъ и Сиротскій Судъ), домъ Благороднаго Собранія, Гимназія, домъ Гражданскаго Губернатора, Градская Полиція, Госпиталь (принемъ есть отдѣленіе для ума лишенныхъ). Монастырь мужеской съ каменными кельями; въ немъ живетъ архіерей епархіальный, который прежде живалъ въ *Бѣлгородѣ*. Фабрикъ никакихъ нѣтъ; есть заводы салотопенные, свѣчпыя, мыльные, кожевенные, воскоблѣнные, и заведенія для кро-

шенія сандала. Одинъ изъ главныхъ промысловъ Курскихъ жителей торгъ скотомъ; скотъ закупаютъ они большею частію въ Малороссіи, и часть его бьютъ для кожъ и сала, а большую половину гонять гуртами въ Москву и Петербургъ. Другія отрасли промышленности составляетъ торговля пенькою, медомъ, воскомъ, щетиною, табакомъ, пухомъ, лошадьми, *смушкою* или мерлушкою. Купцы и мѣщане съ небольшимъ капиталомъ ѣздятъ по деревнямъ и уѣзднымъ городамъ, закупаютъ означенные товары и потомъ продаютъ купцамъ торгующимъ гуртомъ. Для закупки мерлушки и табаку ѣздятъ въ Малороссію и лучшею почитается мерлушка въ Рышетиловкѣ и Юпковкѣ.

Почти при каждомъ домѣ въ Курскѣ находится фруктовый садъ; есть обширные сады, доставляющіе хозяевамъ отъ 1000 до 5000 рубл. и болѣе въ годъ, не смотря на дешевизну плодовъ. Садовниковъ не держатъ и хозяева домовъ сами занимаются садоводствомъ; каждый изъ нихъ умѣетъ прививать, и знаетъ, какъ должно обходиться съ деревьями. Есть множество родовъ яблоковъ и грушъ, но стараются разводить лучшіе сорта; такими почитаются: *Антоновскія*, *Опортовія*, *Титовскія* и *Добрый крестьянинъ* (*bon chretien*); изъ грушъ лучшія сорта: *Гданскія*, *Молдавскія*, *Безъмянныя*, *Сахарныя* и *Трубчевскія*. Кромѣ яблоковъ и грушъ, составляющихъ главный доходъ садовъ, въ благословенномъ Курскомъ климатѣ изобильно растутъ бергамоты, разныхъ родовъ сливы, вишни, черносливъ; есть въ нѣкоторыхъ садахъ черешня, бѣлая, красная и черная, также барбарисъ, но ихъ мало разводятъ; за то въ изобиліи произрастаютъ всѣхъ родовъ кры-

жевникъ, смородина, малина. Кромѣ яблоковъ и грушъ, прочихъ плодовъ никуда не вывозятъ. Курскъ можно назвать *садовою Россіею*, откуда везутъ плоды въ Москву, Петербургъ, Одессу. Въ концѣ Мая и Іюня, когда отцвѣтутъ деревья и покажется завязка плодовъ, пріѣзжаютъ торговцы и откупаютъ сады; большая часть покупателей являются изъ Серпухова. Трудно повѣрить дешевизнѣ плодовъ: въ урожайный годъ четверикъ яблоковъ стоитъ рубль и два, смотря какого сорта яблоки; грушъ самыхъ лучшихъ не дороже отъ одного рубля до трехъ; ведро сливъ 40 и 50 коп.; есть еще особенный родъ грушъ, употребляемый для квасу и сушенія, собственно такъ называемыя *груши* (всѣ прочіе роды грушъ въ Курскѣ называютъ *дулями*). Квасъ этотъ готовится очень просто: насыпаютъ въ боченокъ грушъ и потомъ наливаютъ водою; недѣль черезъ шесть выходитъ довольно пріятный напитокъ. Другой родъ грушъ употребляютъ для сушенія, и потомъ зимою варятъ ихъ въ водѣ и подаютъ вмѣстѣ пирожного въ посты, которые въ Курскѣ строго соблюдаются.

Климатъ въ Курскѣ благодѣтельный и здоровый; весною, когда цвѣтутъ сады, воздухъ дышитъ нѣгою; особенно прелестны вечера при заходѣ солнца; тогда воздухъ, кажется, наполненъ ароматами, а по садамъ слышны трели соловьевъ. Что считается роскошью въ столицахъ и требуетъ большихъ издержекъ и трудовъ, въ Курскѣ вещь самая обыкновенная: это цвѣтоводство; нѣжные роды цвѣтовъ, розы, лилей, нарцисы, тюльпаны можно найти почти въ каждомъ саду. Многіе цвѣты, бывши однажды посажены, растутъ не требуя почти

никакого присмотра; изъ такихъ самые обыкновенные: піоны, розовыя, красныя и бѣлыя, разныхъ родовъ, прелестныя, махровыя колокольчики, воронецъ, осока. Изъ цвѣтущихъ деревьевъ и кустарниковъ сирень, бѣлая и синяя, бузина и душистое Божье дерево украшаютъ сады. Желательно бы видѣть иностранца въ весенній вечеръ въ Курскѣ. Онъ не назвалъ бы тогда Россіи *ледяною страной*.

Сѣстные припасы въ Курскѣ не дороги. Осенью говядина продается иногда по 5 копѣекъ за фунтъ, пара цыплятъ 40 и 50 коп., курица 40 и 50 коп., баранина и телятина также дешевы. Зимой, особенно къ Рождеству, привозятъ много живности, гусей, индѣекъ, поросятъ, куръ, утокъ и свинину тушами. Молокомъ снабжаетъ городъ слобода Ямская и частію другія.

Овощи болѣе привозятъ изъ деревень; въ городѣ ихъ мало сажаютъ, за недостаткомъ земли, занятой садами. Огурцы продаютъ мѣрой, а не сотнями, и они очень дешевы: иногда бываютъ копѣекъ 30 и 40 за четверикъ. Въ Курскѣ называютъ *гарбузомъ* тыкву, а арбузъ *кауномъ*; дыни и арбузы сѣютъ на поляхъ, которыя именуютъ *бакча*. Курскіе арбузы и дыни впрочемъ не такъ вкусны, какъ привозныя изъ Астрахани, но они и не дороги; лучшій стоитъ рубль или немного болѣе.

Рыбы въ Курскѣ довольно; ее по большей части ловятъ въ рѣкѣ Семи, протекающей верстахъ въ пяти отъ города. Роды рыбъ суть слѣдующіе: карпы, лещи, язи, подлещики, волчки, щуки, лини, палімы. Раки въ Курскѣ большіе, вкусные и ловятся въ изобиліи. Бѣлугу, осетрину сазановъ провозятъ съ Дона и изъ Саратова; обыкновенное и лю-

бимое купанье Курскихъ жителей составляютъ сушеные судаки, которыхъ называютъ *сула*.

Большая половина жителей Курска ходитъ въ Русскомъ платьѣ, но многія женщины изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія въ такъ называемомъ ими *Пѣмецкомъ*, то есть, носятъ на головѣ вмѣсто кички платокъ. Теперь во многихъ купеческихъ домахъ женщины и дѣвицы оставили *Русскую* и *Пѣмецкую* одежду: одѣваются, какъ и вездѣ, въ длинныя платья, носятъ шляпки и чепчики; потому на иной свадьбѣ, или въ какомъ нибудь собраніи, увидите женщинъ въ разныхъ костюмахъ, что походитъ нѣсколько на маскарадъ. Мужчины одѣваются въ Русское платье, оставляютъ бороду, волосы обстригаютъ въ кружокъ, только и тутъ есть нововведеніе: нѣкоторые носятъ галстуки и подстригаютъ немного бороду, и весьма рѣдко встрѣтите старинную стрижку Русскую, то есть темя выстриженное съ отпущенными по краямъ волосами. Русская женская одежда Курская отлична отъ одежды другихъ мѣстъ Россіи. Вседневную одежду составляетъ *сарафанъ*, который называютъ въ Курскѣ *шубкою*, а если суконной, то *сукнею*; рубашка дѣлается съ широкими рукавами, съ узкими запястьями и высокимъ воротникомъ, застегнутымъ запонкою; на головѣ *повойникъ*, похожій на Павловскую гренадерскую шапку; сарафанъ подпоясывается шелковымъ кушакомъ. Летомъ при такой одеждѣ, когда выходятъ со двора, покрываютъ голову платкомъ сверхъ повойника и надѣваютъ *кафтанъ*; будничныя бываютъ нанковый или китайчатый, а праздничныя шелковыя, изъ какой нибудь матеріи, по большей части малиновый штофовый. Парадный нарядъ составляетъ также са-

рафанъ, но только *штофный*, или парчевой; рубашка бываетъ тонкой кисеи, вышитая въ узоръ; по сарафану подпоясываются кушакомъ *Персидскимъ* съ золотомъ; сверхъ сарафана надѣваютъ *полушубокъ*: на головѣ бываетъ кокошникъ, похожій на древній Русскій клобукъ, изъ парчи или бархата, но матеріи почти невидна, потому что кокошникъ бываетъ весь обшитъ золотымъ позументомъ; сзади подвязываютъ къ нему *подзатыльникъ*, низанный жемчугомъ съ камнями, иногда настоящими, а чаще поддѣльными. Прежде, когда во всѣхъ богатыхъ домахъ носили Русскую одежду, кокошники низали дорогимъ жемчугомъ съ камнями, и такой кокошникъ стоилъ иногда болѣе 1000 рублей. На шею надѣваютъ жемчугъ, ятари и серебряную вызолоченную цѣпочку, на которой виситъ крестъ. Таковъ нарядъ Русской женщины въ Курскѣ. Когда выходятъ со двора или въ гости парадно, то надѣваютъ на описанный нарядъ кафтанъ, а сверхъ кокошникъ повязываютъ тогда кисею, особеннымъ манеромъ, обмотавъ концы около шеи и распуская ихъ по спинѣ. Нарядъ дѣвицъ отличается повязкою изъ позумента и косою, искусно заплетенною и украшенною лентами. Серьги носятъ жемчужныя, съ камнями, вынизанныя разными манерами. Лѣтъ около 20-ти тому, какъ ввелись въ одежду Русской измѣненія. Теперь многія женщины, носящія Русское платье, дома и за просто выходятъ въ ситцовыхъ *саянахъ*; это ужъ не сарафанъ, но однакожъ и не длинное платье, а просто юбка, которая подходитъ подъ самыя плечи и держится на плечахъ лентами; сверхъ него надѣваютъ *фартукъ*, ситцовый или кисейный, обшитый лентами, но въ такомъ нарядѣ

нельзя выйти лѣтомъ безъ кафтана, а зимой надѣваютъ коротенькую шубу, или длинную, смотря по погодѣ. Женщины, которыя ходятъ по *Шмеецки*, то есть въ платкахъ, одѣваются въ платья шелковыя и кисейныя; платки носятъ вышитые золотомъ и серебромъ или кисеные, обшитые кружевомъ и лентами; повязываютъ ихъ особеннымъ манеромъ, такъ, что они составляютъ треугольникъ. Салопы лѣтніе, вмѣсто воротника, обшиты сверху манжетами изъ той же матеріи. Шубы носятъ безъ мѣховаго воротника, съ капишономъ какіе дѣлывали прежде у салоновъ; капишонъ и вся шуба опушены мѣхомъ.

Всѣ дѣвицы въ Курскѣ, исключая дворянокъ, ведутъ жизнь совершенно затворническую; не только никуда они не показываются, даже рѣдко ходятъ и въ церковь. Но вѣдь дѣвушка не *домашній товаръ*; гдѣ же можетъ ее увидѣть ея *суженный*? Для того есть особый манеръ *показать невесту*. Трудно повѣрить, что прежде выдавали замужъ дѣвицъ 13 и 14-ти лѣтъ, и чѣмъ невеста была моложе, тѣмъ болѣе было похвалы. Обыкновенно говаривали о хорошенькой дѣвушкѣ: «Красавица, дородница — не засидится въ дѣвкахъ!» Благодаря мудрому закону зло раннихъ браковъ прекращено. Прежде, когда дѣвушкѣ наступало лѣтъ 15-ть, то ее начинали, говоря по Курски, *невестить*: шьютъ ей, бывало, нарядное платье, и въ праздничные дни, исключая пенастья и мороза, позволялось ей выходить за ворота, въ сопровожденіи старушки родственницы; тутъ дѣвушка садится на лавочку у воротъ и смотритъ на проходящихъ. Осенью на такое сидѣнье дѣвушки берутъ бывало съ собою *подсолнечникъ*,

котораго зерна любятъ лущить и ѣсть, или кедровые орѣхи, и какъ почти всѣ женщины и дѣвушки выходили на улицу, то тутъ могли онѣ толковать обо всемъ — дѣвицы объ нарядахъ и рукодѣльи, а замужнія о дѣтяхъ, мужьяхъ и своемъ житьѣ-бытьѣ. Не женатые молодцы могли между тѣмъ ходить и *высматривать* невѣсть. Еще можно было видѣть дѣвушку, дочь мѣщанина или цѣхового, когда она носитъ воду съ рѣки, то есть, одѣвшись опрятно и взявши коромысло съ двумя ведрами на плечи, идетъ за водой, помогая въ работѣ матери. Желая изобразить жизнь Курскихъ жителей ихъ нравы, обычаи и повѣрья, я буду придерживаться старины. Въ послѣднія 20-ть лѣтъ во многомъ измѣнилась жизнь домашняя и внѣшняя; многое оставлено, такъ, что кажется, скоро не останется даже слѣдовъ прежняго быта.

Вообще въ Россіи простолюдины по преданіямъ помнятъ, что прежде *новый годъ* начинался съ 1-го Марта, а потомъ съ 1-го Сентября; и теперь еще старики говорятъ: «Семеновъ день новый годъ,» и хотя по новому уложенію стали считать новый годъ съ 1-го Января, но простолюдины этого дня не празднуютъ. Все время послѣ нашего новаго года нѣтъ у нихъ ничего особеннаго въ семейной жизни. Передъ масленицей за двѣ недѣли суббота называется *родительскою*; такихъ «родительскихъ» субботъ считается три: передъ Масляною, передъ Троицкою недѣлею, и въ Октябрѣ, передъ днемъ великомученика Димитрія; послѣдняя называется *Дмитревскою*, и она установлена послѣ знаменитой Куликовской битвы, но большая часть народа того не знаетъ, а принято въ обычай и въ эту субботу вообще помни-

пать усопшихъ отцовъ и братіи. Такое поминовеніе по три субботы въ Россіи повсемѣстно, но сверхъ того еще во вторникъ на Оумипой недѣлѣ, кромѣ обыкновеннаго церковнаго поминовенія на литургіи и панихиды, въ Курскѣ посятъ въ церковь пироги и лепешки, которые по прочтеніи литіи берутъ, себѣ священники, а на кладбищѣ блины раздаютъ въ тотъ день нищимъ, и часть изъ нихъ беретъ священникъ кладбищенской церкви. Съ наступленіемъ Масляницы блины въ Курскѣ пекутъ каждый день; въ послѣдніе дни масляной начинаютъ кататься по улицамъ, но не дѣлаютъ горъ, какъ въ Москвѣ или другихъ губернскихъ городахъ. Последній день, то есть воскресенье ѣздятъ прощаться съ отцами, матерями и близкими родственниками.

Постъ строго наблюдаютъ. Первую недѣлю Великаго поста не ѣдятъ горячаго кушанья; щи, бураки и все прочее подается холодное и безъ масла. Многіе говѣютъ на первой недѣлѣ, и всѣ, кому свободно, ходятъ въ церковь; дѣвушки больше говѣютъ на первой недѣлѣ; въ церковь и изъ церкви идутъ онѣ рядомъ впереди. Въ пятницу къ вечеру несутъ медъ, который называютъ *кануномъ*; по окончаніи службы священникъ читаетъ надъ нимъ литію, а въ субботу всѣ пекутъ блины, ѣдятъ ихъ съ медомъ и масломъ и разрѣшаютъ пить чай, но немногіе съ сахаромъ, а большая половина съ изюмомъ и медомъ. Во весь постъ во время службы собираются около церкви женщины, торгующія кренделями, пирогами и бубликами, и почти всѣ выходяшіе изъ церкви покупаютъ у нихъ.

Девятаго Марта, въ день Сорока Мучениковъ, пекутъ изъ тѣста *жаворонковъ* для дѣтей, и они ста-

раются взлѣзть на крышу или чердакъ, и тамъ напѣвають, держа въ рукѣ жаворонка, разные припѣвы, какъ-то, на примѣръ:

Прилетѣлъ куликъ изъ заморья,
Вывелъ весну изъ затворья....

Домашняя жизнь женщинъ проходитъ, какъ вездѣ, въ домашнихъ занятіяхъ, но въ каждомъ городѣ есть свои особенныя занятія. Главная работа Курскихъ женщинъ плетенье кружевъ, и каждая женщина знаетъ тамъ это рукодѣліе. Нельзя сказать, чтобы Курскіе кружева были изящны, но есть очень порядочныя; цѣна кружевъ отъ 20-ти копѣекъ до 10 рублей аршинъ. Второе занятіе составляетъ вышиванье по кисеѣ, что также въ большомъ употребленіи, потому что женщины носятъ вышитыя рубашки, платки и платья. Прежде во всѣхъ домахъ, даже въ самыхъ зажиточныхъ, пряли съ большимъ искусствомъ нитки, и очень жаль, что это занятіе оставили. Начиная отъ обыкновенныхъ питокъ, пряли ихъ до необыкновенной товины, и даже теперь, хотя это ремесло упало, можно еще найти мотки нитокъ, неуступающіе паутинѣ. Многія женщины скупаютъ небѣленныя нитки, бѣлятъ ихъ и продаютъ въ Харьковъ и Кіевъ, и эти же торговки скупаютъ и продаютъ кружева и вышитый тюль, выручая довольно большія суммы.

Въ *Лазареву субботу* бываетъ въ Курскѣ крестный ходъ, изъ церкви Пророка Іліи въ Знаменскій монастырь. Святая недѣля проходитъ безъ особенныхъ замѣчательныхъ обычаевъ; въ Курскѣ нѣтъ никакихъ публичныхъ увеселеній. Въ первый день послѣ вечерни всѣ ходятъ на кладбище — похри-

стосоваться съ родителями. Прежде дѣвушки, одѣвшись въ праздничный нарядъ, игравали о святой мячемъ за воротами на улицахъ. Апрѣля 23-го, въ день Георгія Побѣдоносца, около церкви, построеной во имя сего святаго, бываетъ ярмарка. Тутъ продаютъ глиняную и деревянную посуду, необходимую въ домашнемъ быту, и множество разныхъ дѣтскихъ игрушекъ, по большей части глиняныхъ коровокъ, лошадокъ и разныхъ дудочекъ и свистулѣкъ. Это праздникъ для дѣтей, и весело смотреть, когда они идутъ домой съ радостными лицами и нѣсколько дней послѣ того слышны во всѣхъ сторонахъ свистки. Въ Троицынъ день въ комнатахъ ставятъ березки и устилаютъ травой полъ, а въ старину въ Троицынъ и Духовъ дни водили съ пѣснями хороводы, но всѣ старинныя обычаи мало по малу теперь истребляются.

На первой недѣлѣ Петрова поста начинается извѣстная *Коренная ярмарка*; на нее съѣзжаются не только изъ Москвы и многихъ Великороссійскихъ губерній, но бываютъ Армяне, Грузинцы, Персіане, Татары, Бухарцы. Недѣли за двѣ до ярмарки начинаютъ тянутся обозы; изъ Курска ѣдутъ булочники, хлѣбники, трактирщики, и мѣсто ярмарки, въ продолженіе цѣлаго года бывающее пустымъ, вдругъ превращается въ многолюдный городъ, оживаетъ, кипитъ дѣятельностію; тутъ выстраиваютъ балаганы, помѣщаются кочевьемъ тысячи и Курскъ пустѣетъ. Не только всѣ домики, палатки, балаганы набиты народомъ, но многіе напимаютъ квартиры въ окрестныхъ деревняхъ, и всѣ стараются запастись на цѣлый годъ разными припасами и нарядами. Въ Коренной бываютъ дворянскія собранія; пріѣз-

жаютъ труппы актеровъ, волтижеровъ, фокусниковъ; съѣзжается дворянство Курской и другихъ, смѣжныхъ съ нею губерній, съ семействами, и часто ярмарочныя знакомства оканчиваются свадьбами.

Калмыки пригоняютъ сюда табуны лошадей, а также приводятъ ихъ съ заводовъ, разныхъ породъ и цѣнъ, и потому съѣзжаются здѣсь ремонтеры для покупки полковыхъ ремонтовъ.

Надобно сказать какимъ образомъ положено было основаніе монастырю и ярмаркѣ. Монастырь основанъ около 1300 году, по случаю обрѣтенія чудотворнаго образа Знаменія Божіей матери Курскія на *корнѣ* древа монахомъ. Отсюда произошло названіе обители. Церковь соборная монастырская во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Образъ Божіей матери прежде стоялъ въ церкви, которая первоначально построена; въ ней находится кладязь на ключѣ; приходящіе богомольцы, по отслуженіи молебна, бросаютъ туда деньги. Когда образъ перенесенъ былъ въ Курскъ, установили ходъ, бывающій ежегодно въ *девятую* недѣлю послѣ Пасхи, то есть въ первую недѣлю Петрова поста, непременно въ *пятницу*, и это даже сдѣлалось условнымъ терминомъ; говорятъ: «о *девятой*, въ *девятую* пятницу. Съ начала ярмарка продолжалась только три дня, но нынѣ торгуютъ дней пятнадцать; съѣздъ начинается гораздо прежде, и сначала пріѣзжаютъ купцы съ тяжелыми товарами, стараясь выиграть время. Когда откроется ярмарка, все уже бываетъ готово — товары привезены, разобраны, и многія торговля дѣла сложены.

Лѣтъ около сорока тому, образъ Божіей матери приносили по окончаніи ярмарки въ Курскъ, но те-

перь онъ остается въ Коренной пустынѣ до 15-го Сентября. Тогда приносятъ его въ Курскъ, торжественно, а во все время, пока икона находится въ Коренной, съѣзжаются и приходятъ туда богомольцы изъ разныхъ мѣстъ. Когда икона бываетъ въ Курскѣ, жители носятъ ее въ дома и служатъ молебны. Число желающихъ всегда бываетъ такъ велико, что должно просить предварительно о поднятіи иконы наканунѣ слѣдующаго дня, и почти каждый день носятъ ее домовъ въ десять. Во время поздней обѣдни образъ Божіей матери всегда находится въ церкви. Къ девятой пятницу стекаются въ Курскъ со всѣхъ сторонъ богомольцы, такъ, что весь городъ наполненъ ими. Послѣ обѣдни начинается ходъ. Впереди идутъ всѣ цѣхи, неся передъ собою знаки своего ремесла, и у каждого цѣха свой огромный фонарь, съ восковыми свѣчами, украшенный цвѣтами, который несутъ нѣсколько человѣкъ. Наконецъ является главный фонарь, съ сотнями свѣчъ, несомый нѣсколькими десятками человѣкъ, а за нимъ слѣдуетъ образъ Божіей матери. Въ ходу бываетъ самъ архимандритъ Курскаго Знаменскаго монастыря и всѣ священники. Для отдыха, на 27-ми верстахъ разстоянія до Коренной, останавливаются въ селѣ Каменевѣ, гдѣ выстроена церковь, отъ Курска въ 10-ти верстахъ, а потомъ еще передъ Коренною; въ самую Коренную приходятъ часовъ въ пять по полудни. Изъ деревень приводятъ множество больныхъ, такъ называемыхъ *кликушъ*, или бѣснующихся, которыя кричатъ, или *кличутъ*, неистовыми голосами. Думаютъ, да и сами больные увѣрены, что они *испорчены*, но, кажется, что это истерика въ сильной степени. Множество нищихъ си-

дают по обѣимъ сторонамъ дороги, съ чашками въ рукахъ, и поютъ стихи изъ легенды объ Алексѣ Божіемъ человѣкѣ, Іоасафѣ царевичѣ и праведномъ Лазарѣ.

Въ десятую пятницу бываетъ ярмарка въ Курскѣ, на которую привозятъ лѣсъ и деревянную посуду; крестьянки продаютъ холстъ и нитки. Послѣ Коренной ярмарки купцы ѣдутъ на другія, какъ-то: Нижегородскую, въ Роменъ, Харьковъ, Лебедянь, Рѣшетиловку, смотря по тому, кто какою торговлею занимается.

Мѣщане обыкновенно уѣзжаютъ для закупки щетины, пеньки, воску и меду. Медъ составляетъ особый промыселъ, и это называется: *пхать бить пчель*. Промышленники откупаютъ на мѣстахъ ульи, закуриваютъ пчель и вынимаютъ медъ. Жаль, что не обращено должнаго вниманія на эту важную отрасль торговли. Медъ очищаютъ дурно и небрежно; вѣроятно, можно бы улучшить способъ очищенія столь важнаго произведенія Россіи.

Свадьбы, лѣтъ за двадцать прежде, совершались съ разными обрядами, что теперь во многомъ измѣнилось. Когда намѣрены были женить сына, то назначали нѣсколько домовъ, гдѣ есть невесты; посылали свата, или сваху, къ родителямъ невесты, просить позволенія *посмотрѣть* ее, и если она была хороша собою, то рѣдко отказывали въ смотрѣннѣ, и хотя не намѣрены были отдать, но просили пріѣхать. И вотъ, бывало, съ жениховой стороны пріѣзжаютъ отецъ, мать и ближніе родственники, а у невесты собираются ея родные. Жениха и его родственниковъ угощаютъ чаемъ, виномъ, фруктами и разными закусками; невеста, одѣтая въ

лучшее платье, обпоситъ гостей; ее нѣсколько разъ переодѣваютъ, чтобы показать, что у нея много платьевъ. На другой день посылаютъ сваху, договариваться о приданомъ; если невеста нравится, то требованія умеренны, а въ противномъ случаѣ просятъ такого приданаго, котораго родители не въ состояніи дать, и свадьба расходуется. Когда же все рѣшено, та и другая сторона условились во всемъ, то назначаютъ день *сговора*; подруги и домашнія выходятъ за ворота и бьютъ въ тазы и сковороды, возвѣщая помолвку, и это повторяется по нѣсколь-ку разъ въ день, до самаго дня свадьбы.

Въ сговоръ (говорю, какъ бывало прежде) сначала отправляютъ въ домъ невесты напитки, фрукты, варенье, конфекты и всю необходимую посуду (ибо угощаетъ женихъ), и приглашаютъ родственниковъ съ жениховой и невестинной стороны. Когда пріѣдетъ женихъ, помолвленныхъ благословляютъ образами; потомъ невеста даритъ жениха, а онъ невесту; подарки обыкновенно бываютъ незначительные. Женихъ и невеста сидятъ въ особой комнатѣ, окруженные дѣвками и молодыми женщинами. Отецъ и мать жениха дѣлаются хозяевами, угощаютъ гостей и будущихъ сватовъ винами, чаемъ, разносятъ фрукты, варенье и конфекты. Между тѣмъ играетъ музыка и танцуютъ. Прежде не учились танцовать, и танцы были слѣдующіе: Русская пляска, казачекъ и *мятелица*, родъ контраданса: становились въ кругъ, и первая пара начинала вертѣться со второю, а потомъ дѣлали разныя фигуры. Развеселившись, если дѣло бывало лѣтомъ, выходили во дворъ и плясали тамъ, и иногда ходили даже съ музыкою по улицамъ, женихъ, невеста и гости.

Все угощеніе въ тотъ вечеръ бывало па счетъ жепиха, какъ мы сказали, по ужину отъ родителей невѣсты. Послѣ ужина опять начинались пляски и угощеніе; уѣзжали уже поутру, и невѣста на крыльцѣ, провожая гостей, подчивала виномъ. Въ продолженіе времени до свадьбы женихъ ѣздилъ къ невѣстѣ всякій день, и всегда привозилъ фрукты и конфекты для ея подругъ, которыя безвыходно гостили у нея, приготавливали приданое, пѣли пѣсни въ сговоръ и во все время по вечерамъ до свадьбы. Когда пропѣты бывали пѣсни всѣмъ гостямъ, пріѣзжавшимъ съ жепихомъ, одна изъ дѣвицъ ставила на подносъ стаканъ съ водою и обходила всѣхъ гостей; ей клали на подносъ деньги; а кто не положить, тотъ долженъ выпить стаканъ воды, что называлось *обгрывать*.

Было еще обыкновеніе: когда пріѣзжалъ женихъ, то теща должна была угощать его молочными топкими блинами. Для за два до свадьбы невѣсту водили въ баню, и если у нея отецъ или мать уже умерли, то она ѣдила къ нимъ на могилу — поклониться праху родителей.

Въ день свадьбы, одѣвши невѣсту въ лучшее платье (и если она носила Русское, то надѣвали на голову повязку, сдѣланную особливимъ фасономъ, въ родѣ діадемы, и вышитую золотомъ, которую называли *вѣнцомъ* — такую повязку надѣвали только къ причастію и въ день свадьбы), косу ей заплетали и украшали лентами; сверху накидывали шелковое покрывало, парчевое, или штофное, обшитое позументомъ, такъ, что все лицо ея было закрыто. Поездъ невѣсты составляли ближніе родственники; одна изъ женщинъ называлась *свахой*.

Было обыкновеніе, которое и теперь еще сохранилось: брали краюшку хлѣба, положивъ на тарелку, покрывали ее салфеткою, и одна изъ сопровождающихъ женщинъ держала ее во время вѣчанья.

Когда все было готово, пріѣзжалъ женихъ, съ поѣздомъ и всѣ сажались за столъ, на которомъ поставлены были приборы, хлѣбъ, соль, кушанья. Посидѣвъ съ полчаса, вставали изъ за стола. Невѣста прощалась съ отцомъ, матерью и родными, и напутствуемая благословеніями, отправлялась въ церковь. Въ старину на невѣсту надѣвали родъ шубы, или кафтана, у котораго одинъ рукавъ висѣлъ до самаго полу. Такую одежду называли *шубка длинный рукавъ*, и употребляли только въ торжественныхъ случаяхъ. Женщины, сопровождавшія свадебный поѣздъ, надѣвали такія же шубы, у кого онъ были, но какъ такую одежду имѣли только для свадьбы, то она вывелась изъ употребленія. По совершеніи обряда вѣчанія, если домъ жениха былъ недалеко, то новобрачные, въ вѣнцахъ, предшествуемые священникомъ со крестомъ, шли пѣшкомъ до дома, гдѣ ихъ встрѣчали съ хлѣбомъ и солью и благословляли образами. Новобрачную уводили въ другую комнату; тамъ расплетали косу, раздѣляли на двое, потомъ снова заплетали и надѣвали кичку. Послѣ того новобрачныхъ и гостей сажали за столъ и начинался свадебный пиръ. Въ старину пировали всю ночь, и было обыкновеніе съ радости бить горшки и другую посуду, но нынѣ этого не дѣлаютъ.

На другой день, дружекъ и ближнихъ родственниковъ перевязывали розовыми лентами и платками, и потомъ въ такомъ нарядѣ ѣздили на поклонъ къ отцу и матери молодой, съ музыкою и пѣснями.

Изъ этого сохранилось нынѣ только то, что молодые ѣздить къ родителямъ и ближнимъ родственникамъ съ визитами, и просить ихъ къ себѣ на обѣдъ. Въ концѣ обѣда, когда подавали сладкій пирогъ, то молодая обносила гостей виномъ, и всѣ, выпивши вино, клали ей на поднось деньги. Черезъ нѣсколько дней родители молодой давали обѣдъ, такъ называемый *отводный столъ*; пиръ у молодого на другой день свадьбы назывался *княжимъ столомъ*. Всѣ родственники и гости, бывшіе на свадьбѣ, посылали къ молодымъ хлѣбъ-соль.

При рожденіи младенца извѣщали родныхъ, и обыкновенно крестили въ скоромъ времени; на крестины собирались родственники, и какъ почти всегда обрядъ крещенія совершался по утру, то за нимъ слѣдовалъ обѣдъ; за пирогомъ пили здоровье матери и новорожденного и клали деньги, а когда подавали кашу, обносила виномъ бабка, и деньги, которыя притомъ клали, принадлежали ей. Всѣ родные и знакомые, бывшіе на крестинахъ, присылали родильницѣ хлѣбъ-соль, и подъ ними на блюдо клали деньги.

Въ именины пекли, такъ называемые, *именинники* — большіе пироги изъ сдобнаго тѣста, съ изюмомъ, или коришкою, начиненные яицами, а иногда кашею. Нѣсколько такихъ пироговъ разсылали ближнимъ родственникамъ, но въ нихъ не было начинки, которую клали только въ пироги, оставшіеся дома. Когда сядутъ за столъ, двое изъ старшихъ брали пирогъ и разламывали надъ головою именинника, при желаніи ему счастья и долгихъ лѣтъ; если высыпалась изъ пирога начинка, то говорили: «такъ бы сыпалось на тебя золото и серебро!» Потомъ

пирогъ дѣлили на куски и раздавали всѣмъ присутствующимъ, отложивъ половину его имениннику, и выпивъ водки и закусивъ пирогомъ, начинали обѣдать.

Последнія минуты жизни и похороны въ Курскѣ сопровождаются также обрядами, какихъ мы не случаемся видать въ другихъ мѣстахъ. По совершеніи религіозныхъ обрядовъ, даютъ умирающему въ руки небольшой крестъ и свѣчу; иногда снимаютъ его съ постели и кладутъ подъ образами, а въ комнатѣ курятъ ладномъ изъ особенной кадиланицы. Когда умирающій отойдетъ, начинается плачъ, съ приговорами; покойника тотчасъ обмываютъ, и одѣвши, кладутъ на столъ. Между тѣмъ пьютъ саванъ, глядя по состоянію, изъ холста или кисей, и посылаютъ извѣстить въ церковь, а богатые въ нѣсколько церквей, и заунывный переборъ колокола, наводящій на душу тоску, извѣщаетъ объ умершемъ. Каждый, слыша его, крестится и молится за упокой души усопшаго. Приходятъ священники, служатъ панихиду; семейство умершаго извѣщаетъ родственниковъ и знакомыхъ, приглашая ихъ на погребеніе. Въ день похоронъ, на выносъ тѣла собираются священники; изъ церкви приносятъ большой деревянный крестъ, аршина въ два величиною; его покрываютъ кисеей и перевязываютъ розовыми лентами, если умершій былъ молодой человекъ, или дѣвица, и темными или черными, если покойникъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ.

Всегда въпереди похоронной процессіи несутъ такой крестъ, за крестомъ образъ, потомъ крышку съ гроба, и наконецъ самый гробъ. По совершеніи погребальнаго отпѣванія, служатъ литію; изъ

дома покойника приносятъ блюдо съ пирогомъ и лепешками, также приносятъ ихъ и ближніе родственники. Пироги и лепешки дѣлятся между священниками и церковнослужителями; на могилѣ служатъ панихиду надъ блюдомъ риса, которое называютъ *кануномъ*. Возвратясь съ кладбища служатъ еще панихиду на дому, а потомъ садятся за столъ; обѣдь начинается гречневыми блинами; за жаркимъ встаютъ и поютъ *вѣчную память*, а въ церкви въ то время начинается перезвонъ. При окончаніи обѣда приносятъ на большомъ блюдѣ пирогъ, обставленный вокругъ восковыми свѣчами, и это служитъ знакомъ окончанія обѣда. Пирога не трогаютъ, а дѣлятъ его на куски и раздаютъ бѣднымъ. Когда со стола все собрано, накрываютъ небольшой столикъ, ставятъ на него вино, пуншъ и медъ, служатъ литію, и діаконъ разноситъ напитки присутствующимъ; потомъ подаютъ чай и всѣ расходятся. Поминовеніе по усопшемъ дѣлается, какъ и вездѣ, по обрядамъ Греко-Россійской церкви, а помины бываютъ въ девятый, двадцатый и сороковой дни. Въ сороковой, по отправленіи поминовенія церковнаго, отслуживъ литію, по окончаніи обѣденнаго стола, святятъ воду и окропляли всѣ комнаты.

Наканунъ Рождества Христова наблюдаютъ строгій постъ и есть обыкновение: во время стола, который бываетъ по окончаніи службы, не прежде звѣзды, появляющейся на небѣ, подавать вареную пшеницу, подслащенную медомъ, и ѣсть орѣхи. Въ Крещенскій сочельникъ не ѣдятъ до окончанія службы и водосвятія; изъ всѣхъ домовъ посылаютъ въ церкви за святою водою, окропляютъ весь домъ и ставятъ мѣломъ кресты на дверяхъ и окнахъ, а

Крещенскую воду берегутъ весь годъ. Въ этотъ день подаютъ на столъ плоды всѣхъ родовъ, въ разныхъ видахъ моченія яблоки и дули, а также сушенныя груши и яблоки варятъ и подаютъ въ видѣ компота.

Даже и до сихъ поръ жизнь Курская въ семейномъ быту мало измѣнилась, выключая одежды. Опъ таковъ же, какимъ былъ за тридцать лѣтъ. Припасы, какъ-то: огурцы, капусту, бураки, яблоки, дули, груши сушенныя и моченныя, солонину, ветчину, гусиные полотки, запасаютъ на цѣлую зиму, а кто имѣетъ возможность, держитъ у себя коровъ и домашнюю птицу. Въ достаточныхъ домахъ варятъ въ запасъ домашнее варенье, сахарное и медовое, дѣлаютъ постилу яблочную и изъ сливъ, и солятъ вишни, крыжовникъ, сливы и смородину, сберегая и свѣжіе плоды въ продолженіе цѣлой зимы, съ такимъ искусствомъ, что яблоки можно имѣть всегда самыя свѣжія.

Пищу, какъ мы уже говорили, Курчане употребляютъ самую простую, и единственныя приправы ея перецъ, хренъ, лимонный сокъ и уксусъ. Въ богатыхъ домахъ, когда дѣлаютъ званый обѣдь, нанимаютъ повара, но въ простыхъ, хотя и зажиточныхъ домахъ, готовятъ женщины. На столъ съ начала подаютъ холодныя блюда—все въ большемъ количествѣ. Непременно должно быть всего по парѣ — два поросенка, два гуся, двѣ индѣйки, и такъ далѣе, и все просто вареное въ водѣ и разнятое пополамъ, а за столомъ разрѣзываютъ кушанье на части. За холодными слѣдуютъ горячія кушанья, и ихъ обыкновенно составляютъ: супъ изъ курицы съ рисомъ, лѣнныя щи, похлѣбка съ клецками,

похлѣбка изъ почекъ съ огурцами. Соусовъ не дѣлаютъ; жаркаго бываетъ также по парѣ, и къ каждому блюду подаютъ разные плоды: моченые яблоки, дули, сливы, вишни, крыжовникъ и смородину, но никогда не подаютъ соленыхъ огурцовъ, которые идутъ только къ холоднымъ блюдамъ; всѣ такія приправы обносятъ по нѣскольку разъ. Пирожное въ старину составляли каравай и *ряженый пирогъ*; теперь ряженаго пирога не подаютъ, а замѣняютъ его круглымъ сладкимъ пирогомъ; за каждымъ блюдомъ обносятъ винограднымъ виномъ и настойкою, а на столъ ставятъ медъ, пиво и квасъ. Послѣ обѣда десертъ ставится на особый столъ, и его составляютъ плоды, дыни, арбузы, виноградъ, разныя постилы и орѣхи, а въ нѣкоторыхъ домахъ варенья и конфеты.

Скажу нѣсколько словъ о любимыхъ старинныхъ кушаньяхъ, которыя сохранились еще и до сихъ поръ. Одно изъ первыхъ составляютъ гречневые блины и ихъ отлично готовятъ въ Курскѣ, а ѣдятъ съ масломъ, сметаною, икрою и маслинами; *припечень* сверху обсыпаютъ яицами, или намазываютъ свѣжимъ тварогомъ, а въ постъ обсыпаютъ лукомъ, жаренымъ въ маслѣ, или сытками. Другое кушанье составляетъ *сальникъ* — онъ дѣлается изъ бараньяго потроха, и завертывается въ перепонку, собственно называемую сальникомъ; иногда въ такой перепонкѣ дѣлаютъ изъ пшена каравай. По воскресеньямъ обыкновенно пекутъ пироги и лепешки. Пирогъ, который называютъ *ряженымъ*, дѣлается необыкновенно большой величины, съ кашею или яицами, а въ постъ съ кашею и рыбою, или съ грибами. Его дѣлаютъ въ поминки и посыла-

ютъ въ церковь, а другой такой же оставляютъ дома; посылаютъ также ряженный пирогъ къ поворожденному, съ другимъ хлѣбнымъ, какъ я упоминала выше. Каши замѣняютъ пирожное, и *безъ каши обѣдъ не въ обѣдъ*. Между разными кашами очень вкусна, такъ называемая *юражная*. Юрагою называютъ въ Курскѣ паханье, и какъ въ Россіи вообще употребляютъ перетопленное масло, то остатки послѣ перетопки масла смѣшиваютъ съ паханьемъ и варятъ на немъ кашу. Еще бывало съ старину блюдо, но теперь вывелось изъ употребленія: для него брали хорошо вычищенный бараній рубецъ, начинали его кашею и клали туда баранью головку, зашивали рубецъ и ставили въ печь, гдѣ оставляли прѣть и жариться до вечера, а тогда уже вынимали и это называлось *перепареною требухою*.

Донинѣ сохранился въ Курскѣ отъѣнокъ прежняго Русскаго удалства — кулачной бой, но нынѣ не дѣлаютъ его, какъ прежде, публично и что называли въ Курскѣ: *стѣна на стѣну*. Прежде кулачные бои бывали на первой недѣли Великаго поста; нынѣ только замѣтно въ это время, какъ бойцы тихомолкомъ пробираются за городъ и возвращаются съ пасмурнымъ и разбитымъ лицомъ. Еще было въ обычаѣ на первой недѣли Великаго поста спускать на драку гусей и пѣтуховъ; охотники нарочно разводили и держали такихъ боевыхъ гусей и пѣтуховъ, но нынѣ это совсѣмъ вывелось, а равно и собачья травля, которую производили также на первой недѣли поста, въ мясномъ ряду.

Русская необходимая принадлежность — баня. Къ публичнымъ народнымъ банямъ въ Курскѣ не при-
выкли, и никакое порядочное семейство туда не

пойдетъ, хотя онѣ выстроены каменныя на берегу Тускори, но за то всякій, кто только имѣетъ возможность, строить свою домашнюю, а у кого нѣтъ своей, просятъ у знакомыхъ, и почитается нѣкоторымъ образомъ добродѣтелью позволить выпариться въ банѣ; также приглашаютъ и бѣдныхъ «прийти попариться.»

П. Н. Демидовъ, въ бытность его въ Курскѣ губернаторомъ, оставилъ по себѣ незабвенную память въ сердцахъ жителей Курска. Они видели въ немъ не начальника, но отца, который печется о дѣтяхъ. Кромѣ общаго попеченія его о пользахъ и выгодахъ губерніи, ввѣренной ему Монархомъ, всѣ имѣли къ нему свободный доступъ, и вездѣ готова была отъ него рука помощи, особливо въ годину гнѣва Божія, когда въ Курскѣ явилась холера. Онъ показалъ тогда удивительное самоотверженіе — не только на свой счетъ доставлялъ все нужное больнымъ и былъ утѣшителемъ страждущихъ, но каждый день самъ объѣзжалъ больницы и бывалъ во многихъ домахъ, гдѣ находились больные, заботился о приличномъ погребеніи умершихъ и помогалъ семействамъ, которыя имѣли нужду. Не могу распространяться здѣсь о добрыхъ дѣлахъ его, но они перейдутъ изъ устъ въ уста, и потомки жителей Курска не забудутъ имени Демидова. Во время начальства своего, онъ пожертвовалъ значительную сумму на украшеніе публичнаго сада. Онъ поставилъ надгробный памятникъ и незабвенному творцу Душеньки, И. О. Богдановичу, который умеръ въ Курскѣ и похороненъ за Херсонскою заставою на кладбищѣ.

Сколько можно замѣтить, народъ въ Курскѣ мало

употребляетъ пословицъ и поговорокъ, и не очень склоненъ къ разсказамъ о старинѣ и сказкамъ. За то много есть словъ, употребляемыхъ простымъ народомъ, которыхъ не услышите нигдѣ, кромѣ только одного Курска. Привожу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

Ражій, мочный, дюжій.

Рындикъ, ходитъ рындиномъ, здоровякъ, казаться молодцомъ.

Приспѣшница, женщина, которую призываютъ готовить званый столъ.

Приспѣхъ, стряпня.

Груба, печка Голландка.

Пулька, небольшой хлѣвъ.

Полугрубокъ, лежанка, которая топится,

Тѣшить корову, доить корову.

Сигать, прыгать.

Играць пѣсни, пѣть пѣсни.

Дежа, квашня.

Дородница, полная, красивая дѣвушка или женщина.

Кунганъ, молочный кувшинъ.

Махотка, небольшой горшечекъ.

Кулешъ, жидкая каша.

Тапешка, лепешка, жареная на маслѣ.

Фарянь, тряпка, которою прихватываютъ горшки.

Скрынки, ящичекъ.

Корець, ковшикъ.

Емки, ухватъ.

Требуха, рубецъ.

Обапало, кругомъ, вокругъ.

Уполохъ, набать.

Полошить, звонить въ набать.

Атава, скопёный лугъ.

Дьячить, пѣть духовныя пѣсни.

Замѣтно еще странное измѣненіе въ буквахъ: говорятъ, вмѣсто: *фунтъ, фартукъ, Филиппъ, Ефимъ* — *хвунтъ, хвартукъ, Хвилиппъ, Ехвимъ*. Также замѣчательно измѣненіе предлоговъ *у* и *въ*; вмѣсто: «былъ въ кухнѣ, лежитъ въ ящикѣ», говорятъ: «былъ у кухнѣ, лежитъ у ящикѣ», а вмѣсто: «былъ у пріятеля, у тещи, у сестры, у объдни», говорятъ: «въ пріятеля, въ тещи, въ сестры, въ объдни.» Вообще звукъ *въ*, слышите вмѣсто *у*, и иногда обратно (вшелъ, смеръ, значить по Курски: *ушелъ, умеръ*). Вмѣсто настоящихъ ставятъ иногда совсѣмъ другіе падежи (Марья Васильевной, говорятъ вмѣсто: Марья Васильевнѣ,) «головы больно,» или «подать огню,» вмѣсто: «головъ больно,» и «подать огня,» и «въ ящику,» вмѣсто, «въ ящикѣ»). Есть еще странные припѣвы, или мѣрныя присказки, которыя приговариваютъ дѣтямъ; приведу въ примѣръ два изъ нихъ:

«Ты дѣвица-красавица, дородница, безприданница: возмуть тебя безъ приданаго, безъ ворона-коня стоялова, безъ гусака безъ чубарова, безъ дѣвицы безъ ключницы и безъ бабы безъ приспѣшницы.

«Ты, кубышка моя, ты, кубышка муравленая, ты, кубышка изъ Курска шла, пехтеръ пироговъ несла, еще курицу жареную, требуху перепареную....

ОДЕССА.

Въ 1832 году, 1-го Іюля, выѣхала я изъ Москвы въ Одессу. Дорога отъ Москвы до Курска мнѣ была уже очень знакома; я протѣжала по ней разъ десять, хотя ни однажды не могла по обстоятельствамъ располагать своимъ временемъ и останавливаться въ мѣстахъ любопытныхъ. Потому и знакома была я только съ мѣстоположеніемъ и наружнымъ видомъ городовъ и селеній, какъ почти всѣ путешественники по Россіи, изъ коихъ многіе десятки разѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ, и не останавливались взглянуть ни на Вышне-Волоцкія водяныя сообщенія, ни на развалины Новгорода. По выѣздѣ изъ Москвы первый городъ *Подольскъ*, старый знакомый; всегда находила я въ немъ такъ мало перемѣнъ, какъ будто вчера только его оставила, хотя съ перваго знакомства нашего прошло около 20-ти лѣтъ. Далѣе *Серпуховъ*, старинный городъ и довольно хорошо выстроенъ, но, кажется, въ немъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. *Тула*, губернской городъ, славенъ своимъ оружейнымъ заводомъ и стальными издѣліями; въ немъ много каменнаго строенія и *кремль*, обнесенный каменною стѣною, какъ

Московскій. Я проѣзжала черезъ Тулу за годъ до пожара. Едва только успѣете выйти изъ повозки, васъ тотчасъ окружаютъ мастеровые съ разными стальными издѣліями. Вещи не отличной отдѣлки, но за то дешевы, и рѣдкій изъ проѣзжающихъ черезъ Тулу чего нибудь не купитъ. *Мценскъ* послѣдній городъ на пути къ Курску; жители его ведутъ большую торговлю хлѣбомъ.

Кромѣ означенныхъ городовъ встрѣчается много богатыхъ, большихъ селеній. Между ними село *Сергіевское* замѣчательно по красивому своему мѣстоположенію. Владѣлецъ его, князь Гагаринъ, выписалъ Голландца, для усовершенствованія выдѣлыванія сыра, и мы говорили, что онъ хотѣлъ завести полотнобѣильню, но я не имѣла случая узнать объ успѣхъ столь полезныхъ предпріятій.

Не буду говорить здѣсь о *Курскѣ*, который описывала я въ отдѣльной статьѣ. Отъ Курска до Харькова надобно проѣзжать черезъ *Оболянь*, *Суджу* и *Бѣлгородъ*. Послѣдній хорошо выстроенъ; въ немъ многіе останавливаются поклониться гробу епископа Іоасафа. *Харьковъ*, какъ я слышала, много улучшился въ послѣднія пять лѣтъ. Подѣзжая къ нему замѣчаете уже большую перемену въ климатъ и жителей отъ Велико-Россійскихъ губерній. Здѣсь рѣже встрѣчаются большія селенія, а большею частію разбросано кое гдѣ по нѣскольку избъ или хатъ. Вездѣ видны дикія груши, яблони, орѣшникъ: тянутся обозы, запряженные волами; около фуръ идутъ угрюмые Малороссіяне, лѣнливо переваливаясь съ ноги на ногу; вечеромъ замѣчаете на поляхъ разложенные огни; кругомъ ихъ *чумаки* (такъ называютъ Рускіе Малороссійскихъ извозчиковъ), сидя

съ трубками въ зубахъ, варятъ себѣ ужины. Не смотря на предубѣжденіе многихъ моихъ соотечественниковъ, я люблю Малороссію и ея мирныхъ жителей. Мы все въ нихъ нравится. Не одинъ разъ проѣзжала я черезъ Малороссію и всегда встрѣчала привѣтъ и гостепріимство. Здѣсь можно обойтись и безъ своего дорожнаго запаса; вездѣ найдете здоровую, вкусную пищу, и если пить готовой, вамъ тотчасъ приготовить, что прикажете, и за то возмуть бездѣлку. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи удивительная дешевизна съѣстныхъ припасовъ. На рынкахъ продаютъ жареныхъ куръ и гусей, и курица стоитъ 20, а гусь 40 копѣекъ. Постоялые дворы, большею частью, содержатъ Рускіе, но у нихъ все дороже и хуже. Когда ѣдете на долгихъ, Русскій извозчикъ всегда старается остановиться у Русскаго хозяина, хотя ѣздоки его и не очень тому рады.

Подѣзжая къ Харькову, мы увидѣли нѣсколько повозокъ, возовъ, и человекъ пятьдесятъ народа около нихъ. Мужчины, женщины, старики, взрослые дѣти шли пѣшкомъ, а маленькія дѣти сидѣли на возахъ и въ повозкахъ, между домашнею рухлядью. Мы страненъ показался такой поѣздъ; я велѣла остановиться и спросила: куда они идутъ? Ко мнѣ подошелъ старикъ, лѣтъ пятидесяти, но еще здоровый и свѣжій, съ бритою бородою; не смотря на крестьянскую одежду, я узнала, что онъ долженъ быть отставной солдатъ. Старикъ отвѣчалъ за всѣхъ, что они изъ Курской губерніи, Льговскаго уѣзда, и по недостатку земли рѣшились переселиться къ Азовскому морю. — « Но, какъ вы рѣшились оставить свою родину? спросила я. — Вѣстимо.... Горько было разставаться съ родимой стороною... Что жъ дѣ-

лать — земли-то у насъ было мало, лѣсу тоже.... Старики подумали, да и рѣшились.... Авось Богъ дастъ счастья на новомъ мѣстѣ!» — Мнѣ грустно было смотреть на нихъ. «Дай Богъ вамъ счастья!» сказала я. Правду, видно говоритъ Русская пословица: «Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человекъ гдѣ лучше!»

Мнѣ памятна еще встрѣча съ двумя отставными солдатами. Не могу смотреть равнодушно на человека, который посвятилъ лучшіе годы своей жизни на службу и защиту отечества. На постояломъ дворѣ, гдѣ мы остановились, была только одна большая изба; солдаты, получа чистую отставку, шли на свою родину. Я начала говорить съ ними, спрашивала: гдѣ они служили? И надобно было видѣть, какъ прояснились ихъ лица при разсказахъ о службѣ и походахъ, и какое доставило имъ удовольствіе принимаемое мною въ нихъ участіе! Они вынули изъ своихъ сумокъ аттестаты и просили меня прочитатъ имъ въ слухъ. Съ удовольствіемъ исполнила я ихъ просьбу. Курить табакъ вышли они въ сѣни. Надобно сказать правду, къ чести Русскихъ крестьянъ, что уважая своихъ защитниковъ, вездѣ принимаютъ они отставныхъ солдатъ съ ласкою и радушіемъ. Когда я поѣхала, солдаты вышли проводить меня и пожелать мнѣ счастливаго пути.

Много разъ случалось мнѣ проѣзжать черезъ Полтавскую и Екатеринославскую губерніи. Благословенная сторона! Умѣренный, благорастворенный климатъ, плодородіе, дешевизна припасовъ. Нигдѣ не видала я такихъ превосходныхъ яровыхъ и озимыхъ хлѣбовъ. Когда хлѣбъ еще не снятъ, то представляетъ прекрасный ландшафтъ — море колосьевъ,

разнаго рода и цвѣта, отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра волнуется, переливаясь изъ цвѣта въ цвѣтъ, отражая на своихъ золотистыхъ соломинкахъ лучи солнца. Въ концѣ Іюля и въ Августѣ, когда хлѣбъ уже бываетъ сжатъ, поля принимаютъ другой, не менѣе живописный видъ. Множество разнаго рода дичи слетается на поля; журавли стадами разгуливаютъ около копенъ, дѣлая разные прыжки; куропатки, стрепеты, и множество мѣлкихъ птицъ, вспархиваютъ цѣлыми стадами. Ближе къ Одессѣ, появляются *пеликаны*, *аисты*, дикія утки и гуси, водящіеся около рѣчекъ, гдѣ скрываются въ тростникахъ.

Мѣстечко *Омельники*, Екатеринославской губерніи, замѣчательно живописнымъ своимъ мѣстоположеніемъ. Тутъ при многихъ домахъ есть сады, и при каждомъ домѣ большой огородъ, а при нѣкоторыхъ даже конопляники, почему мѣстечко кажется весьма обширнымъ. Проѣзжая Малороссію, и особенно приближаясь къ Одессѣ, видите два различные народныя характера: тутъ *Малороссіане*, съ своимъ флегматическимъ, беззаботнымъ нравомъ, мало думающіе о будущемъ, и вотъ подлѣ нихъ *Русскіе*, идущіе весною толпами на Донъ и въ Одессу искать работы, а осенью возвращающіеся домой. За *Елисаветградомъ*, начинаются *степи*. Я слыхала отъ многихъ путешественниковъ, что они скучаютъ однообразіемъ степей, но для меня степи имѣютъ свою прелесть. Весною и лѣтомъ онѣ покрыты сочною травою, усыяны цвѣтами, представляютъ глазамъ роскошный коверъ, раскинутый рукою природы. Прибавьте къ тому ясное голубое небо, сливающееся на горизонтѣ съ землею. При такомъ зрѣлищѣ

въ душѣ челоѣка являются мысли о величіи Божіемъ и благоговѣніи къ всемогущему творцу....

Верстѣ за 200 до Одессы начинаются горы, и мѣстами попадаются камни, одинаковаго свойства съ камнями, какими усыяны Остѣ-Зейскія губерніи. Геологи полагаютъ, что камни сіи находились пѣ-когда на днѣ морскомъ. Благодаря попеченіямъ Правительства, мѣстами видны уже здѣсь возникающіе лѣса. Каждый Рускій долженъ отъ души порадоваться насажденію лѣсовъ на югъ. По мнѣнію ученыхъ лѣса должны произвести перемѣну въ климатѣ и отвратить засухи, которыя, не смотря на плодородіе почвы, часто истребляютъ здѣсь посѣвы хлѣба и траву, производя ужасныя бѣдствія. Дай Богъ успѣха! Не мы, такъ дѣти наши увидятъ пользу добрыхъ начинаній и благословятъ предосторожность своихъ предковъ.

Проезжая въ Одессу, нигдѣ я не останавливалась, и могу сказать только по нѣсколькимъ словъ о городахъ и мѣстечкахъ, лежащихъ на дорогѣ, черезъ которыя должна была проезжать. *Полтава*, губернскій городъ, дорога Русскому сердцу, по воспоминанію о знаменитой побѣдѣ, одержанной Петромъ Великимъ, въ 1709 году, 27 Іюня, надъ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ, и рѣшившей судьбу двухъ государствъ. Сердце Русскаго сильно бьется при взглядѣ на памятникъ, воздвигнутый въ воспоминаніе Полтавской битвы. Городъ находится на горѣ; окрестности его довольно красивы. *Кременчугъ* уѣздный городъ Полтавской губерніи, при рѣкѣ Днѣпрѣ. Онъ хорошо выстроенъ; въ немъ каменный гостинный дворъ и много каменнаго строенія. На другой сторонѣ Днѣпра, противъ Кременчуга, мѣстечко *Крю-*

ково. *Александрія* небольшой городокъ Херсонской губерніи, и въ немъ ничего нѣтъ замѣчательнаго. *Елисаветградъ* тоже въ Херсонской губерніи; вскорѣ послѣ моего проѣзда онъ почти весь выгорѣлъ. Жалѣю, что мнѣ не удалось быть въ Николаевѣ, и потому не могу я ничего сказать объ немъ.

Народонаселеніе отъ Харькова до Одессы почти исключительно Малороссіяне, но въ городахъ, сколько я могла замѣтить, большая часть Русскихъ. Начиная съ Кременчуга появляются *Евреи*. Одесса выстроена на горѣ, при заливѣ *Чернаго* моря, и видна верстѣ за восемнадцать. Тѣмъ пріятнѣе кажется видъ Одессы, что выѣхавши изъ Елисаветграда, если не заѣзжать въ Николаевъ, то надобно проѣхать около трехъ сотъ верстъ степями, почевать въ дурныхъ постоялыхъ дворахъ, и ничто не обѣщаетъ вамъ близости богатаго города. Вдругъ, какъ будто проснувшись отъ сна, видишь — *Одессу*, глядишь и не вѣришь глазамъ своимъ! Проѣхавъ таможенно и *пересыль*, надобно подняться въ гору, и вотъ вы въ Одессѣ. Она основана въ 1794 году, и нѣтъ еще 50 лѣтъ, какъ на мѣстѣ великолѣпной Одессы была бѣдная деревушка *Хаджибей*. Какъ будто по волшебному мановенію возникъ волшебный городъ, съ красиво выстроенными зданіями, магазинами, гостиницами, биржею, гостиннымъ дворомъ, театромъ и разными рядами, вмѣщающей около 70,000 жителей. Гавань наполнена кораблями всѣхъ народовъ, и вы можете здѣсь встрѣтить представителей почти всей Европы. Какое смѣшеніе народовъ: Испанецъ и Армянинъ, Французъ и Татаринъ, Нѣмецъ и Грекъ. Русскій и Итальянецъ... Невольно вспомнишь въ Одессѣ слова поэта:

Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицамъ веселымъ.

Между всѣмъ этимъ народомъ бѣгаютъ и суетятся Евреи факторы. Одесса болѣе Европейскій, нежели Русскій городъ.

Екатерина II-я, исполняя обширные планы свои, счастливо назначила мѣсто для построенія Одессы. Одно только и весьма важное неудобство въ Одессѣ — недостатокъ хорошей воды; даже нѣтъ близко никакой рѣки; воду употребляютъ колодезную, а нѣкоторые жители имѣютъ въ домахъ цистерны, гдѣ собираютъ и хранятъ дождевую воду. Есть еще два ключа, извѣстные подъ именемъ *Большаго* и *Малаго фонтана*. Малый фонтанъ около пяти верстъ, а Большой верстъ за восемь отъ города, и за отдаленностію ихъ немногіе могутъ пользоваться изъ нихъ водою. Вся Одесса хорошо выстроена, особливо главныя улицы: *Ришельевская*, *Де-Рибаса*, *Екатерикинская*, но самыя лучшія зданія обращены фасадомъ къ морю и передъ ними находится бульваръ, любимое гулянье Одесской публики. Здѣсь дома графа Воронцова, Нарышкина, присутственныя мѣста, (и въ томъ же домѣ помѣщается библіотека). Дома на Ришельевской и другихъ улицахъ выстроены, болѣею частію, въ два этажа; нижніе этажи запяты магазинами, наполненными лучшимъ товаромъ. Все, что только служитъ къ удобству и роскоши, можно найти въ нихъ въ изобиліи. Пріятно, даже безъ всякой надобности, войти въ галантерейный какой нибудь магазинъ, полюбоваться разными бездѣлками, изящно и со вкусомъ сдѣланными, или въ магазинъ съ хрустальною, фарфоровою

и фаянсовою посудою. Какъ все тутъ хорошо и недорого! Не говорю уже объ Англійскомъ магазинѣ, гдѣ вы не знаю чего не найдете, отъ самыхъ дорогихъ тканей и тончайшаго Англійскаго сукна до иголки.

Греческую улицу можно назвать овощнымъ рядомъ. Тутъ продаютъ чай, сахаръ, кофе, какао, сухіе фрукты; передъ лавками навѣсы изъ парусины, родъ палатокъ, гдѣ разложены груды лимоновъ, апельсиновъ, цитроновъ, гранатъ, каштановъ, винограда, разныхъ родовъ яблоковъ и грушъ. Тутъ помѣщается и большая часть винныхъ погребовъ. Передъ овощными лавками сидятъ мѣнялы съ своими столиками, на которыхъ стоятъ ящики съ переплетенною проволокой крышкою; они болѣею частію Жиды.

На *Екатерикинской* улицѣ магазины съ Турецкими и Персидскими товарами; тутъ шелковыя, полупелюшковые и бумажныя ткани, трубки, чубуки, табакъ, сигары и разныя ялтарныя вещи. На Греческой улицѣ находятся лавки *Карамовъ*. Кромѣ того есть въ разныхъ мѣстахъ ряды и магазины Русскіе и Нѣмецкіе. Думаю, трудно найти человѣка, самаго прихотливаго, который остался бы недоволенъ, и не могъ выполнить всѣхъ прихотей моды и роскоши въ Одессѣ, начиная съ драгоценныхъ камней, алмазовъ, брилльянтовъ, коралловъ, гранатъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Въ Одессѣ есть нѣсколько ювелировъ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, у которыхъ, кромѣ готовыхъ вещей, можете заказать все, что вамъ угодно.

Всѣ съѣстные припасы, въ сравненіи съ другими мѣстами, въ Одессѣ весьма дешевы, и чего небогатый человѣкъ въ другомъ мѣстѣ никакъ не можетъ

себя позволить, въ Одессѣ для него вещь обыкновенная. Въ подтвержденіе словъ моихъ означу цѣны нѣкоторымъ припасамъ: сахаръ лучшій рафинадъ 70 к. фунтъ, полурафинадъ 50, к. кофе 80 к., лучшій Левантскій 1 р. 30 к., маслины 20 к., капорцы 60 и 80 к., винныя ягоды и коринка 20 к., рисъ 20 к., масло прованское, лучшее, рубль фунтъ.

Рышковъ въ Одессѣ три, *Греческій, Старый и Новый Базаръ*, но главный Старый. Подъ симъ именемъ соединяется нѣсколько рядовъ. Сначала идетъ Нѣмецкій рынокъ: тутъ продаютъ телятину, свинину, ветчину, колбасы, сосиски; близъ него, на площади, останавливаются пріѣзжіе колонисты, съ масломъ, сметаною, творогомъ, яицами, живностью; тутъ продаютъ дичину и сидятъ торговли съ зеленью. Послѣ рядовъ съ угольями начинаются мясные ряды, а на другой сторонѣ овощныя лавки; тамъ продаютъ муку, крупу, солодъ, постное масло; средину между сихъ рядовъ занимаютъ торговли съ зеленью и разными овощами; тутъ можно найти квашеные бураки, кислую капусту, соленые огурцы. Немного подалѣ рыбные ряды, и площадь, гдѣ всегда увидите множество тѣлегъ съ рыбою и раками. На правую отъ мясныхъ и рыбныхъ рядовъ продаютъ битую птицу, а немного подалѣ живую; въ той-же сторонѣ лѣтомъ и осенью бываетъ временный зеленной рядъ, и шалаши, гдѣ продаютъ разные овощи; подлѣ нихъ стоятъ возы съ яблоками, виноградомъ, грушами, арбузами и дынями; около устроены дровяной и лѣсной рынки; тутъ же продаютъ и кизякъ. Если начать отъ Нѣмецкаго рынка и идти до дровянаго, то вѣрно будетъ пространства около двухъ верстъ. Здѣсь находите всѣ возможные припасы;

кромѣ того на всѣхъ рынкахъ есть особыя отдѣленія для печенаго хлѣба разныхъ родовъ, и вамъ предлагаютъ *Греческій, Нѣмецкій, Французскій, Русскій*, пшеничный и ржаной. Сверхъ всего, въ разныхъ мѣстахъ сидятъ торговли съ фруктами, плодами, орѣхами, пряниками. Пройдите по Ришельевской улицѣ, и вы увидите подвижную желѣзную печку, гдѣ пекутъ каштаны, а поворотите на Греческую — здѣсь продаютъ вамъ *шербетъ*. Словомъ, въ Одессѣ для гастронома, какъ будто слились удобства и прихоти Европы съ роскошью Азіи. Не знаю другаго мѣста въ цѣлой Россіи, гдѣ можно бы жить дешевле, удобнѣе и пріятнѣе.

Видъ моря, съ гаванями военною и купеческою, всегда былъ для меня прекрасенъ. Я любовалась, какъ тихо носило оно на лонѣ своемъ корабли, окрыленные бѣлоснѣжными парусами, летяшіе, будто лебеди, и вотъ, ближе, ближе, вступающіе на рейду — паруса ихъ собраны; якорь отданъ. Но прелестно море и тогда, когда южная луна отражается въ немъ, и будто печальная красавица, съ томною улыбкою на устахъ, задумчиво смотрится въ вѣчное, огромное трюмо. Грозно, очаровательно море и въ часъ бури, когда ярящіеся валы, будто оспаривая другъ у друга путь, гонятся одинъ за другимъ и грозятъ гибелью отважному мореплавателю. Буря продолжается иногда нѣсколько дней. Ночью, волны, разбиваясь о борты, разсыпаются фосфорнымъ блескомъ. По утру и вечеромъ съ брантвахты палитъ заревая пушка. Какъ-то невольно привыкаешь къ этому звуку и ждешь его.

Продовольствіе Одессы изобильно; стада рогатаго скота и барановъ пригоняютъ сюда изъ Малороссіи,

и мясо, въ самое дорогое время, не бываетъ дороже 15 коп. за фунтъ; баранина тоже. Изъ дичи находятъ драхвы, куропатки, стрепеты, гуси, утки, зайцы. Изъ рыбы осетры, стерляди, кастерки, судаки, окуни, щуки, камбала, бычки, карпы, скамбрія. Изъ черепакожныхъ миди и селенгасы. Морскіе раки двухъ родовъ, большіе и маленькіе, известные подъ именемъ *рачковъ*. Устрицы весною дешевы, и иногда бываютъ по рублю и по 80 коп. за сотню. Рѣчные раки здѣсь очень вкусны и ихъ можно всегда достать. Вообще весною изобиліе рыбы, но въ Одессѣ нѣтъ ледниковъ, и потому нельзя сохранять малосоленной рыбы и икры въ прокъ; жители употребляютъ ее болѣе свѣжею.

Зелень можно имѣть почти во весь годъ прекрасную. Весною и лѣтомъ привозятъ ее колонисты. Кромѣ известныхъ родовъ, употребляемыхъ въ Россіи, въ Одессѣ много продаютъ *баклажановъ* и *памидоровъ* — первые родъ огурцовъ, но только фиолетоваго цвѣта; ихъ готовятъ подъ соусомъ и начиниваютъ. Памидоры у насъ известны подъ именемъ *амурныхъ яблоковъ*; ихъ кладутъ въ соусы и борщи. Еще въ большемъ употребленіи разныхъ родовъ тыквы; въ Одессѣ называютъ ихъ вообще *кабанами*; онѣ продолговаты, когда еще молоды; ихъ начиниваютъ говяжиною или рисомъ, и подаютъ подъ соусомъ. Столъ Одесскій, какъ народонаселеніе Одессы — смѣсь кушаньевъ разныхъ націй; Русскіе блины, пироги и пирі; Малороссійскій борщъ и вареники; Польскіе *голубцы* и разныя запеканки, Молдаванская *мамалыга*, Азіатскій *пилавъ* и Греческія кушанья — все сдѣлано здѣсь общимъ. Но Русскіе сохранили свой драгоценный *квасъ*, хотя боль-

шая часть изъ нихъ пьютъ воду съ виномъ, которое очень дешево, а простой народъ пьетъ просто воду; хотъ и продаютъ квасъ, но онъ не хорошъ; пива вообще пьютъ весьма мало.

Дрова въ Одессѣ довольно дороги. Квадратная сажень хорошихъ дубовыхъ дровъ стоитъ 50 рубл., а иногда доходитъ и до 80. Но ихъ надобно немного; печи въ кухняхъ топятъ *кизлякомъ* и дрова употребляютъ только на растопку; кушанье готовятъ вообще на угляхъ; въ очагахъ устраиваютъ канфорки, которыя совершенно замѣняютъ плиту. Простой народъ топитъ печи бурьяномъ, тростникомъ и кизлякомъ (кизякъ ни что иное, какъ навозъ, перемѣшанный съ соломой; лошадиный и овечій почитаютъ лучшимъ; изъ смѣси его съ соломой дѣлаютъ пласты и кирпичи, которые потомъ сушатъ на солнцѣ и продаютъ возами и саженьями; сажень хорошаго кизяка стоитъ отъ 25 до 30 рублей; кизлякомъ, какъ дровами, можно топить печи, варить кушанье и печь хлѣбы). Уголь привозятъ изъ Бессарабіи, въ огромныхъ *каруцахъ* (такъ называютъ плетеные кораба, которые вмѣщаютъ въ себя отъ 15 до 30 четвертей). Обыкновенная цѣна угольямъ 2 и 3 рубля за четверть, но иногда доходитъ и до 5-ти.

Послѣ Русскихъ самую многочисленную часть жителей Одессы составляютъ *Греки* и *Евреи*. Греки большею частію купцы; изъ Евреевъ также много купцовъ; они торгуютъ оптомъ и въ розницу, но большая часть ихъ ремесленники, мѣдники, жестяники, портные и *факторы*. Сверхъ того у Евреевъ есть свои хлѣбники, булочники, мясники. Да, позволено будетъ мнѣ сказать свое мнѣніе объ Евреяхъ. Вообще мы привыкли почитать ихъ самыми

дурными людьми. Живши два года въ Одессѣ, нельзя было не имѣть съ ними сношеній, и скажу откровенно, я всегда оставалась ими довольна. Правда, что Еврей не упуститъ изъ вида своей выгоды, но кто жъ ее и упускаетъ? За то, какал неутомимость, какое проворство у Еврея! И если онъ увѣренъ, что заслуга его не пропадетъ даромъ, онъ все выполнить вамъ съ возможною точностью, и надобно прибавить, *честно*. По крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не случилось быть обманутою Жидомъ, и напротивъ, я вспоминаю со смѣхомъ, что однажды я сама обманула, или лучше сказать, испугала Жида. Мнѣ нужно было размѣнять ассигнацію на мѣлочъ; я упомянула выше, что почти все мѣнялы въ Одессѣ Евреи, и я подошла къ одному изъ нихъ, у котораго всегда размѣнивала деньги. Въ разсѣяніи, торопясь исправить разныя покупки, тотчасъ потомъ я ушла. Не прошло получаса, какъ въ лавку, гдѣ я была, прибѣгаетъ запыхавшійся Жидъ. На немъ *лица не было*, какъ говорятъ Русскіе. «Вы размѣнивали у меня деньги?» проговорилъ онъ, пасиву собравшись съ духомъ. — Да, — отвѣчала я. «Но вѣдь вы не отдали мнѣ вашей ассигнаціи!» — Если не отдала, такъ она у меня — сказала я, и въ самомъ дѣлѣ нашла ее у себя въ ридикюль. Бѣдный Жидъ былъ въ такомъ восторгѣ, что готовъ былъ цѣловать руки. Обращаюсь къ ихъ услужливости. Нужно-ли вамъ что нибудь купить, продать, промѣнять, пріискать человѣка, квартиру — поручите только Жиду и не заботьтесь — все будетъ исполнено! Много у насъ говорятъ о неопрятности Жидовъ, и даже будто у нихъ въ домахъ есть какой-то особенный дурной запахъ, Жидовскій, не смотря

даже на богатство, но это сущій вздоръ: мнѣ случалось бывать у зажиточныхъ Евреевъ, и у нихъ все чисто и опрятно, какъ у христіанъ. Странно ставить въ примѣръ бѣдныхъ Евреевъ. Однакожъ, при всѣхъ похвалахъ, надобно сознаться, что деньги — кумиръ Евреевъ: они ему поклоняются, и посредствомъ золота изъ нихъ можно сдѣлать все, что угодно. Надобно только видѣть, какъ измѣняется лицо Жида при видѣ денегъ. Не имѣя отечества, все свое блаженство Жидъ полагаетъ въ деньгахъ. Вообще у Евреевъ умныя, выразительныя лица; женщины ихъ хороши собой, и нерѣдко можно встрѣтить между ними красавицъ, но красота ихъ проходитъ скоро. Мнѣ не случилось видать между Жидами нищихъ; они всегда помогаютъ другъ другу. Пользуясь выгодами гражданства и свободою въ отпращиваніи религіозныхъ обрядовъ, Евреи строго ихъ выполняютъ. *Суббота* — день посвященный у Еврея молитвѣ и отдохновенію. Тогда все лавки ихъ и магазины заперты; они гуляютъ по бульвару и улицамъ. Благодаря просвѣщенію, теперь смотрятъ у насъ совсемъ другими глазами на Евреевъ. Образованный Еврей пользуется уваженіемъ, наравнѣ съ другими иностранцами, но въ простомъ народѣ нашемъ существуютъ еще анти-жидовскіе предрасудки. Въ Сентябрѣ Евреи празднуютъ день Куши, и въ то время почти всегда бываютъ въ Одессѣ вѣтры и переменная погода; простой народъ говоритъ, будто все происходитъ отъ того, что Жиды празднуютъ тогда *кучки* (такъ называетъ онъ Еврейскій праздникъ).

Петербургскіе Невскій Проспектъ и Лѣтній садъ, и Московскіе Тверской бульваръ и паркъ, въ Одес-

съ замѣняютъ приморскій бульваръ и городской и ботаническій сады. Многіе также ѣздятъ гулять на хуторы, разбросанные по морскому берегу; при каждомъ изъ нихъ есть сады. Но преимущественно хуторъ Д. Т. С. Стурдзы посѣщаютъ болѣе другихъ; онъ на берегу моря, при скатѣ горы, недалеко отъ Малаго фонтана. Всякій праздникъ найдете тамъ нѣсколько семействъ разныхъ націй. Обыкновенно всѣ прѣзжаютъ съ обѣдомъ и гуляютъ до вечера. Однажды была я тамъ свидѣтельницею пріятнаго зрѣлища. Прѣхавъ туда, мы нашли уже нѣсколько семействъ, расположившихся отдѣльными обществами. Тутъ были Греки, Нѣмцы, Итальянцы. Каждое изъ обществъ отличалось своими національными отѣнками. Греческіе купцы, человекъ пятнадцать, обѣдали безъ семействъ; жевѣнцы прѣехали у нихъ къ чаю. За изобильнымъ обѣдомъ въ Греческомъ вкусъ не забыты были и вина. Мнѣ поправилось обыкновеніе, что каждый въ свою очередь, съ бокаломъ, наполненнымъ виномъ, долженъ былъ что нибудь пропѣть. Это напоминаетъ обычай древнихъ Грековъ. Послѣ обѣда начались у нихъ игры. — Нѣмцы между тѣмъ танцовали подѣ звуки гитары; вездѣ кипѣли самовары, варился кофе, и берегъ моря сдѣлался гуляньемъ. Вдалекѣ плыли подѣ вздутыми парусами корабли. Нельзя описать такого разнообразнаго зрѣлища, а надобно его видѣть, и этотъ день былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

Поселенія колонистовъ приносятъ большую пользу Одессѣ. Трудолюбивые, и по большей части хорошаго поведенія, колонисты обзавелись здѣсь хозяйствомъ и живутъ въ довольствѣ. Я видѣла нѣкоторыя Нѣмецкія колоніи и мнѣ очень понравился

образъ жизни въ нихъ, чуждый прихотей и излишествъ. Ближайшая отъ Одессы колонія *Луиздорфъ*. Въ ней одна улица, по обѣимъ сторонамъ которой выстроены чистенькіе, уютные домики, и передъ каждымъ изъ нихъ находится палисадникъ съ цвѣтами; въ каждомъ домѣ есть стѣнные часы. У всѣхъ колонистовъ разведены сады и виноградники, а также довольно находится домашняго скота и лошадей. Колонисты снабжаютъ Одессу зеленью, молокомъ, масломъ и другими съѣстными припасами. Сохраняя свою религію и свой языкъ, они совершенно свыклись однакожъ съ своимъ новымъ отечествомъ. Лѣтомъ всѣ дома въ Луиздорфѣ заняты Одесскими жителями, которые переѣзжаютъ въ колонію пользоваться деревенскимъ воздухомъ и морскимъ купаньемъ.

Каждая изъ живущихъ въ Одессѣ націй приноситъ въ нее свои обычаи и повѣрья, и живетъ отдѣльно въ семейной жизни, имѣя сношенія только по торговымъ и общественнымъ дѣламъ. Однакожъ есть обычаи общіе всѣмъ жителямъ. *Новый годъ* празднуютъ всѣ. Наканунъ всегда бываетъ собраніе, гдѣ перемѣшаны вмѣстѣ чиновники, купцы, дворяне и иностранцы. Иногда посѣщаетъ собраніе самъ Новороссійскій Генералъ-Губернаторъ. Кромѣ того собираются въ семейномъ кругу родные и знакомые, встрѣтить новый годъ вмѣстѣ. Наступленіе его привѣтствуютъ полными бокалами и ракетами, хлопанье которыхъ слышно почти до самаго разсвѣта. На масляной Русскіе гречневые блины пекутъ вездѣ, а также готовятъ и вареники. О *святой-недѣлѣ* есть въ Одессѣ обыкновеніе ставить на столъ куличи, и такъ называемыя *бабы* (которыя приго-

товляютъ въ Одессѣ съ особеннымъ искусствомъ), сыръ, барашка изъ Чухонскаго масла, яицы, и кромѣ того еще нѣсколько блюдъ, какъ то: ветчину, жареную телятину, колбасы, и прочее, дополняя все виномъ и водкою. Такая закуска стоитъ на столѣ три дня, а въ нѣкоторыхъ домахъ всю свѣтлую недѣлю. Тогда же ставятъ качели, подъ которыми простой народъ пьетъ и гуляетъ, а высшая публика катается вокругъ въ экипажахъ. Вторникъ на Оминой недѣлѣ, день общаго поминовенія усопшихъ, наблюдается и въ Одессѣ. По-утру Русскіе служатъ панихиды и литіи по умершимъ родственникамъ, а послѣ обѣда собираются гулять на кладбищѣ. Въ сочельникъ, на канунъ Рождества, всѣ, смотря по состоянію, готовятъ ужинъ и празднуютъ наступающій день Рождества Христова. Тогда пекутъ разныхъ родовъ пироги, съ вареньемъ, ягодами и макомъ. Варятъ еще взваръ, изъ чернослива, коринки и вишенъ, и приготавливаютъ разнымъ манеромъ рыбу. Кромѣ своего семейства, тогда собираются ужинать и знакомые.

ИРКУТСКЪ.

Сибирь, самая отдаленная и обширная изъ всѣхъ частей Россійской имперіи, все еще мало извѣстна, даже Русскимъ. Есть сочиненія о Сибири, заслуживающія вниманіе и полное довѣріе читателей. Таковы: «Историческое обозрѣніе Сибири,» Словцова; сочиненіе Семивскаго; «Описаніе Енисейской губерніи,» Степанова; «Поездка въ Якутскъ,» Щукина; «Поездка къ Ледовитому морю,» Белявскаго, но всѣ ихъ можно почесть болѣе источниками къ составленію исторіи и географіи Сибири. Желательно, чтобы трудолюбивая рука просвѣщеннаго писателя составила описаніе Сибири въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніи. Надѣюсь, что такое желаніе всѣхъ посвѣщенныхъ и любящихъ свое отечество Русскихъ исполнится, особливо при содѣйствіи просвѣщеннаго Правительства. Сибирь вполне заслуживаетъ такое описаніе во всѣхъ отношеніяхъ. Желаніе быть полезною, сколько слабыя мои свѣдѣнія позволяютъ, заставило меня писать мои *Записки и воспоминанія* о Сибири. То же самое желаніе побуждаетъ меня и теперь написать еще нѣсколько за-

мѣчаній, основанныхъ на собственномъ моемъ наблюденіи, во время моего жительства въ Иркутскѣ. Мнѣ извѣстно, что г. Корюховъ, бывшій председателемъ Иркутской Уголовной Палаты, уроженецъ Сибири, человекъ умный и наблюдательный, велъ свои записки о замѣчательныхъ Сибирскихъ событіяхъ и ежедневный журналъ о перемѣнахъ въ климатъ во все времена года, вскрытіи и замерзаніи Ангары, урожаѣ хлѣба и другихъ произведеній; вѣроятно, есть въ его запискахъ и цѣны припасовъ, и очень было бы любопытно видѣть журналъ г. Корюхова, если онъ сохранился (онъ долженъ быть у зятя его, Н. Н. Веригина). Можетъ быть, есть записки и другихъ старожиловъ Сибири. Кромѣ наблюдений и записокъ о климатѣ и произведеніяхъ, Сибирь для изыскателей старины богатое поле наблюдений, которымъ можно еще воспользоваться; первые поселенцы Сибири были, большею частью, изъ сѣверныхъ областей Россіи, промышленники, заѣзжіе купцы, дѣти боярскіе, стрѣльцы, и люди, попавшіе подъ опалу. Они принесли съ собою обычаи, повѣрья, пословицы, сказки, пѣсни, поговорки, преданія и домашній бытъ. Все сохранилось въ разныхъ мѣстахъ Сибири, но вѣроятно, какъ все нынѣ измѣняется; пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и не останется слѣда старины. Не спору, что все дѣлается къ лучшему, да такъ и должно быть, но почему не сохранять намъ памяти своихъ родныхъ преданій, событій и быта Русскаго? Мы ищемъ у иностранцевъ описаній Россіи и дѣлаемъ выписки изъ Олеарія и Маржерета, а не пользуемся своими родными источниками. Не мнѣ, женщины безъ образованія, дѣлать ученія изысканія. Руководимая ис-

типною любовью къ отечеству, я приношу только ему свой бѣдный лептъ.

Напрасно представляютъ Сибирь землею безплодною, покрытою ледяною корою большую часть года и бѣдною произрастеніями. Сибирь по обширности своей имѣетъ разные климаты. Области Якутская, Охотская и Камчатка находятся въ суровомъ климатѣ и мало способны къ воздѣлыванію земли, что зависитъ частію отъ климата, частію отъ мѣстоположенія и привычекъ жителей. За то все мѣста Сибири, неспособныя къ земледѣлію и произрастанію огородныхъ овощей, изобилуютъ рыбой, дичиной, лѣсами, наполненными звѣремъ, доставляющимъ жителямъ пищу и одежду.

Благодѣтельная природа замѣняетъ одно другимъ. Люди привыкаютъ ко всякому климату и приживаются до того, что имѣя возможность жить въ мѣстахъ болѣе плодородныхъ и обильныхъ, тоскуютъ о своихъ лѣсахъ, припоминая съ наслажденіемъ время рыбной ловли и трудной охоты. Стало быть не совсемъ дурно, на примѣръ, въ Камчаткѣ, когда туземцы ея съ восторгомъ рассказывали мнѣ о горящихъ сопкахъ ея, при свѣтѣ которыхъ можно читать ночью книгу, и къ которымъ такъ привыкли они, что спокойные духомъ, когда горитъ сопка, они замѣняютъ ею барометръ и дѣлаютъ по ней свои наблюденія о погодѣ. Горы, покрытыя лѣсами, источники цѣлебныхъ водъ, долины, украшенныя густою зеленью, все возбуждаетъ желаніе, хотя не жить, но взглянуть на дикую природу Камчатки и красоты ея. Я не бывала въ тамошнихъ мѣстахъ, но многое слыхала отъ людей, проводившихъ жизнь свою въ Камчаткѣ, Охотскѣ и Якутскѣ. Климатъ

самый утѣренпый въ Сибири въ Томской губерніи и въ южныхъ частяхъ Енисейской, Тобольской и Иркутской. И тутъ, возьмите, на примѣръ, Тобольскую губернію — Тюмень, гдѣ въ цвѣтущемъ состояніи земледѣліе, обиліе огородныхъ овощей, обширное скотоводство и растутъ дикія вишни, и Березовъ — дикая пустыня. Потому видно, какъ трудно писать вообще о Сибири; каждая изъ Сибирскихъ губерній представляетъ разницу въ произведеніяхъ, климатъ, жителейхъ, ихъ образъ жизни. Я жиласобственно въ Иркутскѣ, и хорошо знаю мѣста, составляющія его округъ, а потому могу вѣрно говорить о томъ, что сама видѣла и наблюдала въ продолженіе 26-лѣтняго моего жительства. Зима становится въ Иркутскѣ обыкновенно около половины, или въ концѣ Ноября. При мнѣ самая ранняя зима была въ 1802 году. Зимній путь установился съ половины Октября. Зима Иркутская обыкновенно бываетъ постоянна. Не помню, чтобы бывали оттепели, или шелъ дождь зимою, но почитается оттепелью, когда морозъ простирается отъ 5 до 10 градусовъ. Въ Февралѣ начинаютъ *портиться* зимнія дороги, но въ полѣ дорога бываетъ еще хороша. Въ концѣ Февраля и началѣ Марта отправляютъ изъ Иркутска послѣдніе обозы съ товарами, которые дойдя до Томска, или до Тюмени, отправляются уже на колесахъ куда назначены, въ Москву, или на Нижегородскую ярмарку. Въ Мартѣ снѣгъ сходитъ, а на пасхѣ, которая, какъ извѣстно, не бываетъ ранѣе 24 Марта, всѣ уже ѣздятъ въ Иркутскъ въ лѣтнихъ акипажахъ. Временами перепадаетъ еще снѣгъ, но такъ бываетъ и въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Въ Апрѣлѣ наступаютъ ясные и теплые дни, но все

еще не весна; ночи холодны и зелень только что начинается показываться. И вотъ прилетаютъ *плишки*, стрижи и ласточки; въ Маѣ все уже зеленѣетъ, цвѣтутъ цвѣты въ полѣ и жители сажаютъ овощи. Но огурцы сажаютъ они въ гряды въ концѣ Маѣ. *Разсаду*, огуречную, капустную, табачную, и тыквы сѣютъ въ началѣ Маѣ въ *теплыхъ грядкахъ*, обитыхъ досками и приготовленныхъ, какъ парники, ибо сверху покрываютъ ихъ досками, и въ концѣ Маѣ высаживаютъ посаженное въ нихъ въ гряды. Дыни и арбузы растутъ только въ парникахъ. Фруктовыхъ деревьевъ вовсе нѣтъ въ Иркутскѣ, хотя и дѣлали попытки ихъ разводить. Главныя препятствія холодныя ночи и утренніе морозы, или инеи, которые продолжаются до половины, а иногда до конца Маѣ. Сѣнокосы начинаются въ началѣ Іюля; огурцы поспеваютъ въ Іюлѣ и ихъ бываетъ довольно. Жатва хлѣба начинается съ половины Августа. Время въ Іюнѣ, Іюлѣ, Августѣ, по большей части, прекрасное и дни жарки, но въ Августѣ, съ 20 числа, начинаются уже *утренники*, хотя дни все еще теплы. Осень сухая и ясная продолжается постоянно до конца Сентября, а иногда даже весь Октябрь. Самый ранній дождь, какой я помню, былъ *перваго числа Марта*, и то случилось одинъ разъ въ 26 лѣтъ. Рѣки становятся въ Ноябрь, кромѣ Ангары, которая, какъ и озеро Байкалъ, замерзаетъ въ Декабрѣ и почти въ одно время съ Байкаломъ. *Рѣкоставъ* Ангары представляетъ разницу отъ другихъ рѣкъ тѣмъ, что разливъ ея бываетъ при замерзаніи а не при вскрытіи. Сначала начинается идти по рѣкѣ ледъ, который называютъ въ Иркутскѣ *шугою*; если стоятъ морозы, то наводненіе бываетъ небольшое и

вода не поднимается выше береговъ, но въ теплую погоду, т. е., когда морозы не свыше 10° вода выходитъ изъ береговъ, заливаясь въ улицы города, и силою воды огромныя льдины выворачиваются на берегъ. Два раза въ 50 лѣтъ были даже отъ Ангара большія наводненія. Жители, имѣющіе дома на берегу рѣки, особливо у кого жилье низко, должны были выбираться изъ домовъ; по улицамъ плавали въ лодкахъ; вода доходила даже до Гостиного двора, выстроеннаго почти въ срединѣ города. Но только рѣка остановилась, вода начала сбывать, оставляя по берегамъ огромныя глыбы льду. Во время рѣкостава въ колодцахъ вода поднимается и изъ земли выступаетъ въ погреба, особенно въ домахъ близъ рѣки. Ангара становится всегда неровно; льдины, извороченныя по всей рѣкѣ, представляютъ зрѣлище, подобное Швейцарскому леднику. Такія льдины называются въ Сибири *торосьями*. Есть замѣчаніе въ народѣ, что если много торосевъ на рѣкѣ, то будетъ хорошій урожай хлѣба. Прѣзжая зимою изъ Кяхты въ Иркутскъ, я видѣла, что рѣки Селенга, Уда, и озеро Байкалъ были покрыты такими торосьями. Еще есть замѣчаніе у старожиловъ, что снѣгъ, которымъ иногда зимою кажется опущены деревья, и что въ Сибири называютъ *кухтою*, обыщаетъ плодородный годъ, если бываетъ великъ. Грозы въ Иркутскѣ сильныя и болѣе случаются въ концѣ Іюня и въ Іюль; иногда убиваетъ громомъ людей и зажигаетъ строенія. Лѣтъ шестидесять, или около того, сгорѣлъ въ Иркутскѣ Гостиный дворъ, который былъ деревянный. Послѣ пожара выстроили его каменный, и противъ него другой, также каменный, только меньше, который

называютъ *Мѣщанскимъ*. Сильныхъ и крупныхъ градовъ въ Иркутскѣ не знаютъ; самый крупный, который мнѣ случалось видать, былъ величиною въ кедровый орѣхъ. Вихри бываютъ почти каждое лѣто; такъ называютъ въ Сибири вѣтеръ, который, вдругъ появясь, вертится кругомъ, поднимая соръ и щепы на улицахъ, срываетъ шляпы съ прохожихъ, и когда человѣкъ попадетъ въ такой воздушный тифонъ, то съ трудомъ изъ него освобождается, хотя онъ и не причиняетъ вреда. Есть однакожь басни въ народѣ, будто иногда такимъ вихремъ уносило дѣтей, но при мнѣ никогда такой диковинки не случалось.

Во время моего жительства въ Иркутскѣ каждую весну горѣли лѣса. Такіе лѣсные пожары могутъ быть только въ Сибири, ибо около Иркутска, верстахъ въ 10 и 15, растутъ огромныя лѣса. Причины лѣсныхъ пожаровъ суть дровосѣки, и люди, которые рубятъ лѣсъ, жгутъ уголь и известь; разводя огонь, не берутъ притомъ предосторожностей и оставляютъ уголья и головни непотушенными. Раздуваемые вѣтромъ остатки огня зажигаютъ сухую траву; огонь добирается до лѣса и производитъ пожаръ, который продолжается иногда нѣсколько дней и лѣсъ выгораетъ на обширное пространство. Въ городѣ слышенъ тогда запахъ дыма и видѣнъ огонь. Особоно ночью зрѣлище великолѣпно и ужасно. Иркутскъ окруженъ горами, покрытыми лѣсомъ; огонь, пробираясь по вершинамъ деревьевъ, то разливается огненною рѣкою, то извивается летучимъ, огненнымъ змѣемъ. Народъ привыкъ къ такому зрѣлищу и говоритъ спокойно: *Палы ходятъ!* (*палами* называютъ въ Сибири лѣсные пожары). Несчастій никакихъ не случается; нѣтъ примѣра, чтобы

выгорѣло притомъ какое селеніе. Вообще въ деревняхъ Сибири бываетъ гораздо меньше пожаровъ, нежели въ Россіи. Кровли деревенскихъ домовъ покрыты тесомъ, и по бѣдности развъ *дранью* (такъ называютъ тонкія доски); соломенные кровли вовсе неизвѣстны въ Сибири и народъ по изобилію лѣса не имѣетъ въ нихъ нужды.

Въ 1811 году около Иркутска горѣли *тундры* (такъ называютъ тамъ сырое мѣсто, заросшее множествомъ корепьевъ; еще называютъ такія мѣста *зыбь*, или *трясина*; вѣроятно, въ такихъ мѣстахъ бывали прежде болоты, но воды въ нихъ уже нѣтъ и остается только сырость). Лѣто было необыкновенно жаркое, что и сдѣлалось причиною возгорѣнія. Отъ тлѣнія тундръ воздухъ былъ наполненъ влажнымъ паромъ, смѣшаннымъ съ дымомъ; солнце казалось краснымъ и было, какъ будто подернуто покрываломъ. Необыкновенная перемена атмосферы не имѣла однакожъ вліянія на здоровье жителей, и не было никакихъ притомъ особенныхъ повальныхъ болѣзней.

Въ томъ же году, съ весны до осени, была видна комета, небесная гостья, предшественница незабвеннаго 1812 года и великаго испытанія Россіи, бѣдствія, возродившаго отечество наше къ новому величію, славы и спасенію Европы. Народъ толковалъ о чудномъ явленіи. Помню, когда однажды вечеромъ, собравшись на галерею у дома, смотрѣли мы на комету, величественно простиравшую блестящій свой хвостъ на сѣверъ. Мы, какъ будто сдружились тогда съ ея явленіемъ; каждый вечеръ смотримъ, бывало, и ждемъ, будто луны, явленія кометы. Такъ сдружился потомъ народъ Русскій сердцемъ и духомъ на защиту отечества.

Вообще можно сказать, что климатъ въ Иркутскѣ здоровъ. Повальныхъ болѣзней бываетъ мало. Желательно и полезно было бы наблюдать, какія именно гдѣ бываютъ повальные болѣзни. Можетъ быть, и есть подобныя записки въ журналахъ и наблюденіяхъ медицинскихъ, но мнѣ не случалось однакожъ ничего читать о наблюденіяхъ надъ болѣзнями въ Иркутскѣ и округъ его. Не смѣя взять на себя важныхъ и ученыхъ изслѣдованій, упомяну просто, какія болѣзни повальные замѣчала въ Иркутскѣ въ продолженіе 26 лѣтъ. Я была еще очень мала, когда явилась тамъ, такъ называемая, *Сибирская язва*, но отъ нея умерло токмо нѣсколько человѣкъ. Не знаю, свирѣпствовала ли сія болѣзнь гдѣ нибудь кромѣ Иркутска, а сущность ея была слѣдующая: вдругъ появлялось на тѣлѣ небольшое пятно, подобное укушенію насѣкомаго, начинало чернѣть и увеличиваться, дѣлался жаръ и человѣкъ умиралъ. Болѣзнь приписывали тогда уязвленію вредныхъ мошекъ; по крайней мѣрѣ, такъ говорили въ народѣ, но сколько мнѣ извѣстно, ни прежде ни послѣ сей болѣзни не было. Лечение употребляли противъ нея слѣдующее: вокругъ пятна накалывали острою иглою и примачивали крѣпкимъ отваромъ листового табаку; въ домахъ вѣльно было разводить, такъ называемый, *деревянный огонь* (который достаютъ трепіемъ двухъ кусковъ сухаго дерева). Его зажигали въ ямахъ, выкопанныхъ во дворахъ, подкладывали сухихъ щепъ и заваливали навозомъ. Помню, что у насъ во дворѣ была такая яма съ деревяннымъ огнемъ, который тщательно сберегали, но вообще бѣдствіе надѣлало болѣе шума, нежели вреда, и смертию нѣсколькихъ человѣкъ

все прекратилось. Думаю, что и теперь еще старушки въ Иркутскѣ твердятъ *о страшной моревой язвѣ*, хотя жертвой ея было не болѣе 10 человекъ. Богъ знаетъ, что это такое было, но притомъ не учредили карантинъ, не брали и другихъ предосторожностей, и все ограничивалось накалываніемъ иглою и примачиваніемъ настоя табаку.

Коклюшъ, бывшій въ 1807 и 1808 годахъ, гораздо болѣе причинилъ смертности. Умирали болѣе дѣти, отъ 1 года до 7 лѣтъ. Рѣдки были примѣры смерти людей болѣе совершеннаго возраста и еще менѣе умирало отъ коклюша совершенно взрослыхъ.

Болезнь, отъ которой много умираетъ въ Иркутскѣ дѣтей, *поносъ*, и онъ случается каждую весну. Полагаю, можно объяснить появленіе его тѣмъ, что дѣтей кормятъ коровьимъ молокомъ весною, когда коровы начинаютъ выгонять въ поле и онѣ питаются новою зеленью. Перемена пищи, вѣроятно, имѣетъ вредное дѣйствіе на дѣтей. Но иногда бываетъ въ Иркутскѣ и повальный кровавый поносъ. Онъ свирѣпствовалъ въ 1807 и 1816 годахъ. Умирали болѣе дѣти, а старые и совершенныхъ лѣтъ люди выздоравливали.

Нарывы въ горлѣ, или *жабу*, можно причислить къ болезнямъ эпидемическимъ въ Иркутскѣ. Она болѣе бываетъ періодами. Помню, что она была при мнѣ два раза, но отъ нея болѣе страдали и умирали дѣти.

Другія болезни случаются, какъ и вездѣ, но гораздо слабѣе, нежели въ другихъ климатахъ. Въ мое время въ Иркутскѣ не были извѣстны ни скарлатинѣ, ни крупѣ. Холера не была въ Сибири. Корь и оспа суть болезни, сдѣлавшіяся общими повсюду,

но оспа и нынѣ еще болѣзнь въ Сибири жестокая, потому болѣе, что не выводится предразсудокъ. по которому простой народъ не охотно прививаетъ оспу дѣтямъ, не смотря на приказанія Правительства. Напротивъ, Буряты и Якуты сами просятъ, чтобы прививали дѣтямъ ихъ оспу. Доктора объѣзжаютъ ихъ улусы. До прививанія оспы, она была бичъ истребительный для полудикихъ, кочующихъ народовъ. Буряты и Якуты, когда появлялась между ними оспа, оставляли больныхъ и уходили отъ нихъ въ другія мѣста кочевать. Нынѣ не слышно, чтобы между Русскими умирали отъ оспы, Чахоткой умираютъ въ Иркутскѣ гораздо менѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Водяная болѣзнь также очень рѣдка. Народъ вообще въ Иркутскѣ здоровъ и долговѣченъ, и болѣе можно тамъ встрѣтить людей, дожившихъ до 70 и 80 лѣтняго возраста, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Прежде часто бывалъ въ Иркутскѣ падежъ рогатаго скота, но нынѣ онъ случается гораздо рѣже.

Предоставляя ученымъ изслѣдованіе причинъ землетрясеній, бывающихъ нерѣдко въ Иркутскѣ, опишу четыре изъ нихъ, довольно сильныя, которыя были чувствуемы въ продолженіе 25 лѣтъ, кромѣ многихъ небольшихъ. Первое было въ 1804 году. Пасха была тогда въ Апрѣль. Обыкновенно передъ праздникомъ, особенно гдѣ хозяйки большія хлопотуньи, въ Иркутскѣ не только все въ домѣ моютъ и чистятъ, но прежде мывали даже и дома снаружи. За тридцать пять лѣтъ мало было тамъ домовъ обитыхъ тесомъ и ни одного выкрашеннаго дома; то и другое замѣняли чистота и опрятность, которыя и дохо-

дили почти до излишества. Все было приготовлено для великаго праздника; испечены куличи, сдѣланы сыры, выкрашены красныя и пестрыя яицы, приготовлены пирожныя и сахарники. Собирались идти къ Христовской заутрени; мы выпули платья и приготовили восковыя свѣчи. Многіе не спятъ всю ночь на Свѣтлое Воскресенье, но я такъ утомилась домашними приготовлениями и была еще такъ молода (мнѣ было тогда 14 лѣтъ), что попросила разбудить меня, когда услышать первый звонъ, и легла, надѣясь заснуть. Свѣчу я погасила, но едва успѣла лечь, какъ услышала шумъ, подобный порывамъ вѣтра. Въ слѣдъ за тѣмъ кровать моя начала качаться; посуда въ шкафѣ зазвенѣла, и хотя не было огня въ комнатѣ, но слышно было, что вся мебель двигается. Какъ ни было необычайно для меня такое явленіе, но я тотчасъ догадалась, что должно быть землетрясеніе. Оно продолжалось около *двухъ минутъ*, но я не успѣла еще опомниться, какъ уже все утихло. Не знаю, что было причиною: моя ли неопытность и молодость, или утомленіе, но я не очнь испугалась, хотя и знала очень хорошо объ ужасныхъ землетрясеніяхъ, разрушавшихъ Лиссабонъ, Лиму и другіе города, но я опять легла и спокойно заснула. Не прошло часа, какъ пришли будить меня къ заутрени. На другой только день узнала я, что было довольно сильное землетрясеніе, чувствованное во всемъ городѣ, но никто изъ жителей не потерпѣлъ и только упалъ крестъ съ одной церкви.

Второе землетрясеніе было въ 1806 году, также въ Апрѣль и почти въ тѣхъ же числахъ. Въ 9 часовъ вечера, не знаю почему, я легла въ постель;

изъ домашнихъ моихъ никто еще не спалъ, хотя мы тогда, по старинному, ложились спать рано. Вдругъ домъ въ основаніи началъ колебаться, и какъ онъ былъ деревянный, то заскрышля перегородки; лампы у образовъ качались, и все навело на меня неописанный ужасъ; притомъ это второе землетрясеніе было сильнѣе перваго и долѣе продолжалось; я вскочила и побѣжала вопъ изъ комнаты, но меня не пустили. Я хотѣла бѣжать не безъ размысленія, ибо мнѣ тотчасъ представилось, что домъ можетъ разрушиться и улица гораздо безопаснѣе. Не прошло часа, когда послѣдовалъ второй ударъ, но слабѣе перваго. Въ три часа ночи былъ третій, только еще слабѣе двухъ первыхъ, но однакожь всѣ мы не спали почти всю ночь. Я была замужемъ; отецъ мой жилъ тогда за городомъ, на *заимкѣ* своей; я поѣхала на другой день узнать о здоровьи родныхъ. Мнѣ рассказывала мать моя подробности землетрясенія: они сидѣли за ужиномъ, и вдругъ почувствовали сперва дрожаніе и будто шумъ вѣтра, а потомъ колебаніе, которое постепенно усиливалось, такъ, что наконецъ все затрещало; мебели, посуда стучали и падали. Домъ, гдѣ жилъ отецъ мой, былъ деревянный, двухъ-этажный. Персымъ дѣломъ его съ семействомъ было бѣжать, и потомъ перейти въ отдѣльное, низкое строеніе, гдѣ жили служители. Тамъ они ночевали. Еще днемъ мать моя замѣтила, и ей странно казалось, что собака, которая обыкновенно ходила въ кухню, спряталась тамъ подъ лавку, и сколько ее ни выгоняли, она приходила и пряталась снова. Во время самаго землетрясенія коровы жалобно мычали, пѣтухи громко пѣли, собаки выли; на дворѣ слышанъ былъ сѣрный запахъ и

все вмѣстѣ наводило невольный ужасъ. Это землетрясеніе навело на меня боязнь и сдѣлало столь сильное впечатлѣніе, что оно и потомъ никогда не проходило. Братья мои такъ были напуганы, что съ наступленіемъ вечера не отходили отъ матери, и каждый стукъ приводилъ ихъ въ трепетъ, пока не прошло впечатлѣніе, какъ извѣстно, въ дѣтствѣ всегда легкое и мимолетное.

Третье землетрясеніе было въ 1814 году, 22 Августа, въ 6 часовъ по полудни. Справедливо говорятъ, что если быть въ полѣ или ѣхать, то надобно землетрясенію быть очень сильному, чтобы почувствовать его. Такъ случилось и со мною. Мы были за городомъ; верстъ за 20, въ лѣсу, и я слышала и замѣтила только необыкновенный шумъ, подобный сильнымъ порывамъ вѣтра, но вѣтра ни малѣйшаго не было; странное явленіе это было для насъ непостижимо, и мы тогда только узнали о землетрясеніи, когда возвратились въ городъ; потому я знаю это землетрясеніе только по рассказамъ, но должно полагать, что оно было весьма сильно, потому что въ нѣсколькихъ домахъ въ городѣ развалились трубы.

Четвертое землетрясеніе было, помнится, въ 1818 году, зимою, часовъ въ 10 вечера. Насъ нѣсколько человекъ стояли въ комнатѣ, какъ вдругъ услышали мы необыкновенный шумъ, который обыкновенно предшествуетъ землетрясенію; кольцо у воротъ застучало (прежде во всякомъ домѣ, кромѣ большихъ воротъ, всегда запертыхъ на ночь засовомъ, къ которому прибавался пробой и замыкался замкомъ, была еще калитка; тутъ снаружи прибавляли желѣзную бляху и кольцо, а внутри защелчку, и къ ней привязывали узенькій ремень; иногда, чтобы

избавиться хлопотъ отворять приходящимъ, продергивали ремень на улицу, и всякій, кто приходилъ, могъ самъ отворить калитку, но когда ремень вдергивался внутрь, то приходившій стучалъ кольцомъ. Наши предки запирали крѣпко ворота, хотя сердца ихъ и не были заперты). Домъ началъ колебаться; мы все молча стояли, смотрѣли другъ на друга и не могли говорить отъ изумленія; чрезъ минуту все кончилось. Въ 1820 году я вышла изъ Сибири, и не знаю, послѣ меня бывали ли сильныя землетрясенія или нѣтъ? Кажется, писали о большомъ землетрясеніи въ 1887 году. Въ Россіи землетрясенія рѣдки, и многіе знаютъ ихъ только по слуху. Изъ четырехъ описанныхъ мною, два были въ Апрѣль, одно въ Августъ, одно зимою. Дни предъ землетрясеніемъ каждый разъ стояли ясные, и всегда передъ ударомъ былъ слышанъ шумъ, который не былъ свистомъ вѣтра и не походилъ на шумъ воды, но въ немъ какъ будто все слышалось и сливалось вмѣстѣ. Полагаютъ, что озеро Байкальское провалъ, послѣдовавшій отъ землетрясенія. Положеніе его, дѣйствительно, показываетъ сильный переверотъ стихій. Горы, стоящія около него во многихъ мѣстахъ стѣной, какъ будто раздвинуты насильно. Многіе, переплывая Байкаль днемъ, въ ясную погоду, видятъ въ немъ остатки деревьевъ въ глубинѣ и замѣчаютъ неровность дна.

Я была свидѣтельницею еще одного необыкновеннаго явленія природы. Въ 1806 году, въ праздникъ Іліи пророка, былъ ясный, жаркій день, по часа въ два по полудни начали собираться тучи со всѣхъ сторонъ; онѣ быстро сходились вмѣстѣ; загремѣлъ

громъ, засверкала молнія, полился дождь съ градомъ, и тучи, сгоняемыя вѣтромъ, образовали, какъ будто рѣшету, сквозь которое хляби небесныя разверзлись, и смятеніе стихій, и проливной дождь, при неумолкающемъ громъ, заставили многихъ думать, что будетъ потопъ, но по немногу начало стихать и къ вечеру было уже все тихо. Буря имѣла гибельныя слѣдствія и много погибло тогда народу, вотъ по какому случаю: день былъ, какъ я сказала, ясный и праздничный. Иркутскъ окруженъ лѣсами; всѣ ходятъ и ѣздятъ въ нихъ рубить дрова, вязать вѣники для бань, собирать растенія, грибы, ягоды, и такъ привыкли къ тому, что ходятъ въ лѣсъ за грибами и ягодами за 15 и 20 верстъ отъ города и въ тотъ же день возвращаются домой. Такъ случилось и въ этотъ грозный день. Многіе пошли за грибами и ягодами въ разныя стороны. Когда началась буря, близко не было селеній и мѣстъ, гдѣ укрыться; дождь промочилъ странниковъ насквозь; желая скорѣе добраться домой, несчастные бѣжали въ мокрыхъ платьяхъ, выбивались изъ силъ, падали и умирали, подъ громомъ, въ дичи лѣса, на потокахъ воды, стремившейся повсюду ручьями. Изъ умершихъ болѣе было старыхъ людей, или несовершеннаго возраста, лѣтъ отъ 12 до 15. Я слышала отъ тѣхъ, которые были тогда въ лѣсу свидѣтелями смерти товарищей, что погибавшіе, въ немомъ оцѣпненіи, особливо дѣвочки и люди старые, выбившись изъ силъ, садились подъ дерево, и сначала дѣлалась у нихъ лихорадочная дрожь, потомъ клонилъ ихъ сонъ, и они засыпали наконецъ въ безчувствіи, на вѣки. Не знаю, вѣренъ ли счетъ, но говорили, что погибшихъ насчитано было около 40

человѣкъ. Не знаю также, было ли гдѣ о томъ писано, но въ Иркутскъ живы еще многіе самовидцы, которые помнятъ описанное мною событіе и подтвердятъ мой рассказъ.

ЗАМѢТКИ

О РОДНОЙ СТАРИНѢ.

Русскіе издревле славились своимъ гостепріимствомъ, и иностранцы, бывавшіе въ Россіи, упоминаютъ о Русскомъ гостепріимствѣ. У насъ есть для выраженія его особенныя слова: *хлѣбосоль* и *хлѣбосольство*; они непереводимы. Вся жизнь и весь обряды Русскихъ связаны съ *хлѣбосольствомъ*. Припомню здѣсь извѣстные мнѣ обряды, повѣрья, замѣчательныя поговорки и пословицы въ семъ отношеніи.

Когда въ старину хотѣли сказать о человѣкѣ, что онъ хлѣбосоль и въ домъ его всего вдоволь, то говорили: «Домъ, какъ чаша полная — хлѣбъ-соль со стола не сходитъ — одна рука въ меду, другая въ патоку — что ему дѣлается: какъ сыръ въ маслѣ катается!»

Означая старое знакомство и дружбу, Русскіе говорили: «Отцы наши хлѣбъ-соль водили».

Въ знакъ благодарности была поговорка: «хлѣбомъ-солью довольны — глаза не глядятъ».

Въ старину вѣрили, что человѣкъ, обласканный въ домѣ, не сдѣлаетъ зла: «Хлѣбъ-соль не попуститъ на зло.»

Бывало прежде обыкновеніе: послѣ обѣда накрывали столъ чистою скатертью, клали хлѣбъ и ставили соль, и не отъ того ли произошла поговорка: *хлѣбъ-соль со стола не сходитъ?*

Если кто нибудь приходитъ во время обѣда, или ужина, то помолясь Богу, привѣтствовалъ — хозяевъ: «Хлѣбъ-соль!» Хозяинъ отвѣчалъ на привѣтъ: «Хлѣба кушать, милости просимъ.»

Строя новый домъ, приглашали священника, служили молебенъ и клали подъ основаніе дома нѣсколько монетъ, а по окончаніи обряда присутствовавшихъ угощали обѣдомъ. При постройкѣ новаго дома наблюдали еще слѣдующій суевѣрный обрядъ: для того, чтобы хозяева дома жили счастливо и были здоровы, закалывали пѣтуха, отрубали ему голову, зарывали ее въ переднемъ углу, и это дѣлалось обыкновенно весьма тайно. По окончаніи постройки дома служили молебенъ, и весь домъ и службы кропили святою водою. При переходѣ въ новый домъ, или на квартиру, сначала вносили икону и *хлѣбъ-соль*, а потомъ пѣтуха и курицу. Устроившись совершенно дѣлали *новоселье*, угощали родныхъ и знакомыхъ обѣдомъ, а потомъ всѣ присутствовавшіе на новосельи посылали хлѣбъ-соль. Хлѣбъ бывалъ въ такомъ случаѣ сдобный, и чѣмъ болѣе былъ опъ, тѣмъ болѣе доказывалъ честь и уваженіе посылавшаго; богатые посылали притомъ серебряную солонку, а многіе прибавляли къ тому чай, сахаръ, живность, птицъ, живыхъ или битыхъ.

Для отъѣзжающихъ въ дорогу всегда топили баню; сборы занимали все семейство; пекли сухари, пироги, крендели и разные припасы, и все это называли: *подорожники*, разумѣя подъ симъ названіемъ запасъ, который бралъ съ собою отъѣзжавшій въ дорогу. Въ день отъѣзда, почти всегда, служили молебень и священникъ читалъ напутственную молитву. На столъ клали ржаной хлѣбъ; на него ставили солонку съ солью, а потомъ всѣ сажались, затворивъ сначала всѣ двери, и посидѣвъ немного, вставали и молились Богу. Если у отъѣзжавшаго были родители, то они благословляли его и прощались первые. Въ день отъѣзда въ комнатахъ послѣ уѣхавшаго не мели и сору не выкидывали, чтобы *не замести слѣдъ*. Хлѣбъ, который при отъѣздѣ лежалъ на столѣ, не почиали цѣлыя сутки.

При рожденіи младенца, когда мыли дитя, клали въ тазъ ему серебряныя и золотыя деньги, а у бѣдныхъ, за неимѣніемъ денегъ, серебряное кольцо. Родильницѣ приносили ломоть хлѣба, посыпанный солью; она непременно должна была съѣсть хоть маленькій кусочекъ.

Имя новорожденному давали того святаго, въ день котораго онъ родился, или въ восьмой день по рожденіи. Когда ребенокъ чихалъ до крещенія, присутствующіе говорили: «Крестись, Христосъ съ тобой!» Обыкновенно крестили на третій день, если новорожденный былъ здоровъ, а если онъ былъ слабъ, то немедленно по рожденіи. Пока не дана была матери и ребенку молитва, никто не выходилъ изъ дома. Новорожденного и мать *водили* каждый день въ баню, мыли и парили, приговаривая: «банька вторая мать.» Послѣ бани давали родильницѣ *взваръ*, вареный изъ пива, съ

черносливомъ, изюмомъ и калганомъ. Діеты послѣ рожденія никакой не наблюдали и давали все, кислое, соленое, жирное, даже уговаривали больную больше ѣсть, говоря, что отъ того болѣзнь скорѣе пройдетъ. Также давали родильницѣ по рюмкѣ вина, настоеннаго травами, называя его: *травникъ*. До крещенія ребенка не клали въ колыбель. Причастивши дитя въ первый разъ, по возвращеніи изъ церкви встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, а въ колыбель ему клали краюшку хлѣба, и если новорожденный былъ мальчикъ, маленькій лукъ и стрѣлу, а дѣвочкѣ пряслицу, и когда ребенокъ былъ безпокоенъ, то прибавляли къ тому цвѣтокъ *чертополоха* (*cardus acanthoides*). Всѣ родные и знакомые навѣщали родильницу, приносили ей на зубокъ золотыя и серебряныя деньги, а кто побѣднѣе мѣдныя. Въ деревняхъ, кромѣ денегъ, приносили еще пироги, пряники, яблоки. По прошествіи девяти дней родильница съ бабкою *размывали руки*. Обрядъ состоялъ въ томъ, что въ воду клали серебряныя деньги, и родильница поливала на руки бабкѣ три раза; бабка обмывала руки по локоть, и въ свою очередь сама поливала родильницѣ на руки, также три раза. Потомъ, смотря по состоянію, давали бабкѣ денегъ, и притомъ мыла, полотна, или холста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть и нынѣ обыкновеніе послѣ крестинъ посылать родильницѣ блюдо съ пирогами и лепешками; подъ пироги кладутъ деньги, поздравляя съ новорожденнымъ: «Дай Богъ поить, кормить, великаго растить и подъ златъ вѣнецъ поставить, а намъ на свадьбѣ пировать».

Именины праздновали въ старину съ различными обрядами. Первые обитатели Сибири, по большей

части, были изъ сѣверныхъ областей Россіи, и между ними много было Новгородцовъ, а потому въ Сибири ввелись, укоренились и долго сохранялись коренные Русскіе обычаи въ ихъ первобытной простотѣ. Въ день именинъ именинникъ ходилъ къ заутрени, обѣднѣ и вечернѣ, и служилъ дома, или въ церкви, молебень. Домашніе пекли между тѣмъ пироги и разсылали къ роднымъ и знакомымъ, по три, по четыре пирога, смотря по семейству. Посланцый отъ нихъ, поставя пироги на столъ, говорилъ: «Именинникъ приказалъ кланяться пирожками, и просилъ хлѣба кушать,» или «чаю пить.» Къ крестнымъ отцу и матери посылали иногда круглый сладкій пирогъ. Если была у именинника закуска, то дѣлали кулебяку, или круглый пирогъ съ курицею. За обѣдомъ въ числѣ пирожныхъ подавали сладкій пирогъ, за которымъ пили здоровье именинника. Было въ обыкновеніи дарить именинника деньгами, или вещами.

Въ Курскѣ, вмѣсто пироговъ, посылаемыхъ къ роднымъ, разсылали, такъ называемые, *именинники*, большіе здобные пироги безъ начинки, сверху натканые изюмомъ; въ каждый домъ посылали по одному такому пирогу. Въ именинникъ, назначенный для обѣда, клали начинку, и когда всѣ званые на обѣдъ были въ сборѣ, такой пирогъ разламывали надъ головою именинника, и если начинка изъ него сыпалась, приговаривали: «Дай Богъ, чтобы такъ сыпалось на тебя золото и серебро.» Въ старину пекли большіе пироги съ кашею и яичами, или другою какою нибудь начинкою; ихъ называли *ряженными* и всегда подавали въ концѣ стола, а нынѣ замѣнили ихъ сладкимъ круглымъ пирогомъ. Почти вслѣдъ къ именинамъ, родинамъ, свадьбамъ, помин-

камъ и храмовымъ праздникамъ старики наши варили пиво и медъ; кто былъ не въ состояніи варить пива и меду, готовилъ *брагу*, родъ жидкаго пива. Поздравляли именинника съ приговорками: «Дай Богъ жить, сто лѣтъ — дай Богъ жить, богатытъ, добра наживать, а лихо избывать,» и проч.

Свадебные обряды бывали въ Россіи различныя. (*) По окончаніи священныхъ обрядовъ первое было *хлѣбъ-соль*; провожали къ вѣнцу и встрѣчали отъ вѣнца съ хлѣбомъ-солью, а въ Курскѣ даже въ перковѣ брали краюшку хлѣба на блюдо, закрывъ салфеткою. При отправленіи приданого въ домъ жениха всегда были притомъ икона и хлѣбъ-соль, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отправляя приданое, посылали *сладкій пирогъ*, и хлѣбъ-соль на другой день свадьбы. По возвращеніи изъ церкви, когда благословятъ иконами и хлѣбомъ-солью, обсыпать молодыхъ хмѣлемъ и *мелкими серебряными* деньгами теперь совершенно вывелось въ городахъ, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ между деревенскими жителями сей обычай еще существуетъ. При свадебныхъ столахъ у богатыхъ пекли сладкіе пироги, а у бѣдныхъ и по деревнямъ пироги съ курицею. На другой день свадьбы молодая дарила родственниковъ мужа, свекра и свекровь рубашками; у богатыхъ, сверхъ рубашекъ, дарили свекру на кафтанъ сукна, а свекрови чего нибудь на платье; другимъ родственникамъ, смотря по близости родства, на платье,

(*) Въ *Запискахъ о Сибири* подробно описала я тамошніе свадебные обряды, а въ статьѣ: *Описаніе Курска*, обряды, соблюдаемые при свадьбахъ въ Курскѣ, и потому здѣсь болѣе о томъ повторять не буду.

или платки. Въ деревняхъ и понынѣ дарятъ полотенцами, вышитыми красною бумагою. По возвращеніи новобрачныхъ отъ вѣнца, у богатыхъ *выкачивали* бочки съ пивомъ и виномъ для приходившихъ смотреть свадьбу. Молодая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, на другой день послѣ свадьбы должна была идти въ кухню и печь пирогъ, чтобы показать свое искусство. За столомъ, когда подавали ей пирогъ, молодая подносила вино, и каждый выпивши, клалъ на поднось деньги. Всѣ бывшіе на свадьбѣ посылали потомъ молодымъ хлѣбъ-соль.

Масляница преддверіе поста и покаянія, а люди вездѣ сдѣлали изъ нея праздникъ, шумную оргію, и хотя нѣкоторые считаютъ за тяжкій грѣхъ ѣсть на сырной недѣлѣ мясо, но никогда не бываетъ въ народѣ такой неводержности, какъ во время масляницы. Мясные кушанья замѣняются рыбными; пекутъ блины, не только утромъ и въ обѣдъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вечеромъ, и притомъ отчаянно гуляютъ, пьютъ и объѣдаются. Не потому ли на Руси дали сырной недѣлѣ названіе *разгульной масляницы*? Въ старину знакомые, встрѣтятся, поздравляли другъ друга съ *широкою масляницею*. Многіе изъ простаго народа ѣзжали тогда по улицамъ съ пѣснями, и между припѣвами *величали масляницу*: «Государыня масляница! потянись до Петрова дня!» Не знаю почему не вошли въ употребленіе гречневые блины въ Сибири, но только тамъ ихъ почти не знаютъ, а пекутъ на масляницѣ тонкіе, молочные блины, алады, праженики, и прежде, почти въ каждомъ домѣ, кто только имѣлъ состояніе, пекли *хворосты*, родъ пирожного.

Въ воскресенье сырной недѣли, или такъ назы-

ваемый *прощеный день*, ѣздили прощаться съ родителями и родственниками, крестными отцами и матерями, и приносили съ собою пряники, отдавая которые обыкновенно говаривали: Дай Богъ о Христѣ радоваться, дождаться свѣтлаго Христова воскресенія.» Было также обыкновеніе въ сей день ѣздить на кладбище, поклониться праху усопшихъ родственниковъ, служить тамъ панихиды и раздавать бѣднымъ милостыню.

Постъ наблюдали въ Россіи съ величайшею строгостію, и во многихъ мѣстахъ первую недѣлю великаго поста не ѣли даже горячаго кушанья, а во весь постъ рыбы, исключая *благовѣщеніе* и *вербное воскресенье*. Встрѣчаясь, поздравляли съ постомъ, приговаривая: «Здорово заговѣлись, на хрѣнѣ, да на рѣдьку, на бѣлую капусту.

По субботамъ по уставу церкви поминаютъ усопшихъ родственниковъ, но главныхъ поминовеній бываетъ три: въ субботы передъ масляной, Дмитріевымъ и Троицынымъ днями, и эти три субботы называются *родительскими*. Тогда повсемѣстно служатъ обѣдню и панихиду, раздаютъ милостыню, посылаютъ подаванія въ богадѣльни и тюрьмы. Кромѣ трехъ помянутыхъ субботъ, на Оминой недѣлѣ во вторникъ также бываетъ поминовеніе, красятъ яйцы, пекутъ блины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ варятъ молочный кисель. Въ семикъ поминаютъ утопшихъ, удушенныхъ и всѣхъ самоубійцъ.

Въ родительскіе дни, вторникъ на Оминой недѣлѣ и семикъ, послѣ обѣда ѣздитъ на кладбище, нѣкоторые для поминовенія, а большая часть погулять. Въ Курскѣ въ дни поминовенія пекутъ пироги и лепешки, которые носятъ въ церковь, и послѣ

литіи дѣлать ихъ между собою священники и церковнослужители.

Кончина и погребеніе сопровождались разными обрядами, которые вездѣ сохраняли свято. Въ Курскѣ, когда уже видѣли, что нѣтъ никакой надежды къ выздоровленію, то по совершеніи всѣхъ духовныхъ обрядовъ, надѣвали больному чулки и клали его въ передній уголъ подъ образами; въ руки давали мѣдный крестъ и восковую зажженную свѣчу. Умиравшаго никогда не клали на постелю, а всегда на сѣно, или солому, полагая, что на постель *тяжело умирать*. При последнемъ издыханіи кадили ладономъ, и когда большой выпускалъ дыханіе, мыли его, одѣвали и клали на столъ; платье съ умершаго бралъ себѣ тотъ, кто мылъ его. Потомъ давали знать въ церковь и по умершемъ заунывно звонили; между тѣмъ призывали псалтырщиковъ, которые читали по усопшемъ псалтирь день и ночь. Два раза въ день, послѣ обѣди и вечера, служили панихиду, во все время, пока тѣло умершаго не было погребено. Ближніе родственники собирались къ покойнику; дѣвушки распускали косы, шили савантъ, смотря по состоянію, изъ кисеи, полотна, холста.

Когда умершаго несли на кладбище, передъ гробомъ шли со крестомъ и крестъ былъ покрытъ бѣлою кисеею, или холстомъ, и перевязанъ черными лентами. Послѣ похоронъ дѣлали обѣдъ для священниковъ, родныхъ и всѣхъ постороннихъ, и этотъ обѣдъ назывался *горячимъ*. Потомъ мыли весь домъ и сами ходили въ баню. По прошествіи девяти, двадцати и сорока дней дѣлали *поминки*; у богатыхъ бывали тогда обѣды, а у бѣдныхъ только поминовенія въ церкви. Почти всѣ, кто только могъ, гото-

вили обѣдъ для нищихъ, жертвовали на церкви и монастыри и посылали подаянія въ богадѣльни и тюрьмы. На покойника всегда надѣвали мѣдный, или кипарисный крестъ, но серебряныхъ крестовъ никогда не клали. Въ старину въ Курскѣ пожилые люди еще при жизни покупали себѣ гробъ, даже иногда спали въ немъ; дубовую колоду предпочитали столярному гробу.

Въ Иркутскѣ при похоронахъ соблюдались почти тѣже самые обряды, какъ и въ Курскѣ, но съ небольшою однакожъ разницею. Умиравшему не давали въ руки ни креста, ни свѣчи, а призывали священника, и онъ читалъ надъ умирающимъ *отходныя молитвы*; притомъ ставили въ какомъ нибудь сосудѣ воду и курили ладономъ, но по умершемъ не звонили. Также была небольшая разница и въ столѣ: последнее кушанье былъ въ семъ случаяхъ кисель; когда подавали его на столъ, всѣ вставляли и священники пѣли вѣчную память; въ Курскѣ дѣлали это обыкновенно за жаркимъ и посылали притомъ въ церковь звонить; первое кушанье вездѣ были блины. Для *нищей братіи* дѣлали обѣдъ всегда летомъ, на дворѣ, гдѣ разставляли столы и скамейки; на столъ клали ложки, ставили соль; кушанье подавали въ чашкахъ и блюдахъ, а передъ обѣдомъ подносили по рюмкѣ вина, за обѣдомъ подавали пиво и послѣ обѣда одѣляли деньгами. Кушанье готовили самое простое, но сытное, щи, похлѣбку, пироги, жаркое, блины; остатки отъ обѣда нищихъ отсылали въ тюрьмы. Зажиточные люди дѣлали обѣдъ для нищихъ и не въ поминки, а просто кормили бѣдныхъ и сами служили имъ за столомъ. Къ празднику воскресенія Христова пекли куличи,

дѣлали сыры, красили яицы и раздавали неимущимъ, посылая притомъ въ тюрьмы и богадѣльни.

Въ старину у Русскихъ всѣ времена года и перемѣны въ климатѣ означались именами святыхъ, и были сопряжены съ разными суевѣріями, укоренившимися съ незапамятныхъ временъ. *Новый годъ* начинался съ перваго Сентября, съ *Семенова дня*; его обыкновенно называли: *Семенъ-день*; никогда прежде не говорили: «съ новаго года,» а всегда: «съ Семена-дня.»

Бабе лѣто отъ 1-го Сентября продолжалось до Рождества Богородицы (Сентября 8-го). Замѣчали, если въ Семеновъ день погода была теплая и ясная, то бабѣ лѣто будетъ хорошо.

Сентября 14-го, въ день Воздвиженія Креста, говорили: *Воздвиженье сдвинетъ зипунъ, надвинетъ шубу.*

Октября 1-го, въ Покровъ Богородицы, дѣвицы молились Покрову о женихахъ.

Первые морозы назывались *Михайловскіе*; потомъ были *Введенскіе*, *Екатерининскіе*, *Никольскіе*, *Рождественскіе*, *Крещенскіе*, *Аванасьевскіе*, *Стрътенскіе*.

У стариковъ нашихъ всѣ дѣла расположены были по днямъ святыхъ. Такъ, на примѣръ, говорили: *Егорій съ гвоздемъ, а Никола съ мостомъ*. Георгія бываетъ 26-го Ноября, когда празднуется обновленіе храма святаго великомученика Георгія; тогда начинали обивать двери сукномъ или войлокомъ, конопатить окна и погреба, а потому и говорили: «Егорій съ гвоздемъ.» Къ Николину дню обыкновенно становятся рѣки и устанавливается зимній путь; дабы выразить, что тогда все, *какъ мостъ, гладко*, говорили: «Никола съ мостомъ.»

Декабря 12-го, день чудотворца Спиридонія на

зывали: *Спиридонъ солнцеворотъ*, т. е. поворотится солнце на лѣто, зима на морозъ.

Января 18-го числа день св. Аѳанасія, солнце уже начинаетъ пригрѣвать, а потому говорили: *съ Аванасьева дня полозъ покатится, корова бокъ грѣетъ*. Наши предки выражались просто и ясно. Что значила поговорка объ Аванасьевѣ днѣ? То, что въ Январѣ остаются по снѣгу лоснящіеся слѣды отъ полозьевъ, а это и называли *полозъ покатится*. Если когда выпускали скотину погулять, то, какъ на дворѣ еще довольно холодно, коровы старались стать такъ, чтобы солнце ударило на нихъ, и старики наши говорили: «корова бокъ грѣетъ.»

Января 24-го день преподобной Ксеніи, и его называли: *Аксинья полузимница*, т. е., что половина зимы прошла; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называли сей день *Аксиньей полухлѣбницей*, потому что только половина хлѣба и корма нужна была до лѣта.

Марта 1-го день св. Евдокіи. Тогда отъ теплой погоды снѣгъ начинаетъ осѣдать и какъ будто сплющиваться, а потому 1-е Марта называлось: *Авдотья илющиха*.

Сорокъ мучениковъ бываетъ 9-го Марта. Этотъ день почитаютъ началомъ весны. Тогда появляются жаворонки и другія лѣтнія птицы, а потому ко дню Сорока мучениковъ Русскіе люди пекутъ изъ тѣста *жаворонковъ*, и мальчики, взошедши на возвышенное мѣсто, *закликаютъ весну, съ припѣвами*:

Прилетѣлъ куликъ изъ заморья,
Вывелъ весну изъ затворья.

Марта 17-го, день Алексѣя Божіяго Человѣка,

съ горъ потоки. Тогда снѣгъ таетъ и вода бѣжитъ ручьями.

Апрѣля 16-го день святыхъ мученицъ Агаѳи, Ирины и Хіоніи; тогда вскрываются рѣки и вода вездѣ бываетъ въ разливъ, а потому и называютъ сей день: *Арина урви берега*, ибо вода, пачинаая сбывать, подмываетъ берега и они обрываются.

Апрѣля 24-го бываетъ св. Георгія Побѣдоносца, 9-го Мая Николая чудотворца. Въ старину говорили: *Егорій съ водой, а Никола съ травой*. Тогда рѣки уже вскрываются, пачинають перепадать дожди и скотъ выгоняють въ поле на траву.

Мая 1-го день пророка Іереміи. Крестьяне пачинають пахать и сѣять, и 1-е Мая называютъ: » *Еремей запрягальникъ*.

Мая 5-го день мученицы Ирины; съ сего дня пачинають сѣять разсаду и называютъ его: *Арина-росадница*.

Мая 14-го, въ день мученика Исидора, замѣчаютъ каковъ будетъ день. Если весь ясный, то будетъ большой урожай огурцовъ, а если утро пасмурное и холодное, а прояснить только къ вечеру, ранніе огурцы будутъ не хороши, а въ позднихъ будетъ урожай.

Мая 29-го день св. Оеодосіи, которую называютъ *колосницей*. Тогда хлѣбъ пачинаетъ колоситься.

Іюня 23-го, день мученицы Агриппины, обыкновенно называется: *Аграфена купальница*. Въ нашемъ сѣверномъ климатѣ ранѣе сего времени почти нельзя купаться; вода еще холодна и весьма легко простудиться, а потому всегда только около половины Іюня пачинають купаться. Старикъ замѣчалъ, что если кто прежде выкупается, получить лихорадку.

Въ день Аграфены купальницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, открывается у насъ купанье торжественное; многіе почитаютъ долгомъ выкупаться непременно въ сей день.

Іюня 24-го Ивановъ день. Его празднуютъ не только въ Россіи, но въ Польшѣ, Германіи и другихъ мѣстахъ съ разными обрядами. Въ Малороссіи зажигаютъ тогда огни и гуляютъ почти всю ночь. Г. Пассекъ, въ *Очеркахъ Россіи*, подробно описалъ обряды, соблюдаемые въ Ивановъ день въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Ивановъ день замѣчательнъ еще тѣмъ, что повсемѣстно у насъ подъ Ивановъ день собирають травы, кладутъ *подъ Иванову росу*, высушивъ, сберегаютъ ихъ и почитаютъ особенно цѣлительными, нежели собранныя въ другое время. День пророка Іліи почитаютъ у насъ уже *осеннимъ* праздникомъ.

Августа 1-е, праздникъ Происхожденія Древя Честнаго Креста, простой народъ называетъ: *Спасъ Мокрый*. Тогда, по установленію церкви, бываетъ крестный ходъ на рѣку, а гдѣ нѣтъ рѣки, святятъ воду въ церкви. *Мокрымъ* называютъ сей праздникъ потому, что по окончаніи водосвятія простой народъ купается и купаетъ лошадей. Тогда посятъ въ церковь медовые соты и вѣдятъ медъ.

Августа 6-го праздникъ Преображенія Господня, освящаютъ яблоки и потому называютъ сей день *Яблочнымъ Спасомъ*. Многіе прежде Преображенія не вѣдятъ яблоковъ.

Кромѣ дней описанныхъ мною и почитаемыхъ, какъ будто условными терминами, съ давнихъ временъ многіе святые почитаются у насъ особенными покровителями различныхъ предметовъ. Такъ, на

примѣръ: въ день пророка Наума начинаютъ учить дѣтей, приговаривая: *пророкъ Наумъ наставитъ на умъ*. Ученіе начинали въ старину слѣдующимъ образомъ: обыкновенно служили молебенъ, благословляли дитя, брали хлѣбъ и отводили ученика къ учителю.

Св. Флора и Лавра почитали у насъ покровителями лошадей; въ ихъ праздникъ служили молебенъ и ставили имъ свѣчи.

Св. Власію молились у насъ о рогатомъ скотѣ, *Девяти Мученикамъ* и *Парасковіи Пятницѣ* отъ лихорадки, *св. мученику Антипу* отъ зубной боли.

Много есть у насъ замѣчательныхъ обычаевъ и повѣрьевъ, сохранившихся донынѣ. Выходя изъ дома всякій Русскій крестится, а также крестится, когда увидитъ молодой мѣсяцъ и когда принесутъ въ комнату огонь. Есть повѣрье, въ которомъ весь простой народъ твердо увѣренъ, что у каждого человека есть *свой ангелъ* и *свой злой духъ*, и если человекъ дѣлаетъ доброе дѣло, ангелъ радуется, а злой духъ плачетъ, и на оборотъ. Передъ обѣдомъ обыкновенно старшій въ домѣ, въ старину, читалъ молитву, по окончаніи которой садились за столъ и перекрестясь начинали обѣдать; послѣ обѣда читали молитву за столомъ. За столомъ всегда сидѣли тихо, благопристойно, особливо почитая за грѣхъ болтать ногами, говоря, что тѣмъ *тѣшишь дьявола*. За величайшій грѣхъ считали прогнѣвлять родителей. Отецъ или мать, разсердясь, говорили: «Смотри — скажу одно слово — не воротись!» Это тяжкое слово было *проклятіе*, но очень рѣдко случалось имъ

произнести тяжкое слово — воля родителей была священна. Предки наши говаривали: *кто не сдержитъ слова, да будетъ тому стыдно*. Въ старину большая часть народа не знала грамоты; если кто давалъ въ займы деньги, то дѣлалъ *зарубки на палочкѣ*, а вмѣсто векселя было честное слово. Если долгъ не былъ заплаченъ въ положенный срокъ, заимодавецъ приходилъ къ должнику и говорилъ ему: *Смотри, братъ, зарубку срублю — худо будетъ!* Нельзя сказать, чтобы въ старину всѣ были честные люди, но тогда была *вѣра въ истину*, и можно было лучше полагаться на слово. Для неплатящихъ долги былъ въ старину *правежъ*. Известно, что заимодавецъ могъ наказывать должника, и слово «правежъ» осталось въ народѣ, хотя теперь не значитъ уже того, что значило прежде. *Онъ поставилъ меня на правежъ*, говорится нынѣ въ шутку. Въ память какого нибудь замѣчательнаго случая, дѣлали зарубку на *матицѣ*: такъ называютъ у насъ поперечный брусъ у потолка, или иначе балку. Если случалось что нибудь необыкновенное, то говорили: *надобно зарубить на матицѣ*. Гостепріимство всегда было страстью Русскихъ. Если кто нибудь приходилъ въ такое время, когда нельзя было угостить ни обѣдомъ, ни ужиномъ, то хозяинъ, провожая гостя, говорилъ: *Не прогнѣвайся — посидѣлъ, какъ у студеной печки*.

РУССКОЕ

ЖИТЬЕ БЫТЬЕ.

То старина, то и дѣяніе.

Что дѣялось на святой Руси....

Старая пѣсня.

Въ пословицахъ и поговоркахъ Русскихъ есть много историческихъ преданій. Переходя изъ устъ въ уста, онѣ сохранились въ народѣ цѣлые вѣки, и даже до сихъ поръ еще повторяются, хотя утратили уже свое коренное значеніе, и самый смыслъ ихъ сдѣлался для народа темень и почти непонятенъ. Многія изъ пословицъ и поговорокъ Русскихъ объясняютъ домашній бытъ и образъ мыслей нашихъ предковъ; иногда двумя, тремя словами, онѣ высказываютъ какое нибудь важное историческое событіе, или обрисовываютъ характеръ замѣчательнаго современника.

Такъ иго Татаръ оставило въ народѣ неизгладимые слѣды ихъ владычества. *Не въ пору гость ху-*

же Татарины, говорятъ, когда кто нибудь посѣтитъ не во время и хозяину некогда съ нимъ заняться. *Послѣ Татаръ убьжищъ много* — надобно полагать, что эта пословица происходитъ отъ Татарскихъ набѣговъ и нашествій, когда они предавали все огню и мечу, убивали и плѣнили жителей, которые скрывались въ лѣсахъ, и по возвращеніи въ города находили многіе дома пустыми, хозяева которыхъ были убиты или уведены въ плѣнъ. *Избави Богъ отъ него, какъ отъ лихаго Татарины*, говорятъ о дурпомѣ чело­вѣкъ, или: *онъ хуже лихаго Татарины*. Если въ домѣ безпорядокъ, разбросано и многое не на своемъ мѣстѣ, то говорятъ: *какъ Мамай воевалъ*, или: *какъ послѣ Мамаева побоища*. — Когда кто далъ слово, или обѣщался что сдѣлать и не исполнилъ, говорятъ: *«Обрязанилъ онъ меня.»* Сія пословица, кажется, происходитъ отъ того, что Князья Рязанскіе часто измѣняли своему слову, и Рязанцы не только не были съ Димитріемъ Донскимъ въ Куликовской битвѣ, но Олегъ Рязанскій обѣщался даже Мамаю соединиться съ нимъ. Если сохранилась пословица о нашествіи Мамаю, то легко могла сохраниться и перейти въ потомство поговорка о поступкѣ Рязанскаго Князя. До сихъ поръ можно еще слышать, что когда кто не исполнитъ своего слова, или обманетъ, то говорятъ: *обрезошилъ*, но явно, что это испорченное слово: *обрязанилъ*, или *обрезанилъ*.

Слѣдующія поговорки относятся ко временамъ царствованія Іоанна Грознаго, памятнаго народу. О чело­вѣкъ угрюмомъ и сварливомъ, говорили: *«Онъ такъ и смотритъ темякомъ,»* или о жевщицѣ: *«Она такая темяковна.»* Явно, что передалось въ народъ

преданіе о второй супругѣ царя Іоанна Васильевича, которая была дочь Черкесскаго князя *Темрюка*, и какъ видно изъ исторіи, была права угрюмаго и жестокаго. Если хотятъ выразить давность времени, то говорится; *Да, это было, когда Царь Грозный Казань бралъ*. Когда домъ стоитъ пустой, въ немъ ни кто не живетъ и онъ разваливается, говорятъ: *Стоитъ, какъ опальный*. Также сохранилось преданіе объ опричникахъ: если мужчину, или женщину, не любили въ семействѣ и какъ будто чуждались ихъ, то говаривали: «Онъ въ домъ, какъ *опричникъ*,» или «*оприченица*.» Изъ исторіи извѣстно, что опричники отрекались отъ рода и племени, и что ихъ не любили и чуждались. О человѣкѣ, живущемъ на чужой счетъ, или ни о чемъ не заботящемся, была поговорка: «Что онъ? *Тарханную* землю что ли нашелъ?» Это напоминаетъ льготныя, или *тарханныя* грамоты, которыми давались владѣльцамъ земель разныя выгоды и привилегіи.

Суевѣріе сродно всѣмъ народамъ безъ исключенія, образованнымъ и необразованнымъ, а о простолюдинахъ нечего и говорить: они вездѣ одинаковы, въ Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, Испаніи. Укажите мнѣ хоть одинъ народъ, который не имѣлъ бы суевѣрій и предрасудковъ. Такого народа нѣтъ въ мірѣ. Въ большей или меньшей степени, суевѣрія существуютъ у всѣхъ народовъ.

Такъ и въ Россіи: суевѣрія и предрасудки разлиты во всей жизни общественной, но намъ потому они не такъ замѣтны, что мы съ малолѣтства привыкли къ нимъ. Такъ, на примѣръ, простой народъ нашъ несомнѣнно вѣритъ въ наговоры и примѣты, и даже гораздо болѣе образованный кругъ людей

нельзя исключить изъ того, и если наблюдать и слѣдовать за суевѣріями, то можно много открыть любопытнаго и даже полезнаго. Народную медицину нашу можно раздѣлить на двѣ части: есть люди, знающіе разныя полезныя растенія и врачебную ихъ силу; нѣкоторые даже лечатъ магнетизмомъ, сами не зная того. Лечение водою (гидропатія), обратившее на себя нынѣ вниманіе просвѣщенной Европы, старинное, давно извѣстное въ Россіи народное лекарство. Другой образъ леченія составляютъ наговоры, въ которыхъ, по словамъ лекарей и лекарокъ, заключается вся сила леченія: это просто шарлатанство, но при наговорахъ знахари имѣютъ и другія средства. Обыкновенно всѣ простонародные лекаря употребляютъ обливаніе и сбрызгиваніе водою, съ разными суевѣрными обрядами. Опишу, сколько мнѣ извѣстно, простонародное леченіе водою.

Въ народномъ быту почти каждую болѣзнь, не изслѣдывая ея причины, приписываютъ дурному глазу, или порчѣ. *Порчею* называютъ всякую неизвѣстную болѣзнь; думаютъ, что лихой человѣкъ *напустилъ*, или *опоилъ* въ чемъ нибудь. Истерику и ипохондрію называютъ *тоскою*, *напущенною по насердкѣ*; даже, когда молодая женщина не рождаетъ дѣтей, и то приписываютъ злымъ людямъ. Всякій внезапный недугъ относятъ къ худому глазу; такое мнѣніе столь всеобщее, что ему есть разныя мѣстныя названія. Въ Курскѣ и въ Москвѣ говорятъ: *сглазили* или: *сглазу*; въ Ярославлѣ: *озепъ*, или *озепили*; въ Сибири: *изурочили*, или: съ *уроковъ* — тамъ увѣрены, что можно даже умереть съ *уроковъ*. Приз-

наками сглаженія почитали зѣвоту, ознобъ, жаръ, а у дѣтей бессонницу; леченіе бывало различное; имъ наиболѣе занимались повивальныя бабки; впрочемъ, почти каждая пожилая женщина умѣла въ старину взбрызгивать и умывать, и если это не помогало, то призывали лекарку. Простое взбрызгиваніе состояло въ томъ: брали молча воды въ какуюнибудь посудину, клали въ воду уголекъ и *печенку* (такъ называли глину, обгорѣвшую въ печи); потомъ соли, три раза по девяти щепотокъ; наконецъ что-то шептали, и когда бывало спрашиваешь, то говорили, будто читаютъ молитвы. Когда все было готово, больного надлежало взбрызнуть невзначай, и — странно: неожиданность ли взбрызгиванія и маленькій испугъ производили потрясеніе въ нервахъ, но часто больному становилось легче. Если же бывала важная болѣзнь, то принимались за настоящаго знахаря. Главное лекарство знахарей тоже была вода. Если находили возможность, то воду должно было взять ключевую, но брали и рѣчную, самъ знахарь, или ктонибудь изъ вѣрныхъ людей. И вотъ на утренней зарѣ идутъ за водою, съ посудиною, которая закрывается (въ Сибири обыкновенно брали для воды буракъ, или, какъ называютъ тамъ, *туезъ*); пришедши къ рѣкѣ, молча и не оглядываясь, зачерпываютъ по теченію; тотчасъ закрываютъ туезъ и идутъ назадъ, также молча и не оглядываясь, а принеши домой, воду передаютъ знахарю. Взявъ воду, онъ опускаетъ въ нее ножъ, уходитъ въ уголъ и наговариваетъ. Мнѣ случалось видать, какъ наговариваютъ воду, и отъ шарлатанства ли, или отъ увѣренности въ силу наговора, но я видала, что наговорщикъ, или наговорщица, сами сначала начинаютъ

звать, потомъ дѣлать разныя гримасы, и даже иногда слезы катятся у нихъ изъ глазъ. Когда знахарь кончитъ наговоры, воду накрываютъ и въ положенное время окачиваютъ ею больного. Въ сильныхъ болѣзняхъ окачивали по два раза въ сутки, на утренней и вечерней зарѣ, а иногда наговоренную воду давали больному пить. Дѣтей также умывали и окачивали наговоренною водою. Кромѣ окачиванія водою, которое не можетъ быть вредно, въ простонародіи старики и старухи знаютъ еще цѣлительныя свойства многихъ травъ, которыя могли бы быть весьма полезны въ медицину, еслибы знахари не старались скрывать ихъ. Знахари даютъ травы перемолотыя, или цареныя. Не зная ботаники, по необходимости надобно называть травы ихъ мѣстными именами. По обширности Россіи растительное царство у насъ весьма различно, и многихъ растений которыя находятся въ Сибири, нѣтъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ, даже многія одного и того же рода различны видомъ. Такъ, на примѣръ, *полынь* и *папоротникъ*, растущіе въ горахъ Сибирскихъ, столь отличны отъ обыкновенной полыни и папоротника, что не знающій можетъ ошибиться и принять за другія произрастенія. Не буду исчислять здѣсь всѣхъ полезныхъ травъ, извѣстныхъ простолюдинамъ, а со временемъ напишу объ нихъ отдѣльно. Упомяну только о травахъ наиболѣе употребительныхъ. Знахари въ своихъ наговорахъ и окуриваньяхъ употребляютъ траву, извѣстную подъ общимъ названіемъ: *урочная*. Не знаю, подъ какимъ названіемъ извѣстна она въ другихъ губерніяхъ и если гдѣ, кромѣ Сибири? Стебель сей травы тонкій; листья похожи на брусничные, но только круглы. *Богородская тра-*

ва известна повсемѣстно подѣ однимъ названіемъ. Обѣ травы, *урочную* и *Богородскую*, хозяйки бывало запасали, и ими окуривали больныхъ, не только дѣтей, но домашнихъ животныхъ и птицъ. Есть еще трава, называемая: *Петровъ крестъ*; говорятъ, что ее можетъ найти не всякій, но попадаетъ она только счастливымъ; ее зашиваютъ въ платье, и думаютъ, что у кого есть при себѣ Петровъ крестъ, къ тому не прикоснется никакая печистая сила. Листья Петрова креста и корень похожи на крестъ. Въ окуриваньяхъ употребляютъ еще въ Сибири *ремезово гнѣздо*. Ремезъ, маленькая птичка, водится въ глухихъ дремучихъ лѣсахъ Сибирскихъ; гнѣздо вьетъ похожее видомъ на гусиное яйцо и дѣлаетъ его очень искусно изъ самаго пѣжнаго пуха; съ одной стороны гнѣзда маленькое отверстіе, куда влѣзаетъ птичка. Ремезъ прикрѣпляетъ свое гнѣздо между древесными вѣтвями; говорятъ, что ремезъ не оставляетъ своей самки никогда, и въ Сибири есть пословица: *ревнивъ, какъ ремезъ*. Гнѣздо ремезово достаютъ чрезъ промышленниковъ, живущихъ въ лѣсахъ для ловли звѣрей, и если достанутъ, то пріятельницы дѣлятъ между собою и берутъ для окуриванія.

Въ старину къ больнымъ дѣтямъ никогда не призывали доктора; лечение ихъ состояло въ окуриваньи, умываньи и купаньи въ водѣ съ наговорами; иногда бабки давали травы и разныя мази. Бользнь, большею частію, приписывали урокамъ. Если ребенокъ бывало кричитъ и не спитъ, то брали солонку высыпали изъ нея соль, зачерпывали ею воды, клали три раза по девяти щепотокъ соли, умывали ре-

бенка, оплевываясь и приговаривая: *Уроки, призоры на пусты лѣсы!* Также обмывали скобы у дверей и умывали этою водою. Окуриванье совершалось разными манерами: иногда скребли три порога, брали изъ угловъ моху, которымъ законопачены стѣны, прибавляли травъ урочной, Богородской, и ремезова гнѣзда, и сею смѣсью окуривали ребенка. Когда случалась продолжительная бессонница, брали льну, дѣлали изъ него длинныя пряди, мѣряли у ребенка руки, ноги и длину всего тѣла; потомъ клали ленъ на печную заслонку, зажигали и держали ребенка надъ дымомъ. Если подозрѣвали, что такой-то человекъ сглазилъ, то старались достать волосокъ сглазившаго, или клочекъ его платья, и прибавя травъ Богородской и урочной, окуривали. Надобно было дѣлать такъ, чтобы человекъ, отъ котораго берутъ волосы, того не зналъ. Замѣтивши, что ребенокъ просыпается въ полночь, говорили: «у него *полуночица*.» Тогда мать носила его по три зари къ курицамъ въ курятникъ, положивши его въ подолъ, и тихонько трясла его тамъ, приговаривая: *Заря моя, зорюшка! возми свои криксушки!* Знахари утверждали, что наговоры лучше дѣлать на утренней зарѣ, но иногда дѣлали и на вечерней. Клали также отъ бессонницы въ люльку ребенку краюшку хлѣба, цвѣтокъ чертополоха, косточку изъ головы поросенка, или рыбы, которую въ просторѣчьи называютъ: «сонъ»; эта косточка имѣетъ фигуру старинной серебряной копѣйки. Клали еще въ люльку дѣвчонкѣ пряслицу, а мальчику лукъ и стрѣлу — стрѣлять полуночицу.

Есть камень, называемый простолюдицами: *про-*

мовая стрѣла. Онъ бываетъ черный, или темно сѣрый цвѣтомъ, имѣетъ видъ копья, или неправильно продолговатаго треугольника; находятъ его на поляхъ, а болѣе въ пещаныхъ степяхъ. Если бывало ребенокъ, или взрослый человѣкъ, сдѣлается боленъ съ испуга, то кладутъ въ воду громовую стрѣлу, наговариваютъ и обливаютъ больного. Многіе такіе предразсудки сохранились до сихъ поръ, и между прочимъ слѣдующіе суевѣрные обычаи: нерѣдко случается, что ребенокъ родится въ перепонкѣ, которую обыкновенно называютъ *сорочка*; причину такого явленія объяснить вамъ всякій медикъ. Но сорочку эту почитаютъ въ простонародіи несомнѣннымъ признакомъ счастья; ее зашиваютъ въ платье, или въ мѣшечикъ, который носятъ всегда при себѣ. Есть даже пословица о человѣкѣ, которому все удастся: *вѣрно, въ сорочкѣ родился*. Иногда по пріятельски, берутъ сорочку у другихъ, для счастья, когда идутъ куда нибудь за важнымъ дѣломъ. Если ребенокъ слабаго здоровья (или у кого умираютъ дѣти), то продаютъ ребенка кому нибудь, преимущественно старухѣ; покупающій становится подъ окномъ; ему подають въ окно ребенка, берутъ за него пять или десять копѣекъ; на эти деньги ставятъ въ церкви свѣчу, а купившій возвращаетъ матери ребенка, говоря: *живи на мое счастье!* Новорожденнаго до шести недѣль не подпоясываютъ; по принятіи *сороковой молитвы* мать съ ребенкомъ идетъ къ крестной его матери и она подпоясываетъ его. Дѣтямъ не стригутъ волосъ до году; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ простомъ народѣ, когда мальчику минетъ годъ, стриженіе волосъ дѣлаютъ съ нѣкоторою торжественностью: приносятъ сѣдло, са-

даютъ на него ребенка и подстригаютъ ему волосы. Во время беременности, когда женщина не имѣетъ аппетита, берутъ у нищихъ *сорокъ милостынь*, то есть, сорокъ кусковъ хлѣба, и она ѣстъ ихъ; иногда берутъ только одинъ кусокъ; кромѣ того свекровь, или кто нибудь изъ домашнихъ, пришедши въ чужой домъ, старается взять лопотъ хлѣба потихоньку, чтобы того не замѣтили хозяева; думаютъ, что такой хлѣбъ возвращаетъ позывъ на пищу. Берутъ также у нищихъ милостыню, если послѣ болѣзни нѣтъ аппетита. У кого умираютъ дѣти, берутъ для счастья въ крестные отцы и крестныя матери первыхъ встрѣчныхъ, какіе попадутся, когда выйдешь изъ дома, хотя бы то были нищіе. Въ старину опытные люди и старики давали наставленія молодымъ; отъ того произошла поговорка: «Человѣкъ молодой, поучить и на умъ наставить не кому!» Такія наставленія обыкновенно заключались въ разныхъ суевѣрныхъ предосторожностяхъ. Такъ, на примѣръ, когда невѣсту везли къ вѣнцу, то ей наказывали, чтобы она старалась стать первая на подножіе, и что если она успѣетъ это сдѣлать, то будетъ большая въ домѣ. Когда случалось кому бывать въ какомъ нибудь домѣ, гдѣ, какъ думали, есть недобрые люди, то на всякое питье и пищу надобно было дуть, непримѣтно, въ видѣ креста, или говорить потихоньку: *аршинъ и ножницы*, ибо аршинъ промѣряетъ, а ножницы перестригутъ всякое зло. Войдя въ домъ за какимъ нибудь дѣломъ, или просьбою, надобно было взяться, прежде нежели войдешь, три раза за скобку, и говорить: «Какъ молчитъ эта скоба, такъ молчалъ бы *такой-то* противъ меня.» Войдя, вдругъ подлежало взглянуть, и думать, или

говорить: «Я волкъ, ты овца; съѣмъ я тебя, проглочу я тебя — бойся меня!» Простонародные лекаря иногда обрѣзываютъ у больныхъ ногти у рукъ и ногъ, берутъ яйцо, дѣлаютъ на немъ искусно скважину, кладутъ туда ногти, отверстіе залѣпляютъ воскомъ, и относятъ яйцо въ лѣсъ, чтобы унесла птица яйцо и вмѣстѣ съ нимъ болѣзнь. Дѣтей и взрослыхъ, которыхъ думаютъ, что они испуганы, водятъ иногда на колокольню во время звона и ставятъ подъ колокола. Берегутъ еще яйцо, которымъ похристосовались въ первый день Свѣтлаго Воскресенія съ первымъ человѣкомъ; говорятъ, что оно не портится, и когда бываетъ пожаръ, то его надобно только бросить въ огонь, который, какъ увѣряютъ, отъ того прекращается. Пожаръ, происшедшій отъ молніи, есть повѣрье заливать молокомъ и квасомъ.

Въ домашнемъ быту есть столько разныхъ суевѣрныхъ примѣтъ, что простолюдину, кажется, нельзя ступить шагу безъ нихъ. Если трещитъ передній уголъ дома, или матица, полагаютъ, что это къ покойнику, а если задній уголъ, то выживаетъ живаго, и хозяинъ, или кто нибудь изъ живущихъ, выйдетъ въ такомъ случаѣ изъ дома. Часто заводятся, особливо въ старыхъ деревянныхъ домахъ, червяки, которыхъ называютъ «кузнечиками»; они производятъ стукъ, весьма похожій на бой часовъ, и потому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называютъ ихъ *часами*; замѣчаютъ, что кузнечики бываютъ къ покойнику, или къ раззоренію. Если курица запоетъ пѣтухомъ, то замѣтивъ ее, тотчасъ закалываютъ, а пока не знаютъ, которая курица поетъ, но только слышатъ пѣ-

ніе, обыкновенно говорятъ: «пой на свою голову!» Когда воронъ садится на крышу дома, примѣта, говорятъ, также къ покойнику, или къ раззоренію. Сова и кукушка прилетаютъ въ домъ къ мертвецу, или предвѣщая пожаръ. *Желна* и *дателъ* означаютъ покойника и раззоренье. Если ночью курицы хлопочутъ, замѣчаютъ, что быть войнѣ, либо рекрутскому набору. Если пѣтухъ поетъ вечеромъ въ необыкновенное время, то надобно взять его съ насѣсти и пощупать у него ноги: теплыя будутъ къ вѣстямъ, или къ гостямъ, а холодныя къ покойнику. Когда курицы и другія птицы клаютъ ночью кормъ, то будетъ дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Если собака копаетъ яму, значитъ покойника, и если приходитъ она къ дому и воетъ, тоже предвѣщаніе смерти. Когда нѣсколько собакъ воютъ и поднимаютъ головы вверхъ, замѣчаютъ что это къ пожару. Когда въ домъ водятся ласточки, говорятъ, что къ добру, спокойствію и богатству. Голуби тоже признакъ добра а черные тараканы, счастья. Если паукъ спустится на человѣка, признакъ добрый. Когда мыши ѣдятъ печеный хлѣбъ съ верху въ низъ, замѣчаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ, а если съ низу въ верхъ, то хлѣбъ будетъ дорогъ, но если выѣдаютъ средину, цѣна будетъ средняя. Изъѣденное мышами платье значитъ болѣзнь, смерть или убытокъ. Если куличи и прочія приготовленія къ пасхѣ не удаются, замѣчаютъ, что не къ добру хозяину, а если хлѣбы будутъ съ *головами*, надобно замѣчать: куда они головами? Если въ печь — прибыль, если къ устью печи — убытокъ. Когда выходитъ изъ горшка каша, дѣлаютъ тоже замѣчаніе. Если *моется кошка*, это къ гостямъ, и замѣчаютъ: съ кото-

рой стороны замыкает она лапой, съ той и будутъ гости; если же заднюю лапу вытянетъ она въ верхъ, то шупаютъ протянутую лапу, и когда лапа теплая означаетъ, что гость будетъ пріятный, а холодная гость не любимый. Если кошка спитъ рыломъ въ верхъ, значитъ, что будетъ теплая погода, а если старается она лечь къ печи и голову спрятать, то погода будетъ холодная. Гдѣ въ домѣ заведется ласточка, небольшой звѣрокъ, величиною и видомъ похожій на горностая и не причиняющій никакого вреда, значитъ добро. Если птичка ласточка, или воробей, влетитъ въ комнату, предвѣщаніе покойника, или пожара. Сычъ, филинъ и сова всегда прилетаютъ не къ добру. Въ дорогѣ, когда ѣдете по лѣмъ, или лѣсомъ, и перебѣжить дорогу волкъ, почитается къ добру, а если лисица, или заяцъ, къ неуспѣху, либо къ какой нибудь помѣхѣ въ дѣлахъ. За обѣдомъ просыпанная соль означаетъ ссору. Если за столомъ нужно передать соль другому, то надобно размѣяться, а иначе поссоришься съ тѣмъ чело-вѣкомъ, которому подаешь соль. Когда даешь кому нибудь иголку, или булавку, то надобно сначала уколоть ею, а то непременно поссоришься. При подаркѣ ножа надобно взять какую нибудь монету, копейку или грошъ. Когда топится печь и изъ нея высыпаютъ уголья, значитъ, что будутъ гости. Въ то время, когда топится печь, если дрова упадутъ на передъ, тоже означаетъ гостей. Когда покойнику сдѣлаютъ гробъ великъ, замѣчаютъ, что въ домѣ будетъ еще покойникъ, и то же замѣчаютъ, когда умершій долго не остываетъ. Мыло, которымъ мыли покойника, берегутъ и имъ моютъ руки тѣмъ, у кого они терпнутъ. Когда вдругъ на-

несетъ ладономъ, то въ домѣ будетъ покойникъ. Если чешется лобъ — знакъ, что съ кѣмъ нибудь увидишься. Правая бровь чешется къ свиданію съ пріятнымъ чело-вѣкомъ, лѣвая съ непріятнымъ, переносица къ покойнику, подъ глазами къ слезамъ, усь къ гостинцамъ, правая рука получать деньги, а лѣвая отдавать. Когда стрекочетъ конецъ языка, значитъ говорить съ дорожнымъ. Когда горитъ правая щека, кто нибудь говоритъ хорошо и хвалитъ вась, а лѣвая — вась бранить. Если нечаянно плюнешь на себя — обнова, или напраслину скажутъ. Когда рубашку или платье надѣнешь на изнанку — быть пьяному, либо битому. Если звенить въ ухѣ, загадываютъ что нибудь и потомъ спрашиваютъ у другаго: «въ какомъ ухѣ звенить?» Когда вопрошаемый отгадаетъ, то загаданное — сбудется, если не отгадаетъ то не сбудется. Когда чело-вѣкъ икаетъ, говорятъ, что кто нибудь его поминаетъ, и стараются угадать того чело-вѣка, который поминаетъ, думая, что если угадаешь, то перестанешь икать. Суевѣрные старики и старухи говорятъ еще, что во время икоты ангелъ хранитель и дьяволъ спорятъ и ждуть: кого вспомнить икающій? а потому, когда икаютъ то всегда говорятъ: «Помяни мя, Господи, егда прѣидеши во царствіи твоемъ.» Шедши дорогою, если найдутъ чеку, выпавшую изъ тельги, или башмакъ, то берутъ ихъ и приносятъ домой, какъ средство отъ клоповъ. Замѣчательнъ еще суевѣрный способъ выводить клоповъ въ заговѣнъ передъ Петровымъ постомъ: вечеромъ, перворожденный, и тотъ, который родился у матери послѣ всѣхъ, безъ различія пола, первый беретъ на ложку масла и тварогу, а второй беретъ кочергу, садится на нея верхомъ

и объѣзжаетъ вокругъ дома три раза, останавливаясь у каждаго угла. Перворожденный носить между тѣмъ кругомъ дома ложку съ масломъ и тварогомъ, и отвѣчаетъ, когда ѣдущій на кочергъ спрашиваетъ его: «чѣмъ ты заговляешься? — Масло, да сыромъ. — «А клопы чѣмъ заговляются?» — Клопъ клопа съестъ. — Вопросы и отвѣты продолжаются до тѣхъ поръ подъ каждымъ угломъ, пока ѣдокъ на кочергъ объѣдетъ три раза вокругъ дома, а потомъ первый долженъ съестъ масло и тварогъ, которые носилъ на ложкѣ кругомъ дома.

Въ простомъ народѣ вѣрятъ по сіе время домовымъ, лѣснымъ, водянымъ, нечистымъ духамъ и русалкамъ. Въ Сибири домового называютъ *сусѣдко*, и также называютъ его *хозяиномъ*, боятся прогнѣвить, и часто просятъ его охранять домъ, приговаривая: «Дѣдушко сусѣдушко! береги нашу скотинушку!» По мнѣнію простолюдиновъ, домовый бережетъ домашнюю скотину и птицу. Если скотина худѣетъ то говорятъ: *не ко двору пришла*, стараясь выпарать цвѣтъ шерсти такой, чтобы скотина пришла ко двору, черную, бѣлую, или другихъ шерстей, которая приходится, по замѣчанію, на правъ сусѣдку. Говорятъ, что если сусѣдка которую скотину не взлюбитъ, то по ночамъ ѣздитъ на пей, мучить ее, выгребаетъ у нея кормъ. У курицъ бываетъ болѣзнь, отъ которой искривляется у нихъ шея, но простолюдины думаютъ, что домовый вертитъ шею курицамъ. Для лошадей держатъ въ конюшнѣ козла, и когда лошади и коровы жирны и гладки, знакъ, что ихъ любитъ домовый, холить и кормить, чешетъ и заплетаетъ имъ хвосты и гривы. Многіе просто-

людины увѣряютъ, будто они видали, какъ домовый выскрываетъ огонь. Если кому нибудь въ домѣ умереть, или выйти изъ дома, сусѣдко воетъ. Нерѣдко случается, особливо съ людьми полнокровными, что во время сна, ночью, они чувствуютъ, какъ будто навалилась на нихъ какая тяжесть, такъ, что нахотѣвъ въ полномъ чувствѣ, спящій не можетъ однакожь поворотиться и ничего проговорить; въ такомъ случаѣ старики совѣтуютъ, хоть мысленно, читать молитву. Если имъ станешь говорить, что такое оцѣнѣніе дѣлается отъ прилитія крови, они не вѣрятъ, сваливая его на домового, и когда съ ними случится такой припадокъ, спрашиваютъ: «къ худу или добру?» а потомъ увѣряютъ, что слышали отвѣтъ: «къ добру,» или: «къ худу.» Нѣкоторые увѣряютъ еще, будто они сами видали домового, и описываютъ его въ видѣ маленькаго, косматаго старичка. Жилище его полагается подъ печкою, или за печкою; туда кладутъ ему простолюдины маленькіе хлѣбцы.

Лѣсной, по народному мнѣнію, заводитъ прохажихъ въ болоты, въ непроходимыя трущобы, или водитъ около одного мѣста, такъ, что бѣдный прохожій выбѣется изъ силъ, а выйти на дорогу никакъ не можетъ. Есть такія мѣста, гдѣ это случается часто: иногда пойдутъ въ лѣсъ за ягодами и за грибами, потеряютъ дорогу и говорятъ: «Лѣшій обошелъ!» Что дѣлать въ такомъ случаѣ? Спасибо, на всякую притчу есть лекарство, и замѣтивъ, что «Лѣшій обошелъ,» спимаютъ одежду, выворачиваютъ ее на изнанку, снимаютъ обувь, вытрясаютъ ее, переворачиваютъ стельки въ лантяхъ, сапогахъ, котахъ, благословясь начинаютъ искать дороги и сыскива-

ютъ. Лѣсной является всегда въ видѣ прохожаго, или принимаетъ обликъ кого нибудь изъ знакомыхъ; онъ говоритъ съ тѣми, надъ кѣмъ хочетъ подшутить, и вдругъ пропадаетъ. Когда лгodiницы, или находящіеся въ лѣсу за другимъ дѣломъ, увидятъ, что они потеряли дорогу и совсемъ находятся въ другомъ мѣстѣ, лѣшій обнаруживаетъ иногда свою радость, захохочетъ, захлопаетъ въ ладоши, даже лично является на горѣ, въ такомъ неприступномъ мѣстѣ, куда человѣку невозможно взобраться, и оттуда насмѣхается надъ обманутыми, свищетъ, хлопаетъ, хохочетъ, такъ, что лѣсъ стонетъ. Его описываютъ рослымъ, здоровымъ мужикомъ. Случается, какъ рассказываютъ простодушные крестьяне, ѣдетъ мужичекъ зимою, одинъ, прозябъ, хочетъ пойти погрѣться, а дѣло къ сумеркамъ; и вотъ подходитъ прохожій, и слово за слово, идутъ вмѣстѣ, или незнакомецъ проситъ подвезти его. Дѣло ладно, но вдругъ — глядь: прохожаго слѣдъ простылъ, а бѣдный крестьянинъ видитъ себя въ оврагѣ, либо въ болотѣ. Думаю, что всѣ рассказы происходятъ отъ того, что крестьянинъ, возвращаясь домой, обезпечится, вздремнетъ, а лошадь завезетъ его, куда глаза ея глядятъ, или ѣздокъ подопьетъ и отъ того потеряетъ дорогу. Надобно еще прибавить, что наши крестьяне большіе охотники ѣздить въ объѣздъ, прѣселками, и не удивительно имъ потерять дорогу. Иногда, можетъ быть, кто нибудь и подшутитъ надъ инымъ, а такая одна исторія идетъ потомъ изъ рода въ родъ, съ прибавленіями и увеличиваніями. Полагаю также, что часто крикъ филина и сыча принимаютъ за хохотъ лѣшаго.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ мало слышно о русал-

кахъ, упыряхъ и вѣдьмахъ; они обитатели южные, и въ Малороссіи и въ южныхъ губерніяхъ рассказываютъ объ нихъ разныя исторіи. Въ сѣверныхъ губерніяхъ вѣрятъ болѣе въ водянаго, котораго суевѣріе помѣстило подъ мѣльницами и въ *уловахъ* (такъ называютъ въ Сибири водовороты, или ямы въ рѣкахъ и озерахъ, гдѣ вода вертится, какъ въ воронкѣ, вѣроятно, отъ подземныхъ отверстій). Люди, купающіеся близъ такихъ ямъ, бываютъ увлечены теченіемъ, погибаютъ, и иногда нѣтъ возможности спасти ихъ. Когда находятъ утопшія тѣла въ синихъ пятнахъ, приписываютъ пятна нечистой силѣ. О мѣльникахъ всюду говорятъ, что они знаютъ съ водяными. Иногда простодушины выдають также водяныхъ женицннъ, какъ онѣ чешутъ себѣ волосы. Простой народъ вѣритъ, что когда у водянаго родитъ жена, онъ приходитъ въ видѣ человѣка и беретъ повивальную бабку. Въ такомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ ей никакого вреда и награждаетъ ее деньгами. Бабки, бывавшія у водянаго, узнавали тамъ многія свои вещи и посуду, которая пропала отъ того, что не благословясь была поставлена; разумѣется, что всѣ такія сказки самая грубая ложь, но прежде всегда были увѣрены въ томъ, что говорили старые люди, и самая нелѣпости принимали за истину.

Баня всегда почитается у насъ въ простопародіи мѣстомъ нечистымъ и страшнымъ: человѣкъ самый смѣлый не пойдетъ одинъ мыться въ баню, особливо вечеромъ. Банная посуда, нечаянно занесенные въ баню чистый ушатъ и ведро, или когда въ нихъ налита банная вода, почитаются нечистыми, и банной посудѣ не дается очистительной молитвы. Прежде былъ обычай,

что когда женщина чувствовала приближеніе родовъ, ее уводили въ баню, гдѣ она и рожала. Въ такомъ случаѣ приносили съ собою образъ и родильницы не оставляли одной. Если крайняя нужда заставляла бабу отлучиться, хотя не надолго, то она ставила, благословясь, въ уголь голикъ, или посохъ, заставляя его беречь родильницу и ребенка. Нужно ли объяснять отъ чего произошло такое суевѣріе? Бани строятся близъ воды, по большей части, отдѣльно отъ другихъ строеній; ихъ не освящаютъ, какъ дома, и потому думаютъ, что нечистая сила поселяется въ нихъ. Съ младенчества почитая баню мѣстомъ страшнымъ, часто слыша рассказы о происшествіяхъ, случающихся въ баняхъ, настроенное рассказами воображеніе легко представляетъ суевѣрію разныя необычныя явленія.

Въ Сибири есть преданіе, которому многіе вѣрятъ отъ чистаго сердца. Бываютъ годы, когда разные звѣри переходятъ изъ одного мѣста въ другое. Объясняя такой переходъ, старики говорятъ, что одинъ лѣсной проигралъ звѣрей другому и тотъ гошитъ ихъ къ себѣ. Метеоры почитаютъ простолюдины летающими огненными змѣями, и утверждаютъ, будто они носятъ богатство въ тотъ домъ, куда летаютъ, но что богатство такое бываетъ непрочно. Выдумана нелѣпая сказка о томъ, какъ родится огненный змѣй; говорятъ, что если пѣтухъ старше трехъ лѣтъ, то его не годится держать въ домъ, ибо онъ будто бы спесетъ яйцо, изъ котораго выведется змѣй; яйцо пѣтушке узнаютъ по фигурѣ: оно длинное и похоже на змѣя. Человѣкъ, имѣющій подобные умыслы, беретъ такое яйцо, носитъ у себя за пазухой шесть педѣлъ, и изъ него родится огненный змѣй,

который будетъ носить богатства въ домъ своего хозяина. Другіе говорятъ, что яйцо надобно съ приговоромъ закопать въ навозъ, и по прошествіи шести педѣлъ вылупится изъ него змѣй. Съ огненнымъ змѣемъ должно обходиться осторожно и не сердить его, а то онъ сожжетъ домъ. Когда прилетаетъ змѣй, ему обыкновенно ставятъ молоко. Все это не имѣетъ никакого основанія: никто не видалъ самъ, а все только слышали, но если увидятъ, надъ чѣмъ нибудь домомъ разсыпавшійся метеоръ, тотчасъ заговорятъ, что къ такому-то носитъ змѣй богатство; даже вошло въ пословицу, о томъ, кто скоро разбогатѣлъ, говорить: *видно, змѣй натаскалъ ему денегъ*. Небольшіе метеоры, или падающія звѣзды, простой народъ почитаетъ нечистыми духами, которыхъ свергаютъ съ неба ангелы. Сѣверное сіяніе до сихъ поръ служитъ страшнымъ предзнаменованіемъ простому народу, тамъ гдѣ не привыкли къ нему. Говорятъ: «Столбы ходятъ на небѣ,» и заключаютъ изъ того, что будетъ война. Кометы также, по мнѣнію суевѣровъ, предвѣщаютъ смутныя событія, войну, голодъ, или другія народныя бѣдствія.

Старики думали, что *кикимору* напускаетъ въ домъ кто нибудь по пасердкѣ, и особливо боялись прогнѣвить плотниковъ и печниковъ. Кикимора, поселясь въ домъ, не даетъ ни кому покою; обыкновенно, все дѣйствія ея производятся съ печи; оттуда бросаетъ она чѣмъ попало, камнями, кирпичами, дровами, посудой. Въ такихъ случаяхъ ищутъ добраго человѣка, какого нибудь прохожаго старика, или извѣстнаго вѣдуна. Онъ приходитъ въ домъ, осматриваетъ вездѣ, на крышѣ, за печкой, иногда даже разбираетъ печь, и выпимаетъ изъ нея какую ни-

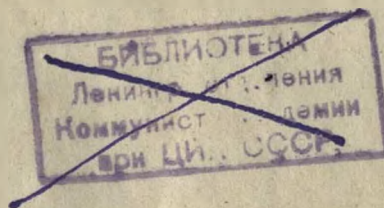
будь чучелу, вѣроятно, заранее приготовленную, а также заколачиваетъ въ разныхъ мѣстахъ клинья, даетъ наставленія хозяевамъ и все дѣлается спокойно. Мудрено разгадать: откуда вышли къ намъ разсказы и толки о кикиморѣ? Говорятъ, что ея проказы бывають не только ночью, но и днемъ. Нынѣ многое кажется намъ яснымъ и понятнымъ, что прежде считалось колдовствомъ. Сколько можно дѣлать разныхъ штукъ съ помощію электричества, не говоря уже о магнетизмѣ, который и нынѣ почтутъ за колдовство, даже люди довольно образованные? Известно, что чловѣкъ, знающій сколько нибудь больше другихъ, почитался у нашихъ стариковъ колдуномъ, да и самъ онъ, можетъ быть, почиталъ уже себя за колдуна. Бывали примѣры, что чловѣка осуждали за колдовство на сожженіе, а онъ все таки утверждалъ что онъ колдунъ, не думая отрицаться: стало быть, онъ былъ увѣренъ, убѣжденъ въ своемъ колдовствѣ твердо. Подобныхъ случаевъ бывали сотни въ Испаніи, но они случались и у насъ въ Россіи, лѣтъ за полтора. Около пятидесяти лѣтъ тому, у насъ было очень мало своихъ фабрикъ и почти все привозили къ намъ изъ Польши, Пруссіи, Австріи и другихъ мѣстъ. Бывая за границей, купцы, прикащики, и даже извозчики, много видали въ чужихъ краяхъ неизвѣстнаго въ Россіи, и такихъ людей уважали и боялись; даже была поговорка: *не спрашивай стараго, а спрашивай бывалаго*, или: *что съ нимъ говорить: онъ города прощелъ!*

Вантрилоги, или чревогъщатели, бывали у насъ и въ старину; я сама видѣла вантрилога изъ простыхъ людей; вѣроятно, такіе люди не пропускали случая

и пользовались своимъ искусствомъ, стараясь скрывать его. Исканье кладовъ до сихъ поръ одно изъ любимыхъ повѣрій, въ простомъ народѣ. Конечно, бывали примѣры, что находили клады, и думаю, что клады имѣють своимъ началомъ Татарское владычество, когда никто не былъ увѣренъ въ спокойномъ обладаніи своимъ добромъ, а потомъ ужъ по привычкѣ, или изъ скупости, старики зарывали въ землю свои сокровища. И нынѣ еще не вывелось изъ обычая, что хотя не зарываютъ богатства въ землю, но дѣти зажиточнаго крестьянина часто не знаютъ, гдѣ у отца ихъ спрятаны деньги. Старики прячутъ деньги въ какомъ нибудь хламѣ, во ржи, или въ другомъ мѣстѣ, такъ, что никто изъ домашнихъ не знаетъ. Въ старину прятанье денегъ было просто страстью, обязанностью. «Береги денежку на черный день,» говорили старики и зарывали свои запасы въ землю; разбойники также зарывали награбленные ими богатства въ лѣсахъ и другихъ примѣчательныхъ мѣстахъ. Найти кладъ заманчиво. Плуты и шарлатаны, пользуясь тѣмъ, стали разсказывать о добываніи кладовъ разныя исторіи; выдумали, будто кладъ не дается безъ соблюденія извѣстныхъ имъ обрядовъ и заклинаній; будто клады кладутся не просто, а съ приговоромъ: *кому и какъ достаться кладу и въ какомъ видѣ лвиться*. Приговоры при зарытіи кладовъ бывали разные: иногда клали на голову, или на нѣсколько чловѣческихъ головъ; въ такомъ случаѣ, кто хотѣлъ достать кладъ, долженъ былъ погубить извѣстное число людей и кладъ самъ отдавался ему въ руки. Если полагали, что такой-то чловѣкъ хочетъ зарыть кладъ, то люди близкіе къ нему подстерегали,

когда онъ будетъ зарывать, подслушивали его и переговаривали его слова, послѣ чего имъ легко было достать кладъ. Сотни исторій о кладахъ переходятъ изъ устъ въ уста въ народъ. Такъ, на примѣръ, говорятъ, что какой-то старикъ, чувствуя, что ему недолго жить, когда не было ни кого дома, пошелъ зарывать кладъ въ подполье. Невѣстка, замѣчавшая за нимъ, спряталась и подслушала приговоръ; онъ зарывалъ, приговаривая: «которая рука загребала, та и выгребай!» Такъ осталось дѣло до смерти старика, но когда онъ умеръ и лежалъ на столѣ, невѣстка напоила ночью псалтырщика, когда домашніе всѣ уже спали, отнесла трупъ старика въ подполье и его рукою безопасно вырыла кладъ. Другой зарыватель клада приговаривалъ: «на *сто головъ человечьихъ*», а спрятавшійся говорилъ: на *сто головъ куриныхъ*», и потомъ отрубивъ головы сотнѣ курицъ вынулъ кладъ. Иногда клали на *счастливаго*: тогда кладъ являлся собакой, кошкой, курицей. Въ такомъ случаѣ, когда *явится* кладъ, надобно было за нимъ идти, и гдѣ онъ остановится, не плошать: ударить на отмашь, чѣмъ попало, приговаривая: «Разсыпья!» и кладъ разсыпался, или надлежало копать тамъ гдѣ исчезъ кладъ. Бывали клады извѣстные многимъ, но взять ихъ было никакъ нельзя, ибо недоступно трудны бывали условія, съ какими они были положены. Въ одномъ мѣстѣ былъ кладъ, когда-то положенный съ приговоромъ: *достанься тому, кто пропоетъ сорокъ одну пѣсню безъ милаго дружка*, т. е. сорокъ одну пѣсню, изъ коихъ ни въ одной ни разу не было бы упомянуто о *миломъ дружкѣ*. Но въ старые годы, видно, это было очень трудно, потому что не нашелся ни одинъ сочинитель пѣсенъ и

пѣсенокъ, которые могли бы исполнить завѣтъ, и кладъ остался не тронутымъ. Нынѣ, вѣроятно, кладъ не улежалъ бы долго, и его выняли бы тотчасъ; наши поэты сочинять, пожалуй, и болѣе сорока одной пѣсни, гдѣ ни разу не упомянется о *миломъ дружкѣ*. Кому еще неизвѣстно, что искатели кладовъ старались достать цвѣтъ *папоротника*, который цвѣтетъ одинъ разъ въ годъ, ночью на Ивановъ день, и пригоденъ для легкаго отысканія кладовъ. Но доставать цвѣтокъ папоротника было весьма трудно: всѣ ужасы нечистой силы охраняли драгоценность.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дерптъ и его окрестности	1.
Прогулка изъ Дерпта по Чудскому озеру	42.
Воспоминанія о Курскѣ	52.
Одесса	79.
Иркутскъ	97.
Замѣтки о родной старинѣ	114.
Русское житье-бытье.	129.